

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания

Прокофьева Юлия Алексеевна

**Ретроспективные сверхфразовые единства в художественно-
автобиографическом дискурсе (на материале романа А. Чудакова «Ложится
мгла на старые ступени»)**

Выпускная квалификационная работа
магистра лингвистики

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Самохвалова Л.Д.

Рецензент: к.ф.н., доцент кафедры русского языка Петербургского
государственного университета путей сообщения
Императора Александра I (ФГБОУ ВО),
руководитель Центра русского языка,
Стрельчяня Ю.В.

САНКТ – ПЕТЕРБУРГ

2016

СОДЕЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ РЕТРОСПЕКТИВНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ.....	13
1.1. Характерные признаки автобиографического романа как вторичного речевого жанра и его дискурсивные черты.....	13
1.1.1. Соотношение понятий «жанр», «текст», «дискурс».....	13
1.1.2. Понятие о первичных и вторичных речевых жанрах.....	18
1.1.3. Специфика автобиографического романа как вторичного речевого жанра художественно-автобиографического дискурса.....	27
1.1.3.1. Жанровые признаки автобиографического романа А. Чудакова как компонента художественно-автобиографического дискурса.....	32
1.2. Дисконтинуум как характерная черта художественно- автобиографического дискурса.....	36
1.2.1. Ретроспекция как проявление дисконтинуума, ее особенности.....	36
1.2.2. Ретроспекция как свойство художественно-автобиографического дискурса и авторского дискурса А. Чудакова.....	41
1.2.3. Память как проявление ретроспективности, ее типология.....	44
1.2.3.1. Особенности проявления категории памяти в дискурсе А. Чудакова	50
1.3. Ретроспективные сверхфразовые единства как способ реализации ретроспективности и категории памяти.....	51
1.3.1. Понятие о сверхфразовых единствах.....	51
1.3.2. Сверхфразовые единства и текстовая категория связности.....	56
1.3.3. Понятие о ретроспективных сверхфразовых единствах.....	59

1.3.4. Ретроспективные сверхфразовые единства и функционально-смысловые типы речи: параметры их соотношения и принципы анализа в дискурсе А. Чудакова.....	61
1.3.4.1. Понятие о типах текстовой информации.....	64
ВЫВОДЫ.....	67
ГЛАВА II. АНАЛИЗ РЕТРОСПЕКТИВНЫХ СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА А. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ».....	71
2.1. Структурно-речевые типы ретроспективных сверхфразовых единств: принципы выделения и анализ в дискурсе А. Чудакова.....	71
2.1.1. Аспекты анализа структурно-речевых типов РСФЕ в дискурсе А. Чудакова.....	76
2.1.1.1. Интерпретационные возможности видо-временных форм глагола в дискурсе А. Чудакова. Общие и частные значения глагольного вида.....	77
2.2. Анализ структурно-речевых типов РСФЕ в дискурсе А. Чудакова.....	80
2.2.1. Интегрированные РСФЕ и их анализ.....	80
2.2.2. Неинтегрированные РСФЕ и их анализ в дискурсе А. Чудакова.....	90
2.2.3. Анализ сложных ретроспективных сверхфразовых единств в дискурсе А. Чудакова.....	98
2.3. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств как функционально-смысловых типов речи в дискурсе А. Чудакова.....	112
2.3.1. Аспекты анализа ретроспективных сверхфразовых единств как функционально-смысловых типов речи.....	115
2.3.2. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в соотношении с функционально-смысловым типом речи <i>описание</i>	116
2.3.2.1. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в связи с их принадлежностью к разновидности <i>предметное описание</i>	116
2.3.2.2. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в связи с их принадлежностью к разновидности <i>событийное описание</i>	123

2.3.3. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в соотношении с функционально-смысловым типом речи <i>повествование</i>	130
2.3.3.1. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в связи с их принадлежностью к разновидности <i>изобразительное повествование</i>	131
2.3.3.2. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в связи с их принадлежностью к разновидности <i>событийное повествование</i>	138
2.3.4. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в соотношении с функционально-смысловым типом речи <i>рассуждение</i>	145
ВЫВОДЫ.....	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	164
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	168
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	175

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование направлено на выявление структурной, речевой и языковой специфики и функций ретроспективных сверхфразовых единств (далее — РСФЕ) в художественно-автобиографическом дискурсе. **Материалом для исследования** послужил роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», принадлежащий к жанру «автобиографического романа» (Ракова 2012: 88) — одного из компонентов художественно-автобиографического дискурса, занимающего все более прочные позиции в современном литературно-художественном пространстве, отмеченном «знаком перемен», как и само начало XXI века (например, «Заблуждение велосипеда» Ксении Драгунской, «Милосердия двери» А.П. Арцыбушева и др.).

РСФЕ являются единицами «объемно-прагматического членения» (термин И.Р. Гальперина) ретроспективного плана текста, принадлежащего к художественно-автобиографическому дискурсу, представляют собой микротексты, обладающие основными текстовыми категориями — тематической законченностью, цельностью, связностью, информативностью, ситуативностью, интенциональностью, интертекстуальностью (см. Рогова и др. 2011: 11), всеми параметрами дискурсивности, способностью к реализации авторской интенции. РСФЕ, как композиционно-речевые компоненты доминирующего в художественно-автобиографическом дискурсе ретроспективного повествования, выполняют смыслопорождающую функцию. Ретроспективный план характеризуется «скачком влево» (термин Н.В Брусковой) от «базисного времени» (термин Ж. Женнет), способствует прерыванию линейности развертывания текста, являясь отсылкой к прошлому, к воспоминаниям, всплывающим в сознании вымышленного героя-рассказчика, которому отведена роль нарратора в художественно-автобиографическом дискурсе. Ретроспективный план такого типа дискурса связан, таким образом, с процессом семантизации глобальных типов памяти — «личной» и «культурной» (Ю.М. Лотман), или историко-

культурной, с актуализацией основных типов текстовой информации — «содержательно-фактуальной», «содержательно-концептуальной» и «содержательно-подтекстовой» (И.Р. Гальперин).

Категория ретроспекции в основном изучалась в русле литературоведения: в работах М.М. Бахтина, Ж. Женнет, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Т.Л. Мотылевой и др. В лингвистике изучением ретроспекции занимались И.Р. Гальперин, М.Н. Левченко, О.И. Москальская и др. Значительное влияние на изучение ретроспекции оказал И.Р. Гальперин, который понимает ретроспекцию как «грамматическую категорию текста, включающую в себя формы языкового выражения, относящую читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» (Гальперин 2007: 106). И.Р. Гальперин рассматривает данную категорию на материале художественных текстов, описывая ее как «форму дисконтинуума» (Гальперин 2007: 105). В дальнейшем ретроспекция изучалась в работах Д.Д. Антиповой, Н.В. Брусковой, Л.Н. Федоровой на материалах английских и немецких научных текстов, а также Я.А. Чиговской на материале русских научных текстов. Частично вопрос о ретроспекции затрагивался в исследованиях Р.Л. Смулаковской при анализе явления «дисконтинуума» в автобиографической прозе (Смулаковская 2009: 57).

Более детальному рассмотрению единиц, представляющих собой ретроспективные фрагменты текста и репрезентирующих ретроспекцию, т.е. РСФЕ, посвящены исследования И. Тивьяевой, но на материале английской литературы. В определении И. Тивьяевой, использующей термин «ретроспективные сверхфразовые единства», последние представляют собой «последовательность предложений, объединенных микротемой возвращения в прошлое» (Тивьяева 2007: 3). Таким образом, вопрос о специфике структурной, речевой и языковой организации РСФЕ, выявлении их функций в художественно-автобиографическом дискурсе на материале русской автобиографической прозы остается открытым и привлекательным для

дальнейших исследований, обеспечивая их **новизну** в сфере лингвистики текста.

Размышления над аспектами анализа РСФЕ связаны с коммуникативно-прагматической направленностью современных лингвистических текстологических исследований, актуальной задачей которых стало определение специфических моделей построения связной речи с учетом «речевых ситуаций» (термин А.В. Бондарко), характерных для различных типов текстов. Согласно высказыванию К.А. Роговой, «в настоящее время ведутся поиски, направленные на выявление особенностей употребления языковых единиц, обнаружение и описание речевой системности», «подход систематизации функционально мотивированного отбора языковых средств в рамках функционального стиля, речевого жанра и его разновидностей, проявленных в конкретных текстах, безусловно, плодотворен» (Рогова К.А.: [Электронный ресурс]). Ретроспективный план жанра автобиографического романа, проявляющего черты художественно-автобиографического дискурса, отличается своей спецификой, разнообразным набором «речевых ситуаций», реализованных в РСФЕ, в силу присущих ему особенностей, в частности: многотемностью, реализацией мотива памяти, сложностью хронотопа, историзмом, образной обработкой реальных событий и фактов, многомерностью повествования о судьбах «невывымышленных» персонажей, задачей «вписать» личную судьбу героев в историко-культурный контекст, переоценить и переосмыслить события сквозь призму времени. С точки зрения И.В. Раковой, автобиографический роман, к которому отнесено и произведение А. Чудакова, «представляет автобиографический жанр», но одновременно с этим является «художественным произведением — романом, где образ главного персонажа и сюжет — это художественная обработка фактов, пережитых автором» (Ракова 2012: 88). Одними из жанрообразующих признаков автобиографического романа является как ретроспекция, так и «соотношение настоящего и прошлого», «особая временная

и пространственная организация» и «память как важнейшая категория автобиографического повествования» (см. Волошина 2008: 12).

Многоаспектность ретроспективного плана художественно-автобиографического дискурса обуславливает смену «речевых ситуаций», вводимых в РСФЕ-ва в качестве ассоциативной реакции на стимул, появляющийся в «базисном времени» и возрождающий воспоминания о фактах, событиях, людях, их судьбах в контексте исторического прошлого. За счет многомерности повествовательного плана художественно-автобиографического дискурса усложняется и структура РСФЕ, проявляющего свои характерные признаки в связи с принадлежностью к тому или иному «функционально-смысловому типу речи» (далее — ФСТР), соотносимому «с членением текста на сложные синтаксические целые», СФЕ (см. Рогова: [Электронный ресурс]). Исследование «экстралингвистических основ этих речевых построений, выявление их дискурсивных особенностей и особенно языковых средств выражения активно ведется в настоящее время» (Рогова [Электронный ресурс]).

Таким образом, обращение к РСФЕ, выявлению их структурных и речевых типов, специфики употребления языковых и речевых средств («коммуникативно-семантических моделей» — термин Г.А. Золотовой), а также функций в художественно-автобиографическом дискурсе, обладающем специфическим набором «речевых ситуаций» в ретроспективном плане и требующем дальнейших исследований, обуславливает **актуальность** настоящей работы.

Объектом исследования являются ретроспективные сверхфразовые единства, **предметом** — специфика структурной и речевой организации, употребления языковых и речевых средств в различных типах РСФЕ, а также функции в художественно-автобиографическом дискурсе.

Цель исследования состоит в выявлении основных типов РСФЕ, специфики их речевой и языковой организации и функций в художественно-автобиографическом дискурсе (на материале романа А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»).

Целью исследования обусловлены следующие **задачи**:

- 1) выработать понятийно-терминологический аппарат на основе анализа научных источников в соотношении со спецификой исследуемого материала;
- 2) выявить жанровые признаки автобиографического романа как компонента художественно-автобиографического дискурса (в соотношении с понятиями *жанр — текст — дискурс*);
- 3) выявить особенности проявления ретроспективного плана в художественно-автобиографическом дискурсе, критерии его выделения;
- 4) определить критерии выделения РСФЕ в художественно-автобиографическом дискурсе, их специфику;
- 5) выявить структурно-речевые типы РСФЕ в их соотношении с пространственно-временной организацией, способами и средствами связи между предложениями, специфику участия языковых и речевых средств в порождении смыслов в связи с реализацией ретроспективной «речевой ситуации» в художественно-автобиографическом дискурсе (под «речевой ситуацией» в данном случае понимается «все то в обстановке речевого акта, отражаемой в сознании говорящего и слушающего, что взаимодействует со значениями языковых средств, участвуя в формировании содержания высказывания» — Бондарко 1996: 111);
- 6) проанализировать ретроспективные сверхфразовые единства как функционально-смысловые типы речи в дискурсе А. Чудакова (*описание, повествование, рассуждение*), выявить их разновидности, «коммуникативно-семантические модели» (термин Г.А. Золотовой) построения, специфику развития «тема-рематической прогрессии» (термин Danes) в их композиционных фрагментах (*экспозиции, разработке* — К.А. Рогова), а также особенности употребления языковых средств, роли их «смысловых

- приращений» в организации смыслов (Н.Д. Арутюнова, К.А. Рогова);
- 7) раскрыть специфику употребления и интерпретационные возможности видо-временных форм глагола в РСФЕ, принадлежащих к различным структурным и речевым типам в художественно-автобиографического дискурсе, где глагол, по утверждению С.В. Волошиной, является значимым «смыслообразующим компонентом» (см. Волошина 2008:12);
 - 8) выявить функции ретроспективных сверхфразовых единств в организации композиционной семантики, смыслового уровня текста романа А. Чудакова как фрагмента художественно-автобиографического дискурса.

Гипотеза исследования состоит в том, что РСФЕ имплицитно гипертему памяти/лейтмотив памяти за счет смысловых приращений языковых единиц как на уровне семантики, так и на уровне грамматики, актуализируют «содержательно-фактуальную», «содержательно-концептуальную» и «содержательно-подтекстовую» информацию, а также семантизируют такие глобальные типы памяти как *личная* и *историко-культурная*, значимые для художественно-автобиографического дискурса.

Положениями, выносимыми на защиту:

- 1) в художественно-автобиографическом дискурсе РСФЕ отличаются усложненной структурно-речевой организацией, проявляющейся в их способности интегрироваться в «базисное время», автономизироваться от него, образовывать сложные «текстоструктуры» (термин И. Тивьяевой), состоящие из нескольких простых РСФЕ, что отражает ассоциативность проявления памяти и актуализирует дистантный способ связи между предложениями единства;
- 2) отличительной чертой художественно-автобиографического дискурса, на наш взгляд, является склонность к взаимопроникновению ФСТР внутри РСФЕ;

- 3) в художественно-автобиографическом дискурсе присутствуют элементы публицистического стиля, подчеркивающие фактографичность изображаемых событий и лиц, оформляющие некоторые речевые типы РСФЕ;
- 4) специфической чертой художественно-автобиографического дискурса является наличие многосубъектности в РСФЕ, что передает специфику действия механизмов памяти, ее семантизации, когда в небольшой фрагмент текста вводится целый набор воспоминаний, раскрывающих описываемую речевую ситуацию многоаспектно, с акцентированием внимания на значимых деталях — тех, что сохранились в памяти и мгновенно всплывают в воспоминании;
- 5) «базисное время», на фоне ретроспективного, ведется глаголами прошедшего времени (преимущественно СВ, настоящее историческое в нем отсутствует), что связано с наличием в такого типа дискурсе «ближайшего», ведущего «базисное время», и «отдаленного», ведущего ретроспекцию, прошлого;
- б) виды глагола выполняют смыслопорождающую функцию и ведут основную гипертему текста — *память*;

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении критериев анализа и описания РСФЕ в художественно-автобиографическом дискурсе, а также определении коммуникативно-семантических моделей их построения в соотношении со структурными и речевыми типами, развитии теоретических положений, связанных с определением характерных черт художественно-автобиографического дискурса, жанра автобиографического романа как его компонента, что может внести определенный вклад в сферу исследований текста в аспекте лингвистического анализа.

Новизна исследования заключается в обращении к всестороннему анализу РСФЕ в художественно-автобиографическом дискурсе, что предпринимается в аспекте лингвистического анализа текста впервые.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования в практике преподавания основ лингвистического

анализа художественного текста с признаками автобиографичности, а также в практике продуцирования моделей построения РСФЕ, оформленных по тому или иному типу речи в связи с отражением определенной «речевой ситуации», в иностранной аудитории. Результаты материалов исследования могут представлять интерес и для литературоведов, поскольку в нем затрагиваются проблемы интерпретации конкретного текста — автобиографического романа А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени».

В работе применены следующие **методы**:

- Описательный метод;
- Структурный метод;
- Метод контекстуального анализа;
- Метод непосредственного наблюдения над текстом;
- Метод композиционного анализа;
- Метод интертекстуального анализа (частично);
- Прием направленной выборки.

Структура работы. Работа состоит из:

- Введения;
- Основной части, состоящей из двух глав;
- Заключения;
- Списка литературы;
- Краткого Приложения, содержащего расшифровку аббревиатур использованных терминов.

ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ РЕТРОСПЕКТИВНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННО- АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ

1.1. Характерные признаки автобиографического романа как вторичного речевого жанра и его дискурсивные черты

1.1.1. Соотношение понятий «жанр», «текст», «дискурс»

Вопрос о взаимосвязанности в рамках лингвистического анализа текста таких ключевых понятий, как *жанр*, *текст*, *дискурс*, принципиален для данного исследования, поэтому требует дальнейшего теоретического осмысления.

Понятие *жанр* используется в науке со времен Аристотеля, и хотя считается традиционным, его интерпретационный потенциал безграничен, т.к. подвергается постоянному переосмыслению. Появившись в науке только в XX веке, понятие *дискурс* имеет значительно более краткую историю, но такой же неустойчивый характер, как и представление о жанре, а также о тексте. Обратимся прежде всего к соотношению понятий *жанр* и *дискурс*.

В научной литературе часто прибегают к использованию терминов *жанр* и *дискурс*; при этом мы можем наблюдать, насколько разнится интерпретация соотношения между ними. Так Ц.В. Тодоров отмечает, что правила, касающиеся дискурса, часто изучаются в пределах «жанров» или «стилей» (Тодоров 1983: 367). При этом он определяет *дискурс* как пространство, располагающееся «по эту сторону высказывания, т.е. дано после языка, но до высказывания» (Тодоров 1983: 367).

Жанр, или речевой жанр по М.М. Бахтину, представляет собой «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний», связанные с определенной «сферой использования языка» (Бахтин 1997: 159). Пространство «вне высказывания» выстраивает

содержательную, языковую, стилевую и композиционную специфику того или иного высказывания.

Ссылаясь на М.М. Бахтина, В.И. Тюпа утверждает, что предмет, цель и ситуация высказывания определяют композицию жанра (Тюпа 2011: 39). Следовательно, тема, композиция и стиль определяются предметом, целью и ситуацией. В.И. Тюпа предлагает понимать *жанр* как «инвариант одноименного дискурса» (Тюпа 2011: 39). Автор пишет: «Речевые жанры всегда — модификации некоторого более широкого сегмента словесной культуры» (Тюпа 2011: 39). Так, говоря о биографическом дискурсе, В. Тюпа предлагает выделять такие жанры как жанр обличительной речи, жития, собственно жизнеописания, автобиографии, мемуаристики и т.д. Сам автор рассматривает *дискурс* с двух точек зрения: дискурс как «единое коммуникативное событие, которое обладает инвариантной жанровой структурой текстопорождения», и дискурс как «интертекстуальное коммуникативное пространство», включающее в себя множество жанров, реализующееся социально-культурными факторами (Тюпа 2011: 40).

В.И. Карасик приводит различные подходы к определению дискурса, среди которых интерес представляет понимание дискурса как «языкового существования», предложенного Б.М. Гаспаровым, который отмечает, что «всякое употребление языка представляет собой часть человеческого опыта, вбирающего в себя уникальное стечение обстоятельств», среди которых исследователь выделяет: 1) коммуникативное намерение автора; 2) взаимоотношения автора и адресатов; 3) возможные «обстоятельства»; 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи, конкретной среды и личностей, которым сообщение прямо и косвенно адресовано; 5) жанровые и стилевые черты сообщения и коммуникативной ситуации; 6) ассоциации с предыдущим опытом, оказавшимся в поле языкового действия (см. Карасик 2002: 192).

Другим понятием, требующим рассмотрения, является представление о *тексте*, исследованиям которого посвящены работы целого ряда ученых

(В.В. Виноградова, Л.Г. Бабенко, Н.С. Валгиной, Б.М. Гаспарова, Ю.В. Казарина, Е.С. Кубряковой Ю.М. Лотмана, К.А. Роговой, В.Н. Топорова, В.И. Тюпа, В.Е. Чернявской и мн. др). Наиболее популярным источником определения этого термина является представление о тексте И.Р. Гальперина, согласно которому «текст — это произведение речетворного процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (СФЕ), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин 1981: 18). И. Гальперин интерпретирует текст как продукт речи, обладающий категорией связанности, целостности и интенциональности, в расширенном и наиболее полном варианте — категориями воспринимаемости, информативности, ситуативности, интертекстуальности (см. Рогова и др. 2011: 9).

Обобщая и уточняя характеристики текста вслед за И.Р. Гальпериным, К.А. Рогова пишет, что «текст «представляется как произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, которая отражает целенаправленность этого процесса, состоящее из ряда сверхфразовых единств, объединенных разными типами связи, и объективированное и обработанное в соответствии с типом документа, то есть обладающее типологическими особенностями» (Рогова и др. 2011: 11). Отсюда следуют как минимум два вывода, значимых для данной работы: во-первых, текст имеет границы и присущие только ему текстовые категории, являясь самодостаточным речетворческим продуктом; во-вторых, типологические черты, характерные для текста, связывают его с определенным *жанром*, в рамках которого он создан, что подтверждается и высказыванием М. Бахтина, утверждающего, что «все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого», то есть жанровыми признаками (Бахтин 1997: 180).

Рассматривая вопрос о соотношении понятий *текст* и *дискурс*, И.Т. Касавин определяет дискурс как «неоконченный живой текст, взятый в момент его взаимодействия с контекстом» (Касавин 2008: 295-296). Согласно его мнению, текст при этом отличается значительной «отчужденностью от самого автора своими индексальными параметрами» (Касавин 2008: 296). Данный подход апеллирует к дискурсу как процессу создания текста в момент, когда текст имеет непосредственную связь с автором, в то время, когда законченный текст уже оторван от него в пространстве и времени. И.Т. Касавин подчёркивает, что «дискурс — это форма витального знания, находящегося в непосредственном взаимодействии с его творцом, и одновременно, с условиями познания (предметными, социальными, культурными)» (Касавин 2008: 303).

Подчеркивая смежность понятий *текст* и *дискурс*, Н.Д. Арутюнова в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяет дискурс как «связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторам, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, «погружённая в жизнь» (ЛЭС 1990: 136-137).

Согласно мнению К.А. Роговой, при дискурсивном подходе к тексту исследователь может рассматривать его с лингвистической точки зрения, в то же время принимая во внимание социально, психологически и культурологически обусловленные значения языковых единиц (Рогова 1997: 6). Текст анализируется с позиций того, как используется язык «для выражения особого содержания», или как языком создается мир автора произведения (Рогова 1997: 6). При анализе художественного текста, что актуально для настоящего исследования, К.А. Рогова предлагает включать следующие содержательные составляющие: 1) обстоятельства, сопровождающие события; 2) фон, поясняющий события; 3) оценка участников событий; 4) информация,

соотносящая дискурс и события (Рогова 1997: 6). В данной ситуации «речь идет о двунаправленном процессе работы с языком художественного текста: с одной стороны, это выявление значений разноуровневых единиц и тех смыслов, которыми они обладают в языковой системе, с другой — наблюдение за поведением этих единиц в тексте, приобретением ими дополнительных значений и за интегрированием их значений и смыслов в содержание и смысл произведения» (Рогова 1997: 4).

Таким образом, К.А. Роговой в рамках современного лингвистического анализа текста предлагается подход, согласно которому текст представляет собой объект для анализа не только с точки зрения употребленных в нем языковых единиц, что было характерно для структурной лингвистики, но также как объект, являющийся законченным речетворческим произведением, анализ которого должен опираться на лингвистические и экстралингвистические факторы, связанные с эпохой, личностью автора, его миропониманием и реализуемыми в тексте целеустановками, т.е. включать наблюдение за смыслами с опорой на специфику употребления языковых единиц и речевую композицию текста. В данном подходе наиболее полно учтены точки соприкосновения между такими сложными явлениями, как *текст* и *дискурс*, возможность понимания законченного произведения — текста — как авторского речетворческого дискурса с включенными в него параметрами авторской личности (Рогова 1997: 6-7).

Предложенный подход актуален для нашего исследования, так как позволяет определить заданную для анализа специфику реализации параметра ретроспективности не только в границах *жанра* автобиографического романа с характерной для него ретроспективной структурой, но и с учетом *текста* конкретного автора (романа А. Чудакова), а также его *дискурсивных параметров*.

Любой текст предполагает присутствие в нем авторского мировоззрения, которое воплощается в выборе определенных языковых единиц и его речевой

композиции (или «композиционной семантики»), т.е. любой текст, ограниченный рамками жанра с присущей ему спецификой, дискурсивен.

Текст романа А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» относится к жанру автобиографического романа (Ракова 2012: 88), жанровые признаки которого нашли освещение в научной литературе. Одним из таких жанрообразующих его признаков является ретроспекция (см. Смулаковская 2009: 58). Для дискурса романа характерно наличие специфически выстроенных *ретроспективных эпизодов* (термин И.Р. Гальперина), реализованных при помощи РСФЕ, отличающихся определенной структурной, семантической и языковой типологией, что определяется позицией нарратора, а также общей интенцией текста. Если параметр ретроспективности входит в характеристики жанра автобиографического романа, т.е. представляет собой его имманентный признак, являющийся частью жанровой сущности текста, то в ее реализации с помощью особым образом оформленных в языковом отношении РСФЕ, их комбинаций в различных типах ретроспективных эпизодов проявляется дискурс А. Чудакова, так как именно авторское мировоззрение и общая интенция текста определяют специфику их речевых построений и языкового наполнения.

Изложенный подход, таким образом, не исключает рассмотрения автобиографического романа А. Чудакова прежде всего в рамках требований, предъявляемых к нему жанром, к которому он принадлежит, а также как речетворческого произведения — текста с его дискурсивными проявлениями, общие черты которого могут быть присущи и другим текстам художественно-автобиографического дискурса.

1.1.2. Понятие о первичных и вторичных речевых жанрах

Представление о «речевом жанре» отличается наличием различных подходов к его пониманию и классификации. На протяжении истории развития науки о языке к данным вопросам обращались множество деятелей лингвистики и литературоведения. Однако наиболее значительный вклад

в трактовку этого понятия внес советский философ и литературовед Михаил Михайлович Бахтин в статье «Проблема речевых жанров» в начале 50-х годов XX века.

До М.М. Бахтина также предпринимались попытки определения понятия «жанр». Так В.В. Дементьев выделяет две группы «добахтинских концепций» (Дементьев 2010: 22):

- 1) концепции, в основе которых лежит классическое понимание жанра как литературного явления. В данных концепциях жанр рассматривался либо слишком узко, а именно только по отношению к художественной литературе, либо слишком широко — по отношению к монологической и диалогической речи и их типам (Н. Буало; Г.О. Винокур и др.);
- 2) концепции, опирающиеся на исследования отдельных аспектов жанра (Н.Ю. Шведова; В.З. Демьянков; В.Г. Костомаров др.).

Взгляды М.М. Бахтина на проблемы речевых жанров отличались от всего представленного ранее. Высказывание для М. Бахтина представляло собой минимальный для использования языка материал (Бахтин 1997: 159). По мнению М. Бахтина, понятие жанра тесно связано с понятием «высказывание», в силу чего он посчитал целесообразным ввести термин «речевой жанр» (Бахтин 1997: 159). Высказывание при этом обладает определенными особенностями, среди которых можно выделить смену речевых субъектов, завершенность, предметно-смысловую исчерпанность, типические композиционно-жанровые формы завершения, фактор адресата как способность предугадать его ответную позицию, чем, в том числе, и определяется выбор языковых средств. Такой расширенный взгляд на высказывание отмечен определенным его сближением с понятием «речевой жанр», учитывающим наличие характерных устойчивых типов таких высказываний разного объема, протяженности, степени структурированности — от простой до сложной — и др. Как пишет М. Бахтин, «каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает

свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» (Бахтин 1997: 159).

Таким образом, в понимании М. Бахтина речевой жанр представляет собой «устойчивый тип высказывания», разработанный сферой использования языка, характерный для нее (Бахтин 1997: 159). Тематическое содержание, языковая, стилевая и композиционная стороны высказывания составляют единое целое и определяются особенностями сферы употребления того или иного высказывания как речевого жанра: «Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные специфические для каждой сферы условия речевого общения порождают определенные жанры, то есть определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний», при этом «каждая сфера деятельности вырабатывает целый репертуар своих речевых жанров» (Бахтин 1997: 164; 159).

М. Бахтин относил к речевым жанрам короткие реплики бытового диалога, бытовой рассказ, письмо, короткую стандартную военную команду, приказ, репертуар деловых документов, научные выступления, все литературные жанры, получившие наибольшее изучение в науке о языке на тот момент (Бахтин 1997: 162). Отметив наличие разнородности в проявлении речевых жанров, ученый подразделяет их на две разновидности: *первичные* и *вторичные* речевые жанры (Бахтин 1997: 161).

К вторичным речевым жанрам М. Бахтин относит «сложные» устойчивые речевые жанры, сложившиеся исторически — «романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п.», которые «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения: художественного, научного, общественно-политического и т.п.» (Бахтин 1996: 161).

Первичные (простые) речевые жанры, «сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» и представленные в том числе

элементарными высказываниями, вбираются и перерабатываются вторичными речевыми жанрами (Бахтин 1997: 161).

Кроме того, М. Бахтин подчеркивает, что любое высказывание оформляется в рамках жанра, «речевые жанры даны нам как родной язык», поскольку «мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого» (Бахтин 1997: 180). Они характеризуются своей «изменчивостью, гибкостью и пластичностью», но они также обладают «нормативным значением» (Бахтин 1997: 183).

Выявление первичных речевых жанров внутри вторичного, таким образом, позволяет увидеть их типологические языковые и речевые особенности, а также их функции — определить характерные черты вторичного речевого жанра, выявить его содержание и смыслы. Следовательно, обращение к речевым жанрам приобретает особую актуальность в аспекте лингвистических исследований, проводимых на текстовой плоскости в пределах и с учетом понятий «речевой жанр» во всей его сложности, представленной в теории М. Бахтина.

Концепция М.М. Бахтина получила дальнейшее развитие в работах по жанроведению в лингвистике XX века. Как подчеркивает В.В. Дементьев, первые попытки практического применения теории речевых жанров были отмечены тенденцией сближения данной теории со сформировавшейся в начале 30-х годов XX века теорией речевых актов Остина-Серля (Дементьев 2010: 20; см. Searl 1969). Согласно данной теории, единицами речевого общения являются речевые акты, среди которых учеными предлагается различать пять типов:

- *репрезентативы*, цель которых состоит в том, чтобы зафиксировать «ответственность» говорящего за передаваемое сообщение;
- *директивы*, цель которых — «попытка заставить» собеседника совершить какое-либо действие;

- *комиссивы*, цель которых — «обязать» собеседника совершить какое-либо действие или вести себя определенным образом;
- *экспрессия*, целью которой является передача психологического состояния, определенного условием искренности;
- *декларации*, целью которых является установление соответствия между пропозициональным содержанием и реальностью (Серль 1986: 180).

Тенденция рассмотрения речевых жанров в соотнесении с теорией речевых актов нашла отражение в статье «Речевые акты» А. Вежбицкой (1983 год). В данной статье речь представлена как «универсуум», состоящий из высказываний или речевых актов (Вежбицка 1997: 99). Автор также обращает внимание на неопределенность понятия «речевой акт». Для того чтобы избежать такой неопределенности, А. Вежбицка предлагает перейти с понятия «речевой акт» на понятие М. Бахтина «речевой жанр». Таким образом, автор «Речевых жанров» соглашается с М. Бахтиным, понимая речевые жанры как «относительно стабильные и нормативные конвенциональные формы высказывания» (см. Вежбицка 1997: 101).

Для дифференциации жанров А. Вежбицка предлагает использовать фрагмент естественного языка, а именно — «последовательность простых предложений, которые выражают мотивы, интенции и другие ментальные акты» (Вежбицка 1997: 103). При этом процесс включает два необходимых шага — определение коммуникативной цели, а также разложение на конституирующие мотивы, эмоции и позиции (Вежбицка 1997: 103, 109-110). Среди речевых жанров польским лингвистом были выделены такие жанры, как вопрос, просьба, ссора, разговор, дискуссия, автобиография, сообщение, шутка, анекдот, тост, донос и т.д. (Вежбицка 1997: 103-109). Данные жанры характерны для польского языка, так как они отражают культурные особенности общества и языковое сознание. Тем самым А. Вежбицка подчеркивает специфичность речевых жанров, которая проявляется в том, что они являются в некотором смысле зеркалом картины мира носителя языка (Вежбицка 1997: 111).

Данную точку зрения разделяют российские лингвисты Е.В. Шмелева и А.Д. Шмелев, говоря о том, что речевые жанры, будучи закодированными в лексических единицах языка, отражают «общественно-культурный мир» носителей этого языка (Шмелев, Шмелева 2002: 17).

Указанные авторы также соглашаются с М. Бахтиным и в том, что термин «речевой жанр» является самым правомерным, хотя и подчеркивают, что при его использовании возможно его смешение с понятием «жанр» в литературоведении. На наш взгляд, в теории М. Бахтина такая вероятность оговаривается в связи с введением понятий «первичный» и «вторичный» речевой жанр, что ограничивает возможность смешения подобного рода, впрочем, так же как ее ограничивает и сам термин, введенный М. Бахтиным, — «речевой жанр». Среди жанров Е.В. Шмелева и А.Д. Шмелев выделяют такие «письменные жанры», как протокол, письменный приказ, заявление и др., и «устные жанры» — тост, приказ, чтение вслух и т.д. (Шмелев, Шмелева 2002: 19).

Другой взгляд на жанры, выделяемые в речи, предлагает Т.В. Шмелева в статье «Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка» (1990 год), в которой автор возвращается к теории М.М. Бахтина, давая ей последующее развитие. Для Т.В. Шмелевой речевой жанр существует в ситуации общения, имеет «нормативную экспрессию», а также включает в представление об этом явлении концепции адресата и коммуникативную реакцию (этот параметр, как уже было отмечено выше, также не был обойден М. Бахтиным). Автор, вместе с тем, развивая и конкретизируя теорию М. Бахтина, перечисляет так называемые жанрообразующие признаки, среди которых она выделяет:

- *коммуникативную цель* как центральный признак, дающий возможность различить разные типы речевых жанров. Данное понятие поясняется лингвистом с помощью «миров действительности», к которому относятся мир информации, мир оценок, мир реальных событий, мир социальных отношений в ритуализированных формах;

- *образ автора*, осмысляемый по отношению к адресанту и представленный, как правило, имплицитно или косвенно. Внутри данного признака присутствуют «ключевые параметры», обязательные для учета при анализе речевого жанра: 1) образ автора в соответствии с ролью исполнителя; 2) наличие у автора полномочия; 3) наличие у автора интереса к происходящему; 4) сила присутствующего побуждения; 5) дипломатичность и категоричность, исходящая от автора;
- *образ адресата*, необходимый для прагматики высказывания, где важными параметрами являются: 1) единичность или обобщенность; 2) характер дальнейшего коммуникативного поведения; 3) чувство юмора; 4) общность культурных ассоциаций;
- *диктуум* или событийная основа высказывания;
- *фактор прошлого*, под которым Т.В. Шмелева понимает «события общения, произошедшие до того или иного речевого жанра»;
- *фактор будущего*, то есть «ответная коммуникативная реакция на высказывание»;
- *формальная организация* или «языковые приметы речевого жанра» (Шмелева 1990: 24-31).

Вслед за М.М. Бахтиным Т.В. Шмелева предлагает выделять первичные и вторичные речевые жанры. При этом автор к первичным речевым жанрам относит жанры повседневного общения, к вторичным — литературные жанры. Т. Шмелева предлагает свою градацию первичных речевых жанров с учетом коммуникативной стратегии, задействованной в тексте; на этом основании она выделяет следующие:

- *информативные жанры*, представляющие собой «операции с информацией, со сведениями о действительности, не выходя за рамки общения (вопрос; сообщения; подтверждение; сомнение и т.д.)»;
- *оценочные жанры*, подразумевающие присутствие влияние на «социальное самочувствие» и ценности адресата, выходя тем самым за рамки обмена информацией (похвала; упрек; выговор; обвинение и т.д.);

- *перформативные* и *лирические речевые жанры*, «конструирующие события действительности (приветствия; знакомство; поздравление; завещание и т.д.)»;
- *императивные жанры*, «содействующие осуществлению разной степени императивных событий (совет; инструкция; приказ; угроза; обещание и т.д.)» (Шмелева 1992: 12-13).

Вместе с тем, Т.В. Шмелева подчеркивает, что ее попытка анализа была лишь одним из возможных вариантов, и вопрос речевых жанров остается открытым и требует осмысления.

Дальнейшее развитие теории речевых жанров принадлежит ряду ученых, в том числе — К.Ф. Седову. Опираясь, в числе других ученых, на теорию речевых жанров М. Бахтина, К.Ф. Седов, обращаясь преимущественно к устному общению в аспекте культуры речи, определяет речевой жанр в широком и узком планах, с одной стороны, подразумевая под ним «вербальное оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей», с другой — «микроряд, который является вербальным оформлением взаимодействия партнеров общения» (Седов 2009: 109-122).

Полагаем, что данное утверждение требует уточнений. В рамках нашего исследования являются актуальными оба понятия — как первичные, так и вторичные речевые жанры, что характерно для классификации М. Бахтина. Любой текст, к которому обращается лингвист-исследователь, опирается на две составляющие. С одной стороны, как утверждает М. Бахтин, а также В.Г. Костомаров (1995) и др. ученые, он всегда существует в той или иной жанровой форме, то есть в рамках устойчивого, исторически сложившегося вторичного речевого жанра, диктующего свою специфику его построения (Костомаров 2005); с другой стороны, вторичный речевой жанр содержит в своей речевой структуре целый ряд первичных речевых жанров или речевых образований, к числу которых можно отнести, по мнению К.А. Роговой, в том числе функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение (Рогова 2013: 8-9). К.А. Рогова говорит о ФСТР как о языковой

реализации жанра, «взаимодействии жанров в реальном действующем тексте» по вертикали (Рогова 2013: 8-9), сопоставляя, при этом, их с таким текстовым явлением, как сложное синтаксическое целое, или СФЕ, что актуально для данного исследования. Возможно, определенная жанровая системность вычленилась и в процессе анализа ретроспективных СФЕ в связи с их реализацией в рамках функционально-смысловых типов речи, что также позволит говорить о РСФЕ как о первичных речевых жанрах внутри вторичного — автобиографического романа А. Чудакова.

Аналогичный взгляд на первичные речевые жанры принадлежит В.И. Конькову и О.В. Неупокоевой, которые в монографии «Функциональные типы речи» (2011 год) также относят описание, повествование и рассуждение к первичным речевым жанрам: «Авторы текстов мыслят не предложениями, а простыми жанрами, описаниями, рассуждениями, повествованиями, репликами диалога. Они мыслятся как части целого произведения, не теряя своей отдельности» (Коньков, Неупокоева 2011: 15).

Обращение к вопросу о речевых жанрах в рамках настоящей работы объясняется необходимостью рассмотрения специфики текста как авторского дискурса в связи с его жанровой принадлежностью, что актуально для его лингвистического анализа. Автобиографический роман представляет собой один из вторичных речевых жанров так называемого «мемуарного семейства», что диктует наличие в нем определенных, присущих только ему черт композиционно-речевых жанровых черт, влияющих на возможности его интерпретации, понимания его смыслов. В силу характерной для такого типа жанров общей интенции, о чем речь пойдет ниже, его текстовое построение подчинено принципу дисконтинуума, он включает в себя как проспективный план, так и особый, имманентно присущий ему ретроспективный план, представленный различными первичными речевыми жанрами (ФСР, воплощенными в РСФЕ), что влияет на развитие его текстовых категорий, в частности, категории связности.

1.1.3. Специфика автобиографического романа как вторичного речевого жанра художественно-автобиографического дискурса

Интерес к автобиографической прозе, читательский и научный, значительно возрос за последнее десятилетие, следуя тенденции возрождения жанра, появившегося в начале XX века, а затем и XXI. Необходимо отметить, что единое мнение и четкое понимание того, что именно представляет из себя такой жанр, отсутствует. Ю.Л. Сапожникова пишет: «Автобиография как жанр имеет неоднозначный характер, совмещая многие, подчас противоположные особенности» (Сапожникова 2012: 56).

Г.И. Романова подходит к рассмотрению понятия автобиографии с нескольких точек зрения. С одной стороны, автор предлагает понимать автобиографию как «документ, содержащий наиболее важные вехи жизни его пишущего», с другой стороны, по ее мнению, «автобиография — это произведение, центральное место в котором занимает личность человека и её духовно-нравственное развитие, которое основывается на осмыслении пишущим своего прошлого с точки зрения зрелого человека» (Романова 2003: 195-196).

Н.А. Николина отмечает, что автобиография представляет собой произведение, в котором объединяются две точки зрения — «*бывшего я* и *настоящего я*» (Николина 2002: 40). Она предлагает выделять следующие разновидности автобиографического жанра:

- *собственно автобиография* — краткие и формализованные жизнеописания в форме документальных текстов официально-делового стиля;
- *автобиографические тексты* — тексты, содержащие воспоминания о прошлом, в которых отсутствует установка эстетического воздействия на читателя;
- *автобиографические тексты*, содержащие образные характеристики изображаемого, имеющие почти беллетризованную форму;

- *художественные произведения*, которые основываются на реальных фактах жизни автора, в жанровой форме автобиографии (Николина 2002: 12).

Рассматривая жанр автобиографии и его особенности в статье «Жанр автобиографии: понятие и особенности», Ю.Л. Сапожникова определяет автобиографию как «основной тип литературы воспоминаний». Автор также цитирует Ф. Лежен, который, в свою очередь, понимает автобиографию как рассказ о собственной жизни, имеющий «ретроспективно-прозаическую природу повествования» с акцентом на историю личности рассказывающего» (см. Сапожникова 2012: 54). Ф. Лежен подходит к рассмотрению данного жанра, выделяя его следующие основные категории:

- языковая форма: рассказ в прозе;
- тема — жизнь человека, история личности;
- положение автора: автор и рассказчик тождественны;
- позиция рассказчика: рассказчик и главный герой тождественны;

ретроспективный характер повествования (см. Сапожникова 2012: 55).

Р.Л. Смулаковская замечает, что автобиографический жанр является жанром, для которого характерно присутствие «я-интерпретирующего» и «я-интерпретируемого» (Смулаковская 2009: 62). Она выделяет следующие признаки, свойственные автобиографической прозе:

- перволичное авторское субъективное начало;
- включенность в структуру повествования внешнего адресата (читателя) и его интенций;
- избирательность описываемого;
- ретроспективный способ воссоздания действительности и память как его специфическое средство;
- реинтерпретационная направленность жанра (см. Смулаковская 2009: 58).

По мнению автора, дисконтинуум, проявляющийся категориями ретроспекции и проспекции, является конституционным свойством жанра

автобиографической прозы: «Автобиографический жанр задает реинтерпретационный характер прозы, в котором первоначальный характер нарратива позволяет эксплицировать средства организации повествовательного дисконтинуума, а специфика жанра и нарратива проявляется в сегментированности текста» (Смулаковская 2009: 57).

При этом Р. Смулаковская отмечает, что повествование, автобиографическое по своему характеру, имеет «фактуальную природу» (Смулаковская 2009: 58). Однако проведение точной границы между реальным и вымышленным и понимание характера соотношения автора, рассказчика и персонажа, часто представляется весьма сложной задачей.

Таким образом, рассмотрев теоритические выкладки ученых об автобиографическом жанре, приведем черты автобиографического жанра, актуальные для настоящего исследования. Прежде всего, отметим, что центральное место в произведении автобиографического жанра занимает личность человека, в то время как его центральной темой становится история становления данной личности. В автобиографической прозе наблюдается определенная тождественность между позицией автора и рассказчика, а также позицией рассказчика и главного героя. При этом для произведений жанра характерно наличие двух «я» (бывшего и настоящего) и двух точек зрения, что, в свою очередь, подразумевает ретроспективный характер построения действительности.

А. Чудаков называет свой роман «Ложится мгла на старые ступени» романом-идиллией, но это не идиллия как жанр. Определяя идиллию в словаре «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий», А.Г. Степанов видит в нем один из жанров, который существует «(наряду с эклогой) буколической (пастушеской) поэзии» и изображает «безмятежную жизнь людей на фоне первозданной природы» (Степанов 2008: 77).

Словарная статья Р. Шора включает утверждение автора, согласно которому идиллия чаще всего определяет небольшую «жанровую картину», содержащую элементарные отношения, которые не осложняются какими-либо

политическими или социальными конфликтами (Литературная энциклопедия 1930). Такая жанровая картина отличается тесной связью её идеализированного быта с природой. Р. Шором отмечается незначительность ее формы повествования, которое чаще всего ведёт к счастливой развязке (Литературная энциклопедия 1930).

В собрании теоретико-литературных исследований М. Бахтина «Вопросы литературы и эстетики» приводятся общие черты идиллии, выделяемые исследователем, среди которых отмечаются: 1) неразрывность жизни с её событиями и определённого ограниченного пространства (родной страны, родного города, дома и т.д.); 2) передаваемые события ограничены только основными реалиями жизни (брак, рождение, любовь и т.д.); 3) смежность жизни человека и жизни природы (Бахтин 1975: 374-375).

Рассмотрев подходы нескольких исследователей к пониманию жанра идиллии, нам кажется справедливым сделать вывод о том, что роман «Ложится мгла на старые ступени» хотя и определяется самим автором как роман-идиллия, не относится к нему. Несмотря на то, что в повествование включены и жизненные реалии, и человеческие взаимоотношения, их нельзя истолковать как «элементарные» или «непосредственные», выбор описываемых реалий погружен в контекст истории.

В статье «Идиллия или прогресс?» А.Г. Степанов подчеркивает, что в романе А. Чудакова безусловно присутствуют определенные стороны идиллии. Так, в нем выделяется конкретное место действия — город Чебачинск, за границей которого лежит «чужой и злой мир» (Степанов 2009: [электронный ресурс]). Присутствует в нем и идиллическая ситуация «дитя и старец», где внук (Антон) и его дедушка полностью понимают друг друга, хотя между ними лежит значительный возрастной промежуток (Степанов 2009: [электронный ресурс]). В разговоре с Борисом Григорьевичем в конце романа дедушка главного героя-рассказчика (Антон) говорит: «За восемьдесят лет сознательной жизни полностью меня понимал только один человек, на шестьдесят лет меня моложе. Жаль, что он далеко» (Чудаков 2014: 499). Однако, по мнению

А. Степанова, это только одна сторона романа А. Чудакова, важным качеством которого является то что «в отличие от идиллии, где идеал всегда помещается здесь и сейчас, герои «своё» время и пространство отнюдь не идеализируют, а напротив, воспринимают в качестве идеального иное, прошлое» (Степанов 2009: [электронный ресурс]).

Относительно романа А. Чудакова следует говорить не о жанровой, а о духовной идиллии — ностальгии по ушедшим дням, по тем сильным и духовно богатым людям, судьба которых по вине истории была невероятно сложной, по прошлому, которое всегда воспринимается идиллично. Само название романа как смысловой акцент текста свидетельствует об этом — забывается прошлое, которое, несмотря на все сложности личных и исторических судеб, оценивается автором сквозь время ностальгически. По мнению А.Г. Степанова, роман А. Чудакова в форме «семейной хроники» возрождает идиллию в прозе, но речь в данном случае идёт не о жанре, а об идиллии как об «идиллическом способе чувствования, связанном с представлением о нравственной и эстетической ценности патриархальной жизни» (Степанов 2008: 77-78).

И.В. Ракова определяет жанр романа А. Чудакова как художественно-автобиографический, где образ главного персонажа и сюжет — это художественная обработка фактов, пережитых автором» (Ракова 2012: 88). Автор передает канву повествования в ведение вымышленного героя — Антона, их образы как бы сливаются в единый образ нарратора. Нами жанр романа А. Чудакова также понимается как художественно-автобиографический, характеризующийся наличием его имманентных черт жанра, описанных выше, а также своих специфических, собственно дискурсивных характеристик.

И.Б. Ничипоров, исследующий специфику автобиографического романа в творчестве И. Бунина и В. Набокова («Жизнь Арсеньева» и «Другие берега»)), собственно, тогда, когда он стал впервые выделяться как самостоятельный и жанр со своими характерными признаками, отмечал наличие в нем «воплощенного художественного автобиографизма», основанного на «синтезе

индивидуального и более властно заявляющего о себе исторического времени, дыханием которого прорезаны даже субъективные грани мироощущения персонажей» (Ничипоров: [электронный ресурс]). Ученый также подчёркивает значимость «художественной категории памяти» в них. *Память «предопределяет ассоциативность повествовательной структуры, синтезированный характер хронотопа, основанного на взаимопроникновении далеких пространственно-временных пластов, когда на суждения юного героя органично «накладываются» взгляды зрелого повествователя»* (Ничипоров: [электронный ресурс]). Данные свойства приобретают особую актуальность, т.к. присущи и нашему материалу исследования. В романе А. Чудакова прослеживаются те же черты, он написан в форме «семейной хроники» (см. Степанов 2008: 77-78) однако ему присуща высокая доля историзма: жизнь одной семьи тесно переплетается с событиями исторической эпохи. Семейно-личное тесно связано с общеисторическим. При этом категория памяти находит своё проявление в сложном, многоплановом хронотопе, а также в особом построении и композиционном распределении таких единиц текста, как ретроспективные эпизоды, в которых память может переключаться с «субъективно-личного» на «исторически-значимое» (Ничипоров: [электронный ресурс]).

Если историзм можно считать признаком автобиографичности жанра, то в качестве признака художественности может рассматриваться наличие в нем вымышленного, специфического нарратора, который «конструирует себя как часть современного ему мира, выполняя при этом не только функцию самописания и самопрезентации, но и самопонимания, самооценки» (Ракова 2012: 88). Другим таким признаком является наличие отклонений в поступательном повествовании, т.е. ретроспекции и проспекции.

1.1.3.1. Жанровые признаки автобиографического романа А. Чудакова как компонента художественно-автобиографического дискурса

Автобиографический роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», как вторичный речевой жанр, основывается на воспоминаниях нарратора о его детстве, проведённом с его семьей в городке ссыльных Чебачинске. В романе повествуется о жизни героя, о судьбе семьи и жителей города детства героя-нарратора в условиях историко-культурного контекста. Однако автор не ставит своей целью поступательную, точную передачу событий, произошедших с его героями, скорее, вся передаваемая информация подвергается художественному переосмыслению, и каждый ретроспективный эпизод ассоциативно всплывает как сгусток памяти того или иного ее вида и проявления. Роман А. П. Чудакова — произведение с фактуальным рассказыванием, т.е. выбранные события реальны, *однако автор подвергает их художественной обработке*, что также является характерной чертой жанра автобиографического романа. Идея создания романа, в котором реальное сосуществует с художественным, где память предстает как главный инструмент создания данной реальности в ретроспекции, а иногда и в реальном режиме online, уже во многом определяет форму построения будущего текста. Спецификой жанра предопределяются его тематические, стилистические и композиционные особенности.

В центре повествования лежит судьба вымышленного нарратора — Антона Стремоухова, его центральной темой является жизнь Антона, история становления его личности. При этом тема становления личности героя тесно переплетается с историей жизни его семьи, жителей Чебачинска и всей страны. Судьба и характер патриархов рода — бабушки и особенно, деда, наравне с центральной темой, занимают в повествовании не менее важное место, в значительной степени объединяя вокруг себя многие другие линии, а также демонстрируя тесную связь с историей всего народа. Центром повествования становится не только личность и её судьба, но и внешние события и фон этих событий. Такая тематическая многослойность оказывает значительное влияние на форму и специфику повествования

и сущностные параметры романа как вторичного жанра, имеющего черты художественно-автобиографического дискурса.

Взаимоотношения автора, нарратора и героя определяются тематической спецификой жанра. Весь комплекс тем, включающий личность героя, судьбы его семьи, города его детства и истории его страны, находит своё воплощение через повествование от третьего лица, лица героя-рассказчика, но имеются и переходы к перволичному повествованию, что также подчеркивает его принадлежность к жанру автобиографического романа, где реальное художественно осмысливается автором сквозь призму времени и само повествование, в связи с этим, передается в сферу ведения вымышленного рассказчика, имеющего ментальные и пр. черты сходства с автором. Такой специфический нарратор способен охватить взором и ввести в повествование не только внутренний мир героя и его жизнь, но и чувства и переживания других героев (членов семьи, соседей по улице и обществу, соотечественников). Повествование в автобиографическом романе А. Чудакова развивается с нескольких точек зрения: *конкретного, реального автора*, непосредственного участника исторических событий прошлого, повлиявших на его судьбу и судьбы окружающих его людей, впоследствии осмыслившего эти события сквозь призму памяти и времени и зафиксировавшего это осмысление в художественно-автобиографическом дискурсе, и *персонажа*, вымышленного героя текста, переживающего те же события и принимающего на себя роль нарратора. Возможно, в этом и состоит специфика нарратива жанра автобиографического романа А. Чудакова — в особом нарраторе, полностью отождествляемом с автором и вместе с тем, вымышленном.

И.В. Ракова отмечает наличие в романе А. Чудакова «героя сюжета, рассказчика, сохранившего в памяти события и переживания детства и юности, и собственно автора, который выстраивает факты своей жизни в соответствии с определённой объединяющей их идеей» (Ракова 2012 88). Тождественность категорий автор-нарратор-герой, свойственная автобиографическому жанру,

особенно прослеживается в единичных случаях перехода повествования от третьего лица к повествованию от первого лица:

Ровно на шестьдесят лет моложе дела был Антон. Я был плохим сыном, мужем, неверным любовником, средним отцом. Но больше всего меня бы огорчило, если б дед считал меня плохим внуком (Чудаков 2014: 499).

Представленный выше фрагмент — отрезок последней главы произведения. Реализуется он в т.н. «базисном времени» повествования, совпадающим с сюжетной линией текста (термин будет уточнен ниже), нарратор описывает своё состояние в момент тяжелой для него утраты — смерти бабушки, вокруг личности которого выстраивается вся повествовательная канва текста в базисном, актуальном для повествования, времени, диктующем точку отсчета линейного развития событий, в который ассоциативно вплетаются ретроспективные экскурсы в прошлое, что определяет не только жанровые, но и специфические черты дискурса А. Чудакова. Параллельно происходит переключение на субъективное повествование, которое сближает автора — нарратора — героя, демонстрируя, с одной стороны, нарративные черты автобиографического романа как вторичного речевого жанра, с другой — специфику дискурса А. Чудакова, где автор тождествен нарратору, а нарратор тождествен герою, что позволяет выдвинуть на первый план внутренний мир автора с его чувствами, эмоциями, связанными с судьбой страны.

В отношении специфики нарратора у А. Чудакова, И. Ракова отмечает еще одну важную особенность: «Фиксируя события, предметы, ощущения в прошлом в момент их протекания, субъект позиционирует себя в прошлом времени и пространстве как «здесь и сейчас» — вектор «назад» (Ракова 2012: 91). При переходе к осознанию, повествователь соотносит происходившее с существующим опытом — «вектор внутрь», в результате чего возникает когнитивный контраст, сначала на стадии «непонимания» (сознание ребенка), а потом на стадии «противоестественности» происходившего (сознание нынешнего субъекта)» (Ракова 2012: 91).

Базисное время повествования ориентировано на неретроспективное настоящее и связано с событиями предсмертной болезни деда и приездом наследников — членов семьи, общение с умирающим дедом и встреча с ними ассоциативно погружает рассказчика и читателя в ретроспективный план текста, в рассказ о судьбе каждого из них и о восприятии этих судеб и событий, вплетенных в историю страны, автором-нарратором в прошлом уже сквозь призму времени-памяти. Следовательно, ретроспективный план текста особенно актуален для дискурса А. Чудакова, выстраивающего его в границах жанра автобиографического романа. Ретроспективный план при этом доминирует над планом базисного времени. Реальный порядок событий базисного времени прерывается ретроспективными эпизодами, состоящими из РСФЕ. Строки стихотворения А. Блока «Бегут неверные дневные тени... ложится мгла на старые ступени» в названии романа определяют вектор назад к «старым ступеням», т.е. к воспоминаниям об «идеале» — днях, которые постепенно уходят все глубже в прошлое.

Таким образом, в ходе дальнейшего анализа текст А. Чудакова будет рассматриваться как вторичный жанр автобиографического романа, обладающий специфическими чертами художественно-автобиографического дискурса, а также дискурсивными особенностями, характерными для него как речетворческого произведения конкретного автора. К одной из таких черт, присущих художественно-автобиографическому дискурсу в целом, так же как и автобиографическому роману А. Чудакова как его имманентного жанра, относится включенность в него ретроспективного плана повествования.

1.2. Дисконтинуум как характерная черта художественно-автобиографического дискурса

1.2.1. Ретроспекция как проявление дисконтинуума, ее особенности

Ретроспекция принадлежит к текстовой категории континуума. И.Р. Гальперин определил континуум как «определенную последовательность фактов, развертывающихся во времени и пространстве», что обуславливает и его грамматические характеристики (Гальперин 2007: 87). При этом время и пространство может развертываться по-разному в разных типах текста (Гальперин 2007: 87).

Континуум тесно связан с самими понятиями пространства и времени, являющимися не столько жанровыми, сколько *текстовыми* признаками. А.Я. Гуревич считал время и пространство «определяющими параметрами существования мира и основополагающими формами человеческого опыта» (Гуревич 1972: 26). Автор предлагает понимать пространство как «трехмерную, геометрическую, равно протяженную форму, которую можно разделить на соизмеримые отрезки» (Гуревич 1972: 26). При этом время может пониматься как «чистая длительность, необратимая последовательность протекания событий из прошлого через настоящее в будущее» (Гуревич 1972: 26).

И.Р. Гальперин отмечает, что континуум, как категория, отражающая время и пространство в тексте, «оставаясь непрерывным, распадается на отдельные эпизоды (кадры)» (Гальперин 2007: 89). По его мнению, пространство и время текста делимы. Такое разбиение на эпизоды представляет собой важную грамматическую категорию текста. Исследователь пишет, что «трехмерное пространство, воспринимаемое нашими органами чувств, становится многомерным: оно способно сжиматься и расширяться в связи с миром событий, описываемых последовательно (и непоследовательно) и всегда носит в себе некую условность, даже в том случае, если оно привязано к определенному месту» (Гальперин 2007: 97).

Ученый приходит к выводу о том, что в тексте «континуум — это категория, которая обеспечивает конкретность, реалистичность описания» (Гальперин 2007: 89). Он также отмечает, что пространственный континуум имеет более точный характер, чем временной (Гальперин 2007: 89).

Справедливо предположить, что повествование, имеющее целью рассказ о жизни личности, должно отличаться стремлением сделать это достаточно точно и достоверно, что и придает художественно-автобиографическому дискурсу непоследовательность в расстановке событий, апеллирующих к воспоминаниям как к фактам из прошлого.

Н.Д. Арутюнова говорит о существовании так называемой «точки присутствия говорящего», или «точки отсчета» времени повествования, от которой отсчет времени может идти вправо или влево, т.е. в будущее или прошлое (Арутюнова 1997: 61). Для художественно-автобиографического дискурса характерным является повествование, отличающееся переплетением событий во времени и пространстве, которое возникает вследствие последовательной и непоследовательной передачи событий. Как пишет И.Р. Гальперин, «хронологическая последовательность событий» как бы «вступает в противоречие с реальным течением времени, которое, подчиняясь замыслу автора, лишь создает иллюзию временных и пространственных отношений» (Гальперин 2007: 87).

Там, где усложняются временные и пространственные отношения, и как результат, нарушается основное условия континуума — непрерывность, — проявляется *дисконтинуум* (Гальперин 2007: 87). Дисконтинуум является свойством текста, выражающимся в разрывах линейного повествования (Гальперин 2007: 88). И.Р. Гальперин отмечает, что дисконтинуум пересекается с текстовыми категориями интеграции, *композиционно-вариативным членением*, информативностью, связностью и цельностью (Гальперин 2007: 107).

Изучением свойства дисконтинуума занимались такие исследователи, как И.Р. Гальперин, Н.В. Брускова, Т.В. Демина, Т.В. Матвеева, Т.В. Николаева, Р.М. Смулаковская, З.Я. Тураева, Т.В. Федосова, Н.В. Шевченко и др.

Р.Л. Смулаковская говорит о «сложной и противоречивой структуре дисконтинуума, обусловленной либо переплетением нескольких сюжетных линий, либо прерыванием последовательного течения событий для того, чтобы

рассказать об историях, случившихся ранее или позднее базисного времени» (Смулаковская 2009: 57). При этом базисное время можно понимать как точку отсчета скачков времени — то, к чему Н. Арутюнова обращалась как к «точке отсчета говорящего». В данной работе, вслед за Ж. Женнет, *базисное время* определяется как точка, в которой совпадают время повествования и события, о которых идет речь (Женнет 1998: 72), оно, как «сюжетное время» (З.Я. Тураева), выстраивает повествование в хронологической последовательности и вместе с тем, является точкой отсчета для ретроспективного или проспективного сдвига времени, его отступления от сюжетного времени, от линейного повествования. Событие, о котором рассказывает говорящий, совпадает с художественным временем в случае, когда событие, происходящее «сейчас», описывается во временных рамках «сейчас» и ведет основную сюжетную линию. Если говорящий рассказывает о событии, которое произошло «вчера», то совершается скачок влево от базисного времени. Если событие в будущем не совпадает с повествованием сейчас, совершается скачок вправо.

Ретроспекция и перспекция, таким образом, являются признаками художественного времени, такого его свойства, как дисконтинуум (Гальперин 2007: 105).

Ретроспекция, как уже говорилось, может рассматриваться как скачок влево от базисного времени. И.Р. Гальперин определяет ретроспекцию *«как грамматическую категорию текста, объединяющую формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации»* (Гальперин 2007: 106). По мнению автора, ретроспекция может проявляться в двух планах:

- использование информации, которая была изложена ранее;
- использование информации, прерывающей линейное повествование, переставляя временные рамки (Гальперин 2007: 106).

И.Р. Гальперин пишет: «Ретроспекция как категория текста предполагает целенаправленное действие со стороны автора» (Гальперин 2007: 106). Автор может обращаться к прошлому, разбивая линейное повествование с целью:

- восстановления ранее данной информации;
- сообщения новых данных, которые относятся к прошлому;
- предоставление возможности переосмысления данной ранее информации;
- актуализирование отдельных частей текста (Гальперин 2007: 106).

Таковы основные функции ретроспекции, актуальные и для настоящей работы.

Автор делает паузу в своем повествовании для того, чтобы дать читателю возможность переосмыслить информацию, данную ранее, или для того, чтобы придать уже известной информации другое содержание, предоставив новые сведения, относящие нас в прошлое.

По мнению И. Гальперина, ретроспекция может иметь следующий характер:

- *субъективно-читательский*, проявляющийся в творчестве читателя, когда он сам возвращается к определенной части текста (стилистика «от читателя»);
- *объективно-авторский*, проявляющийся в том, что автор отсылает читателя к определенной части текста (стилистика «от автора») (Гальперин 2007: 106).

Субъективно-читательская ретроспекция отличается сложностью своих форм. Трудно сказать, что именно заставляет читателя вернуться к той или иной части текста и информации, изложенной в нем. Авторская ретроспекция проявляется в ссылке на определенные сведения. Такая ссылка может быть выражена с помощью следующих средств:

- лексических, когда используются определенные слова-маркеры: «память», «помнить», «прошлое» и т.д.

- грамматических, когда используются видовременные формы глагола (или временные детерминанты);
- стилистических, когда используются определенные стилистические приемы, такие, например, как повтор;
- цитации — использования ссылок и т.д. (Гальперин 2007: 107-110).

В данной работе, вслед за И.Р. Гальпериным, *под ретроспекцией будет пониматься форма дисконтинуума, проявляющаяся в преломлении последовательного повествования скачком влево от базисного времени, где базисное время — это точка отсчета времени.* Точка отсчета является точкой, в которой событие совпадает со временем сюжетного повествования в тексте. Ретроспекция представляет собой перерыв в поступательном движении повествования скачком влево, в прошлое, к ранее сообщенной информации или к пропозиционной информации, предшествующей той, которая сообщается в данный момент.

.2.2. Ретроспекция как свойство художественно-автобиографического дискурса и авторского дискурса А. Чудакова

Согласно утверждению И.Р. Гальперина, практически любой текст основывается на ретроспекции (Гальперин 2007: 106). Однако справедливо заметить, что категория ретроспекции проявляется по-разному в текстах разных жанров. В текстах автобиографического жанра ретроспективность повествования реализуется за счет постоянного обращения автора к памяти для воссоздания действительности. По мнению И.В. Тивьяевой, одной из сфер, где ретроспективное повествование проявляется в наибольшей степени, является автобиография «как текст, построенный на воспоминаниях автора» (Тивьяева 2010: 436). Приведённые утверждения позволяют сделать вывод о том, что ретроспекция представляет собой основной признак автобиографического дискурса в целом, который необходимо учитывать при работе с текстами-

жанрами, принадлежащими к нему. Для художественно-автобиографического дискурса особенно характерно то что время в нем отличается непоследовательностью изложения событий, поскольку его тексто-содержательным элементом является *память*, реализованная в воспоминаниях участников событий или нарратора и ассоциативно вводимая в информативный ряд текста.

Автобиографический роман А. Чудакова рассказывает о жизни главного героя и его семьи в Чебачинске — городе, куда люди были сосланы или бежали, скрываясь от репрессий сталинского режима. Судьба семьи героя и жителей города его детства тесно переплетается с историей целой страны, трудными временами, выпавшими на долю всего народа, поэтому ретроспективному плану в нем принадлежит смыслопорождающая функция.

Как справедливо было отмечено Р.Л. Смулаковской, выделение базисного времени в текстах автобиографического жанра является чрезвычайно сложной задачей. Выделяется время настоящее для автора, т.е. время, совпадающее с моментом написания текста, и время настоящее для персонажа, т.е. момент, в который он переживает события (Смулаковская 2009: 58). В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в дискурсе А. Чудакова также можно говорить о присутствии двух точек отсчета: точки отсчета автора-нарратора и точки отсчета вымышленного героя-нарратора Антона. В базисном повествовании, связанном с образом героя-нарратора, события разворачиваются по отношению к актуальному времени начала повествования, т.е. с его приезда в Чебачинск, чтобы навестить бабушку, чье здоровье заметно ухудшилось, и заканчивая его повторным возвращением в город детства для прощания с уже умирающим дедом, образ которого стал центром всего существования Антона.

Нельзя отрицать присутствие в тексте романа актуального настоящего, связанного с образом автора-нарратора:

Плачущей маму Антон видел два раза: когда рассказывал ей про смерть деда и второй — когда он принёс ей кассету с «Вечерним звоном» в исполнении хора Йельского университета. Добросовестные американцы, конечно, пропели

ту строфу, которую почему-то всегда опускают русские исполнители и которую всегда пели в дедовой семье.

«И крепок их могильный сон, не слышен им вечерний звон» (Чудаков 2014: 470)

В данный момент герой-нарратор находится в точке, когда событие «смерть деда» еще не произошло, что позволяет сделать вывод о том, что в данном случае проявляется время актуального настоящего для автора-нарратора.

Дискурс А. Чудакова отличается тем, что в тексте романа выделяется основная сюжетная линия повествования, представленная хронологически поступательным движением времени, которое будет рассматриваться нами как базисное, актуальное настоящее для героя-нарратора. Его точкой отсчета становится зачин, где уже взрослый герой-рассказчик Антон появляется в городе своего детства Чебачинске у постели больного деда, к которому постепенно начинают съезжаться наследники, что образует и ведет базисное время текста. Содержательная канва текста при этом закольцовывается, текст заканчивается новым, прерванным отъездом в Москву, возвращением героя в Чебачинск и смертью деда.

Линия базисного времени часто прерывается другой линией повествования, той, в которой сообщаемая информация предшествует информации, развертываемой в базисном времени. Такая пауза в хронологическом изложении событий основной линии повествования наблюдается с первых страниц произведения. Вместе с основной линией повествования создается линия ретроспекции, которая постоянно прерывает основную, возвращая читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации, приобретающую в дискурсе А. Чудакова содержательно-концептуальный и содержательно-подтекстовую направленность.

В настоящей работе такой скачок к предшествующей информации, влево от точки отсчета базисного времени, к прошлому, рассматривается как реализация категории ретроспекции. Текстовым способом реализации данной

категории являются СФЕ ретроспективного характера, или РСФЕ (что будет более подробно изложено ниже). Вместе с тем, они могут складываться и в более крупные единицы композиционной семантики текста — ретроспективные эпизоды, образуемые цепочкой РСФЕ, что также отличает дискурсивные особенности текста романа. Ретроспективные эпизоды, которые упоминаются, в частности, и у И.Р. Гальперина, утверждающего, что ретроспективные отрезки текста могут складываться в эпизоды (Гальперин 2007: 106), могут пониматься, в частности, как «объемные отрезки текста, оформленные как авторское и несобственно-авторское повествование, объединенное мотивом памяти» (Максимова 2012: 134).

Если ретроспекция представляет собой характерную черту жанра автобиографического романа, т.е. его имманентный признак, который является частью его жанровой сущности, то специфика композиционно-речевой и языковой реализации фактора ретроспективности в тексте романа отражает специфику дискурса А. Чудакова с его авторским мировоззрением, реализует *общую интенцию текста — показать судьбу личности, семьи и их окружения сквозь призму истории России*. Таким образом, в дискурсе А. Чудакова посредством явления ретроспекции актуализируется категория памяти во всех ее проявлениях — начиная от личной и заканчивая историко-культурной, и ведется основной лейтмотив текста — лейтмотив памяти, нежелательности и невозможности забвения.

.2.3. Память как проявление ретроспективности, ее типология

Современное лингвистическое научное направление отличается наличием различных подходов к рассмотрению категории памяти, особенно в связи с ее реализацией в текстовых условиях в параметрах фактора ретроспективности. Когнитивный подход предполагает изучение лексических, фразеологических и паремиологических единиц, которые относятся к семантическому полю памяти. В рамках данного подхода рассматривали

память Н.Г. Брагина, А.А. Зализняк, Е.С. Кубрякова, А.А. Павлова, В.В. Туровский, и др. Лингвоконцептология предлагает подход к памяти как к компоненту семантического единства, включающего концепт и «антиконцепт». В рамках данного подхода работала М.Г. Сабадашова, в исследованиях которой память биологическая семантически противопоставляется забыванию, а культурная память — забвению. С точки зрения морфологии и семантики языковых единиц, которые относятся к категории памяти, категория памяти исследуется в работах Ю.Д. Апресяна, Л.Г. Бабенко, Т.В. Булыгиной, Г.Ф. Гибатова, Л.Н. Голайденко, А.А. Зализняк, А.А. Павловой, Н.В. Скоромысловой и др.

Дискурсивный подход к памяти предполагает исследование ее автобиографической составляющей. Категория автобиографической памяти относится к прошлому опыту личности и специфике его языковой организации: «при таком подходе память рассматривается как текстопорождающий фактор и в фокусе исследователей оказываются способы и формы репрезентации мнемического опыта субъекта в различных видах дискурса» (Тивьяева 2013: [электронный ресурс]).

Н.В. Морженкова подчеркивает процессуальность категории памяти, т.е. смещение внимания с того, что вспоминается, на сам процесс работы памяти (Морженкова 2011: 196). Автор пишет: «Образы прошлого начинают осмысляться не как готовые «продукты», извлекаемые из памяти — хранилища, а как заново порождаемые в творящем акте воспоминания» (Морженкова 2011: 196). Другой важной для настоящего исследования мыслью является то что для современной автобиографии характерна нечеткая граница между вымыслом и правдой, настоящим и прошлым, переплетенными в человеческой памяти (Морженкова 2011: 196).

А.В. Голубев обращается к понятию «памяти автора». Под *авторской памятью* при этом понимается «все богатство накопленных писателем на протяжении его жизни впечатлений, мировоззренческих оценок, суждений — словом, всего того, что составляет сферу «неинтеллектуального

запаса» личности» (Голубев 2012: 156). Исследователем также выделяются следующие направления изучения авторской памяти:

- соотношение реальности и творчества при создании картины изображаемого;
- жанровая типология мемуарно-автобиографической прозы и организация в них отобранных автором фактов (Голубев 2012: 165).

Настоящая работа предполагает дискурсивный подход к анализу текста романа А.П. Чудакова, что предопределяет рассмотрение категории памяти в прямой связи как с самим текстом и его языковым материалом, так и с авторским сознанием, его суждениями, оценками и всем «интеллектуальным запасом», а также с учетом значимого здесь исторического контекста эпохи, вплетенного в повествовательную канву текста.

В тексте категория памяти, как уже подчеркивалось выше, реализуется в явлении ретроспективности, которая, по мнению И.Р. Гальперина, «основана на способности нашей памяти удерживать ранее сообщенное и сцеплять его с сообщаемым в данном отрезке повествования» (Гальперин 2007: 105). Автор также отмечает, что приемы реализации ретроспекции заставляют нашу память «воскрешать» отдельные части текста и переоценивать значение воскрешаемого (Гальперин 2007: 106).

Исследователи предлагают различные подходы к изучению памяти, как нами было отмечено ранее, ими выделяются множество типов памяти. В психологических исследованиях память понимается как «запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидуалом его опыта» (Большой психологический словарь 2003: 332). Память представляет собой многообразие форм, т.к. по мнению психологов, она является тем, что человек использует, выполняя любую деятельность. Традиционно в психологии, основываясь на характере психической активности, выделяется:

- *двигательная память*, связанная с запоминанием и воспроизведением движений;

- *эмоциональная память*, связанная с запоминанием и воспроизведением эмоционально окрашенных событий;
- *образная память*, связанная с запоминанием и воспроизведением чувственных образов предметов и явлений, их свойств и связей;
- *словесно-логическая память*, связанная с запоминанием и воспроизведением мыслей, суждений и заключений (Большой психологический словарь 2003: 367).

По характеру цели деятельности индивидуума можно различать:

- *непроизвольную память*, характеризующуюся отсутствием конкретной цели — запомнить;
- *произвольную память*, характеризующаяся присутствием цели — запомнить (Большой психологический словарь 2003: 367).

По времени закрепления и сохранения информации память может быть:

- *сверхкратковременная память*, включающая в себя сенсорную память (иконическую память и память эхоическую);
- *кратковременная память*, включающая память буферную;
- *долговременная память*, включающая память процедурную, эпизодическую и семантическую (Большой психологический словарь 2003: 367).

Среди типов долговременной памяти психолог Э. Тулвинг выделяет *эпизодическую* и *семантическую* память. *Эпизодическая память* «хранит информацию о событиях, разворачивающихся во времени, и о связях между этими событиями; последние всегда автобиографичны (путешествие на море, первый поцелуй, обед в ресторане и т.п.)» (Большой психологический словарь 2003: 374-375).

Семантическая память представляет собой «систему для приема, хранения и восстановления систематизированного и обобщенного знания субъекта о мире, а также о словах и др. языковых символах, их значениях, о том, к чему они относятся, о взаимоотношениях между ними, о правилах,

формулах и алгоритмах манипулирования этими символами, понятиями и отношениями (Большой психологический словарь 2003: 374-375).

Третьим видом долговременной памяти, выделяемой Э. Тулвингом, является *процедурная память*, которая представляет собой «низшую форму памяти, в которой хранятся связи между стимулами и ответными реакциями (рефлексы и навыки) (Большой психологический словарь 2003: 374-375).

Автобиографическая память сохраняет личностно значимые события и состояния, которые лежат в основе самоидентичности личности и памяти на эмоционально-окрашенные события, т.е. эмоциональную, личную, память (Большой психологический словарь 2003: 367).

Память в психологии рассматривается также с точки зрения особенностей деятельности, что приводит к выделению таких типов, как:

- *память души*, источником которой является культура, устаивающаяся неволью, без наличия таковой цели;
- *историческая память*, которую можно понимать как личностное образование, включающее индивидуальные исторические воспоминания, личностно значимые исторические события и целостный образ истории (Большой психологический словарь 2003: 373-374).

В статье «Повествование как первичный речевой жанр и его функционирование в целом тексте (вторичном речевом жанре)» Т.И. Попова приходит к выводу о том, что при повествовании, обращенном к событиям прошлого, *наблюдается совпадение элементов настоящей и прошлой ситуации*, через что происходит вход в эпизодическую память. Автобиографическая, эпизодическая, память определяет появление в рассказе эмоциональных и оценочных компонентов, в то время как семантическая память делает возможным «включение события прошлого в контекст настоящего и его последующего переосмысления» (Попова 2014: 11).

В рамках данного исследования наиболее значимыми являются *эпизодическая, автобиографическая, личная память, и историческая, которые реализуются в тексте, на наш взгляд, по принципу действия семантической*

памяти. Соглашаясь с Т.И Поповой, отметим, что «именно эпизодическая память строит нарратив, помогает располагать события во времени» (Попова 2014: 8). Эпизодическая, личная, память «хранит эпизоды прошлого, локализованные во времени» (Попова 2014: 8). Данный тип памяти делает возможным возникновение воспоминания. Ретроспекция рассматривается нами как скачок к прошлому, к определенному эпизоду прошлого, которой может быть маркирован тем или иным средством или оставаться имплицитным. Эпизодическая память способствует обращению к ретроспективному плану. Семантическая память позволяет провести переоценку событий прошлого в контексте настоящего, т.е. базисного времени.

Н.Г. Брагина в работе «Память в языке и культуре» выделяет следующие виды памяти, важные именно для лингвистического анализа:

- *спонтанная память*, связанная с работой бессознательного подсознания и выраженная в таких словах, как «вспомниться», «припоминаться», «в памяти возник» и т.д.;
- *неспонтанная память*, связанная с работой разума, формируемая «заученными» знаниями. В тексте она может быть выражена словами «памятливый», «памятливость»;
- *ритуальная память*, связанная с идеей социальной вечности, соотносимая с исторической памятью, выражаемая в словах: «поминки», «поминание», «памятник» и т.д.;
- *социальная память*, связанная с социальными стратегиями увековечивания исторического запоминания и памяти того, что может предостеречь и наказать. Выражается словами «припоминать», «запомнить», «забыть» и т.д.;
- *метаязыковая память*, связанная с тем, как «память» интерпретируется в языке устойчивыми и акцициональными метафорами памяти (например, «храм», «ландшафт», «прошлое», «лабиринт» и т.д.) (Брагина 2007: 21-22).

Типы памяти, выделенные автором, проявляют себя в форме ретроспекции, которую И.Р. Гальперин называет объективно-авторской, характеризующейся скачком влево от базисного времени. В связи с этим, И.Р. Гальперин писал: «Автор словесного произведения, возвращая читателя к уже ранее сообщенным фактам, очевидно, придает какое-то значение этим фактам, привлекая к ним внимание читателя, заставляя его удерживать в памяти отдельные моменты сообщения» (Гальперин 2007: 106).

Изучая явление памяти, Ю.М. Лотман выделял *личную память* и *культурную память*. Под памятью культуры исследователь понимал «пространство культуры, определенное как пространство некоторой общей памяти» (Лотман 1992: 200). Личная память отражает воспоминания личности, в то время как культурная память связана с историческими компонентами культуры, что также актуально для нашего исследования.

.2.3.1. Особенности проявления категории памяти в дискурсе А. Чудакова

В дискурсе А. Чудакова разрыв континуума маркирует скачок влево к ретроспективному временному плану. Герой-нарратор обращается к определенному эпизоду в прошлом, тем самым прерывая поступательное развитие событий настоящего актуального. Ретроспективные текстоструктуры в дискурсе А. Чудакова рождаются как *реакция на стимул*, появляющийся в точке отсчета базисного времени. При этом обращение происходит к *эпизодической, личной памяти*, которая хранит эпизоды, локализованные в прошлом. Семантическая память, имеющая отношение, на наш взгляд, в большей мере к стилистике от автора, дает возможность герою-нарратору сопоставить данное событие с контекстом настоящего и переосмыслить его. Герой-нарратор может обращаться к своим личным воспоминаниям, связанным с его семьей и соседями по Чебачинску, он также обращается к *историко-культурной памяти*, к событиям и фактам исторической эпохи XX века и даже более ранних веков, вплетая в них судьбы героев, что придает повествованию эпическое начало, а также к сложившимся традициям и обычаям времени.

Однако за пределами личной памяти героев и культурной (уточним: историко-культурной) памяти стоит память автора как языковой личности. Именно память автора включает прошлый опыт личности, которая порождает текст и репрезентируется в дискурсе А.П. Чудакова.

.3. Ретроспективные сверхфразовые единства как способ реализации ретроспективности и категории памяти

.3.1. Понятие о сверхфразовых единствах

Текст — особое сложное многокомпонентное единство, анализ которого может проводиться с различных точек зрения. Одними из первых категорий, выделяемых в тексте, были категории целостности и связности. Данные категории отражают важные для настоящей работы свойства текста: членимость и в то же время связность выделяемых в нем частей (Рогова и др. 2011: 8). З.Я. Тураева пишет: «Членение текста — процесс, отражающий членение объективной или вымышленной действительности, представленной в нем» (Тураева 1986: 125). Она также отмечает, что текст может быть членен согласно разным принципам, среди которых выделяются: синтактико-смысловой, композиционно-смысловой, объективно-прагматический, контекстно-вариативный и другие (Тураева 1986: 125).

Синтактико-смысловое членение осуществляется выделением композиционно-речевых единиц текста, которые получили в лингвистике разные номинации: речевой компонент, фрагмент текста, «сверхфразовое единство», «сложное синтаксическое целое», «прозаическая строфа», микротекст и др. В данной работе в отношении этих единиц будет использоваться термин «сверхфразовое единство».

Сверхфразовое единство (далее — СФЕ), или сложное синтаксическое целое (далее — ССЦ), определяется как сочетание предложений в тексте, характеризующееся относительно законченной темой (микротемой), смысловой

и синтаксической связанностью компонентов (Валгина, Розенталь, Фомина 2002).

Данные единицы текста рассматривались в исследованиях И.Я. Гальперина, М.Я. Дымарского, О.И. Москальской, Е.А. Реферской, Н.И. Серковой, Г.Я. Солганника, Н.Я. Тураевой и других.

Так, О.И. Москальская предлагает понимать сверхфразовое единство как «структурно организованные (закрытые) цепочки предложений, которые являются смысловыми и коммуникативными единствами» (Москальская 1981: 16). Автор указывает на то, что рассматриваемая единица — микротекст — единое высказывания, шире, чем предложение, так как оно представляет собой понятие синтагматическое и функциональное.

Подобную идею высказывает З.Я. Тураева: «Сверхфразовое единство включает больше, чем одно предложение» (Тураева 1986: 115). Исследователь предлагает следующие критерии выделения сверхфразовых единиц:

- смысловой критерий (наличие единой микротемы);
- логический критерий;
- синтаксический критерий;
- ритмомелодический критерий;
- эмоциональный критерий;
- прагматический критерий (Тураева 1986: 115).

Основным критерием З.Я. Тураева предлагает считать *смысловую дискретность*, предполагающую их законченность и самостоятельность. Исследователь определяет сверхфразовое единство как «отрезок письменного или устного текста», отличающийся следующими признаками:

- смысловой завершенностью;
- функциональной завершенностью;
- логической связью;
- грамматической связью;
- лексической связью (Тураева 1986: 116).

Точка ослабления микротемы, её смена и введение новой темы маркирует границу сверхфразовой единицы. При этом единицы связаны друг с другом разноуровневыми связями.

Сверхфразовое единство имеет свою структуру, характеризующуюся наличием зачина, средней части и концовки (Солганик 1969: 93). *Зачин* — часть, вводящая новую микротему по отношению к повествованию, отмечающая начало сверхфразового единства, его границу (Солганик 1969: 93). *Средняя часть* сверхфразового единства продолжает микротему, введенную зачином. Это наиболее объемная часть сверхфразового единства (Солганик 1969: 93). *Концовка* единства представляет собой обобщающую часть, подводющую определенные итоги (Солганик 1969: 93). Необходимо заметить, что данная структура включает в себя вариативные компоненты. Такие части, как концовка и зачин, не относятся к обязательным компонентам сверхфразового единства (Солганик 1969: 93).

По мнению Г.Я. Солганика, предложения в тексте являются «квантами», которые формируют «целое речевое произведение» (Солганик 1997: 38). При этом предложения могут связываться двумя типами связи. *Цепная связь* характеризуется плавным переходом от одного предложения к другому — «мысль перетекает от одного предложения <> дает начало третьему» (Солганик 1997: 27). При этом предложения связываются «как звенья одной цепи» (Солганик 1997: 27). Ученый отмечает, что цепная связь имеет универсальный характер. Другой тип связи, выделенный ученым, представляет собой связь, «при которой все предложения имеют одну общую тему» — при изменении ремы, тема всегда остается прежней (Солганик 1997: 27). Данный тип связи, особенно характерный для описания, определяется Г. Солгаником как *параллельная связь*.

Г.Я. Солганик рассматривал в качестве единиц текста прозаические строфы, среди которых он выделил:

- параллельные строфы;
- повествовательные строфы;

- описательные строфы;
- анафорические строфы;
- эпифорические строфы (Солганик 1973: 139).

В основе данной классификации были положены структурные особенности сверхфразовых единств, которые Г. Солганик определяет как прозаические строфы.

Расширенный подход к выделению сверхфразовых единств, по отношению к которым исследователь использовал термин «сложное синтаксическое целое», представил М.Я. Дымарский. Он выделил следующие признаки рассматриваемой единицы:

- наличие собственной микротемы;
- *реализация микротемы в обозначенных временных границах;*
- реализация микротемы в выраженной логической структуре;
- структурно-семантическое единство, обеспечивающееся наличием таких компонентов как: «интегральная семантическая структура, в которой время сочетается; интегральная семантическая структура, в которой элементы времени закреплены на тематической вертикали, а элементы действия и бытия — на рематической вертикали; акт времени выражается темпоральными детерминантами, а предикат действительности — предикативными группами»;
- единый модальный план, образующийся объективно-модальными компонентами и субъективно-модальными, включая коннотативно-оценочными компонентами;
- комплекс средств локальной связности (Дымарский 1993: 29-30).

М.Я. Дымарский отмечает близкую связь сверхфразового членения текста с композиционной и сюжетной организацией повествования. Как отмечает М.Я. Дымарский, исследования которого основывались на анализе рассказа И.А. Бунина «Холодная осень», построенного на воспоминаниях героини, «движение мысли воспоминающего движет текст от одной воссоздаваемой

картины прошлого к другой» (Дымарский 1993: 21). Композиция рассказа в чем-то близка к композиции автобиографического романа А. Чудакова, что позволяет в ходе дальнейшего исследования опираться на предложенные ученым параметры.

Следуя взглядам М.Я. Дымарского, под сверхфразовым единством будут пониматься связанные микротемой и средствами локальной связи структурно-организованные цепочки предложений, отличающиеся структурно-семантическим единством, единым модальным планом. Данная единица текста имеет свою структуру, состоящую из трех компонентов: зачина, среднего плана и концовки.

При анализе сверхфразовых единств мы принимаем позицию З.Я. Тураевой, состоящую в том, что обязательному решению подлежат следующие задачи:

- выделение единиц из связанного текста согласно определенным критериям;
- определение статуса единиц и их характеристики;
- определение языкового оформления сверхфразового единства, межфразовых связей и отношений между ними;
- изучение авторского отношения, выраженного в сегментации текста (Тураева 1986: 113).

Некоторые из отмеченных задач, которые будут реализованы и в настоящем исследовании, потребуют решения на стадии, предшествующей анализу, среди них: определения критерия выделения единиц, а также их статуса. В настоящем исследовании смена микротемы в ходе повествования, или наличие единой микротемы в СФЕ, т.е. смысловой критерий, принимается в качестве основного для выделения сверхфразового единства.

Данные задачи, также, как задачи, которые найдут свое решение на этапе анализа материала исследования, представляют собой важнейшие вопросы, попытка ответа на которые будет совершена в дальнейшей работе.

.3.2. Сверхфразовые единства и текстовая категория связности

Ранее нами уже приводилось определение текста И.Р. Гальперина, согласно которому текст представляет собой завершенное произведение речетворного процесса, которое состоит из ряда особых единиц (ССЦ), объединенных разными типами связи (Гальперин 2007: 18). Текст характеризуется набором определенных категорий, которые отражают его сущностные характеристики. Среди них выделяются указанные исследователем завершенность текста, ряд сверхфразовых единств в его составе, определенные связи между данными единствами и др. Вслед за авторами монографии «Текст: теоретические основания и принципы анализа» приведем следующие категории текстуальности:

- связность, отражающая когезию текста;
- целостность, отражающая когерентность и смысловое единство текста;
- интенциональность, отражающая намерение и цель говорящего;
- воспринимаемость, отражающая учет адресата текста;
- информативность, отражающая содержание текста;
- ситуативность, отражающая условия, в которых осуществляется речевое общение;
- интертекстуальность, отражающая включенность текста в глобальное текстовое пространство (Рогова и др. 2011: 9).

Авторы монографии «Текст: теоретические основания и принципы анализа» отмечают, что текст создает особую последовательность связанных между собой предложений и сверхфразовых единств, которые образуют семиотическое пространство (Рогова и др. 2011: 69). Роль связности отмечается многими исследователями текста, часто она рассматривается как одна из основополагающих категорий в процессе текстообразования. М.П. Котюрова определяла связность как «категорию, соотносимую с системой разноуровневых языковых единиц, объединенных функцией выражать как расчленение, так и связь текстовых единиц — самостоятельных предложений, сверхфразовых единиц, абзацев и др.» (Котюрова 2003: 377).

Н.В. Шкурина отмечает, что «любой текст не просто может члениться, но чаще всего нуждается в членении» (Шкурина 2011: 70), особенно это необходимо для автобиографического дискурса с присущим ему явлением дисконтинуума. В аспекте *объемно-прагматического членения текста*, предложенного И.Р. Гальпериным (наряду с *контекстно-вариативным*, опирающимся в том числе на выделение в тексте ФСТР) и предполагающего, с одной стороны, авторское разделение текста на части, главы, главки, абзацы (Гальперин 2007: 51-52), читатель членит текст на СФЕ, ССЦ. Такое членение связано с выделением в нем микротем и облегчает понимание текстовой интенции. СФЕ могут быть равны абзацу, что, в принципе, является правилом, если принять во внимание стилистику от автора, но также и выходить за его пределы. Однако текст, вместе с тем, остается целостным вследствие того, что связность и сегментация представляют собой две стороны одного явления (Шкурина 2011: 70).

Сверхфразовые единства — единства текста, находящиеся между предложением и текстом, они больше, чем предложение и имеют, как уже говорилось, свои компоненты, а именно: зачин, среднюю часть и его концовку. Данные компоненты неизменно связаны друг с другом. Зачин играет более самостоятельную роль, задает тему всех последующих предложений единства, в то время как остальные его предложения в некотором роде «нанизываются» на тему зачина. Н.С. Валгина отмечает его основную содержательную роль в тексте при тесной связи с другими структурными компонентами (Валгина 2003: 373).

Сверхфразовые единства, как в отношении компонентов внутри, так и в отношении других сверхфразовых единств, связываются определенными типами связи. При рассмотрении и классификации внутритекстовых связей Н.В. Шкурина выделяла семь типов, выстраивающих текст:

- референция, проявляющаяся в замене наименований и слов местоимениями или другими соотносимыми словами;

- субституция, проявляющаяся в замене словосочетаний или целых предложений указательными местоимениями или наречиями;
- эллипсис, проявляющийся в опущении в речи различных элементов, наличие которых выводится из контекста;
- конъюнкция, проявляющаяся в использовании функциональных единиц;
- лексическая связность, проявляющаяся в повторе слов, словосочетаний, синонимов/антонимов или родовидовых элементов;
- грамматическая связность, проявляющаяся в виде повтора слов с одной грамматической семантикой;
- актуальное членение, проявляющееся в повторе тематического компонента (Шкурина 2011: 79-86).

Сверхфразовые единства представляют собой отдельные тематические и смысловые компоненты, однако читатель воспринимает их как единое смысловое и структурное пространство текста благодаря категории связности. Категория связности в тексте реализуется самыми разнообразными видами связи, каждый из которых может проявляется в тексте в большей или меньшей степени. Связность при этом неотделима от членимости текста, проявляет себя в формировании сверхфразовых единств, а также в структуре всего текста.

Членимость и связность существуют в тексте одновременно. З.Я. Тураева отмечает, что сегментация текста «есть членение реальной и идеальной (эстетической) деятельности. Кроме того, сегментацию текста следует рассматривать в широком контексте глобальной связности текста» (Тураева 1986: 113). Членение текста на составляющие его единицы представляет собой сложный процесс. Однако данный процесс помогает понять природу сегментированного текста, а также философию и интенцию автора, скрытые в тексте. Особая роль в интерпретации текста принадлежит ретроспекции, которую И.Р. Гальперин также относит к категории когезии (Гальперин 2007: 106). Ретроспекция, как уже отмечалось, реализуется в СФЕ ретроспективного характера, или РСФЕ.

3.3. Понятие о ретроспективных сверхфразовых единствах

Членимость, по мнению И.Р. Гальперина, обеспечивает преодоление линейного восприятия текста: «Членение текста вызывает к жизни такие категории, как ретроспекция, континуум, переактуализация и некоторые другие, связанные с пространственно-временными отношениями» (Гальперин 2007: 57).

Для художественно-автобиографического дискурса характерна временная многослойность, автор может прерывать повествование для обращения к фактам, событиям, информации, предшествующей базисному времени. При этом текст распадется на сверхфразовые единства, объединенные одной микротемой и согласно М.Я. Дымарскому, структурно-семантическим единством, обеспечивающимся сочетанием времени и действия, где время закреплено в тематической вертикали. Сверхфразовые единства, находящиеся на отрезке темпорального скачка влево, объединяются микротемой возвращения в прошлое. Внутри них время, которое смещается в прошлое, совпадает с описываемой объективной действительностью. В данной работе такие сверхфразовые единства понимаются как ретроспективные сверхфразовые единства.

Ретроспективные сверхфразовые единства получили подробное рассмотрение в работе И.В. Тивьяевой «Ретроспективные сверхфразовые единства: формы и функции», проводимой на материале текстов английского языка. Многие положения этого исследования будут взяты за основу подхода к анализу ретроспективных сверхфразовых единств в настоящей работе.

Под ретроспективными сверхфразовыми единствами И.В. Тивьяева предлагает понимать «текстоструктуры, маркирующие темпоральный скачок влево относительно текущего текстового времени» (Тивьяева 2007: 5). По мнению автора, данные текстоструктуры реализуют ретроспекцию в тексте.

Границы ретроспективных сверхфразовых единств маркируются сменой микротемы ретроспекции: «Точка разрыва временного континуума маркирует

верхнюю границу ретроспективного сверхфразового единства, точка восстановления временного континуума — нижнюю границу» (Тивьяева 2007: 8).

В своем исследовании И.В. Тивьяева выделяет следующие типы языковых средств, участвующих в формировании и интеграции РСФЕ в художественный текст:

- грамматические средства, выражающиеся видо-временными формами глагола;
- лексические средства, выражающиеся авторским указанием на ссылку, временными и пространственными маркерами, словами ретроспективной семантики;
- стилистические средства, выражающиеся повторами и др.;
- графические средства, выражающиеся пропусками между строк и различными символами (Тивьяева 2007: 8-13).

Предложенные типы языковых средств, актуализирующие реализацию фактора ретроспекции в РСФЕ, будут применены и в настоящем исследовании.

В качестве функций, выполняющихся ретроспективными сверхфразовыми единствами, И.В. Тивьяева выделяет следующие:

эксплицирующая функция, реализующаяся при пояснении смысловых связей между изображаемыми событиями;

- нарративная функция, реализующаяся при изложении событий, предшествующих событиям базисного времени;
- интродуктивная функция, реализующаяся с помощью психологических и портретных характеристик героев и пейзажных описаний;
- компаративная функция, реализующаяся в сравнении характеристик, свойств и состояний одушевлённых и неодушевленных предметов;
- сюжетнообразующая функция, реализующаяся в ретроспективном построении текста;
- интегрирующая функция, реализующаяся в связывающей природе ретроспективного сверхфразового единства (Тивьяева 2007: 13-18).

Автор подчеркивает, что данные функции демонстрируют, что ретроспективные сверхфразовые единства представляют собой средства

передачи содержательно-фактуальной информации, которая может подвергаться переосмыслению, т.е. выводить читателя, на наш взгляд, на уровни содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации (по И.Р. Гальперину). Данная позиция будет принята во внимание при анализе функций ретроспективных сверхфразовых единиц в художественно-автобиографическом дискурсе. Кроме того, материал исследования требует некоторых уточнений, которые будут изложены ниже.

.3.4. Ретроспективные сверхфразовые единства и функционально-смысловые типы речи: параметры их соотношения и принципы анализа в дискурсе А. Чудакова

Вторичный речевой жанр, как более крупное текстовое образование относительно первичного, включает последние в свой состав, подвергая их определённой обработке (Бахтин 1996: 161). Перечисленные ранее в работе специфические характеристики вторичного речевого жанра автобиографического романа оказывают значительное влияние на построение первичных жанров, входящих в его состав. Ретроспективные сверхфразовые единства, репрезентируя категорию ретроспекции, реализуются при этом в том или ином функционально-смысловом типе речи, которые, в свою очередь, как уже подчеркивалось, представляют собой первичные речевые жанры, входящие в состав вторичного речевого жанра и трансформируемые им.

РСФЕ, таким образом, в их соотнесенности с ФСТР, также представляют собой первичные речевые жанры: повествование, описание и рассуждение. В основу выделения типов речевых форм будет положен подход к классификации ФСТР В.И. Конькова и О.В. Неупокоевой, представленный в работе «Функциональные типы речи». Исследователи приходят к выводу о том, что «все три функциональные разновидности речи — описание, повествование и рассуждение — принимают равное и пропорциональное участие в формировании картины мира» (Коньков 2011: 217). В. Коньков

определяет три сферы человеческого существования, соотносящихся с функциональными типами речи: предметный мир, мир событий и мир информации. В зависимости от того, какие аспекты окружающей действительности отражает речевой текст, выделяются следующие ФСТР:

Предметный мир:

- описание: изображение части предметного мира, в котором компоненты содержания не упорядочены и находятся в отношениях соположения (например, портрет, пейзаж, интерьер);
- повествование: изображение последовательности физических действий и состояний, в котором порядок компонентов фиксирован, основываясь на отношениях временной последовательности (например, изображение последовательности физических действий человека, смены состояний, смены состояний природы) (Коньков 2011: 214-217).

Мир событий:

- описание: изображение части событийного мира, в котором компоненты создает представление о сложившейся описываемой действительности. Данные компоненты не упорядочены и имеют в основе отношения соположения (например, положение дел, характеристика, внутренне состояние, ситуация общения);
- повествование: изображение последовательности событий, в котором компоненты фиксированы отношениями временной последовательности (например, история жизни, случай, сообщение о событии);
- рассуждение: выявление логических отношений между компонентами содержания в форме итога размышлений о жизни, где компоненты фиксированы согласно природе логических отношений (практическое рассуждение; комментарий) (Коньков 2011: 214-217).

Мир информации:

- рассуждение: выявление логических отношений между компонентами содержания для анализа информации, где порядок слов определен природой логических отношений (отвлеченное рассуждение);

- сообщение информации: сообщение информации о мире событий, где компоненты содержания связывают отношения перечисления, а их порядок свободный (равноправные по содержанию) и фиксированный (неравнозначные по содержанию) (Коньков 2011: 214-217).

Включая ФСТР в систему речевых жанров, мы соглашались с В.И. Коньковым и О.В. Неупокоевой, утверждающими, что именно речевые формы (первичные речевые жанры) представляют собой речемыслительные единицы, участвующие в процессе создания целого произведения (вторичного речевого жанра) (Коньков, Неупокоева 2011: 15). Мы также разделяем точку зрения К.А. Роговой, которая понимает функционально-смысловые типы речи как типовые жанровые формы, где речевой жанр является стабильной формой целостного выражения речевого намерения, обладающего определенной тематикой, стилистическим единством, а также границами, которые маркируют речевой жанр в составе целого текста и репрезентируется СФЕ (Рогова 2015: 264). Таким образом, по мнению К.А. Роговой, речевой жанр — это матрица интенционально и тематически обусловленная, где выбор конструкций, объединяющихся в единое целое, определяется смыслом (Рогова 2015: 265).

Функционально-смысловые типы речи организуют РСФЕ, объединённые единой темой повествования. Форма и языковое наполнение речевого жанра определяется речевым намерением говорящего. Структура РСФЕ организуются намерением автора в определённом контексте: описать объективную действительность или рассказать о событии, являющемся её частью. Как отмечает К.А. Рогова, предложения, входящие в его состав, при этом отбираются согласно своему структурно-семантическому типу, что наделяет его определённым «семантико-коммуникативным потенциалом», который, в свою очередь, может помочь исследователю в выявлении и описании модели первичных речевых жанров РСФЕ (Рогова 2015: 265-266).

РСФЕ, обладая тематической законченностью, признаком ретроспективности, принадлежат к тому или иному ФСТР в силу специфики развертывания дискурса А. Чудакова, где ретроспективно представлены

портретно-пейзажные и др. типы описания, повествования о событиях и судьбах, их осмысление, что позволяет приравнять их к первичным речевым жанрам в условиях художественно-автобиографического дискурса А. Чудакова.

Обращение к тексту позволяет выделить несколько типов как РСФЕ и по другому, структурно-речевому, признаку (автономизированных, синсемантических, по Г.Я. Солганику, интегрированных, включенных в СФЕ с усложненным хронотопом, содержащих и базисное, и ретроспективное время, а также сложных РСФЕ, состоящих из нескольких простых, объединенных единой темой).

И.Р. Гальперин отмечает, что категория ретроспекции, соответственно, и реализующие ее текстоструктуры, «порождается содержательно-фактуальной информацией» (Гальперин 2007: 106). Однако данный тип информации является только отправной точкой для данной категории, так как она, останавливая поступательное развитие событий в точке базисного времени, может «актуализировать ранее изложенную содержательно-фактуальную информацию и впоследствии придавать ей содержательно-концептуальную информацию» (Гальперин 2007: 107).

1.3.4.1. Понятие о типах текстовой информации

В теории текстовой информации И.Р. Гальперина, *содержательно-фактуальная информация* представляет собой «сообщение о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом» (Гальперин 2007: 27). По мнению И. Гальперина, данная информация всегда эксплицитна, и языковые единицы в ней используются в их прямых, предметно-логических значениях (Гальперин 2007: 27).

Содержательно-концептуальная информация определяется ученым как «сообщение об индивидуально-авторском понимании отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации,

понимание причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» (Гальперин 2007: 28). Согласно мнению автора, данная информация — это «творческое переосмысление» фактов и событий, которые являются частью действительности общества и воображаемого мира автора, который отражает реальную объективную действительность лишь приближенно (Гальперин 2007: 28). И. Гальперин также подчеркивает, что содержательно-концептуальная информация может пониматься как замысел автора в сочетании с его содержательной интерпретацией: «Сквозь языковую ткань в нем просвечивает основная мысль — содержательно-концептуальная информация, которая не только не заглушает содержательно-фактуальную, но сосуществует с ней» (Гальперин 2007: 28; 40.) При этом данный тип информации в отличие от содержательно-фактуальной не всегда имеет ясное выражение.

Последним типом информации, выделяемым И.Р. Гальпериным, является *содержательно-подтекстовая информация*, которую И.Р. Гальперин определяет, как «скрытая информация, извлекаемая из содержательно-фактуальной информации благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений внутри СФЕ приращивать смыслы» (Гальперин 2007: 28). Данное скрытое сообщение, представленное этим типом информации, планируется автором и всегда выражается имплицитно. По мнению исследователя, содержательно-подтекстовая информация представляет собой «неясное, размытое, а порой и неуловимое соотношение смысла I и смысла II на небольшом отрезке высказывания» (Гальперин 2007: 45). Исследователь выделяет два типа содержательно-подтекстовой информации:

- *ситуативная содержательно-подтекстовая информация*, проявляющаяся в связи со сведениями, ранее представленными в больших повестях, романах;

- *ассоциативная содержательно-подтекстовая информация*, проявляющаяся в связи вербального сообщения с личным и общественным опытом (Гальперин 2007: 45).

Рассмотрев различные виды содержательно-подтекстовой информации, И. Гальперин приходит к выводу, что подтекст является неким «диалогом» между содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной сторонами информации, где они могут сближаться и дополнять друг друга или противоречить друг другу (Гальперин 2007: 48).

В настоящем исследовании, таким образом, РСФЕ рассматривается и как микротекст, и как первичный речевой жанр, формирующийся в рамках функционально-смысловых типов речи, который приобретает особую специфику в рамках вторичного жанра автобиографического романа А. Чудакова. Предложенные их типы, специфика их композиционно-речевого построения и языкового выражения, место в общей структуре текста будут рассмотрены в связи с реализацией основных типов памяти по Ю.М. Лотману — *личной*, (в другой классификации — эпизодической), или *историко-культурной* (и социокультурной как его разновидности, связанной к конкретной социокультурной ситуацией), а также в связи с реализацией основных типов текстовой информации — содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой (по И.Р. Гальперину), что позволит определить их функции и роль в выражении общей интенции текста.

ВЫВОДЫ

1. Текст представляет собой самостоятельный, законченный речетворческий продукт. Типологические черты текста соотносятся с определенным жанром, в рамках которого он создается, что предполагает наличие у текста определенной жанровой специфики. При этом текст также является речетворческим произведением конкретного автора, т.е. в нем присутствует личность автора, его мировоззрение, которое воплощается в языковом наполнении текста и его композиционной семантике, что позволяет рассматривать текст как авторский дискурс. Текст — это продукт авторского дискурса, обладающий параметрами авторской личности.
2. В данной работе принимается подход к рассмотрению текста романа А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в рамках художественно-автобиографического дискурса, что предполагает наблюдение за особенностями проявления его жанрообразующих признаков, а также учет позиции нарратора, общей интенции текста, дискурсивных параметров текста.
3. Роман «Ложится мгла на старые ступени», определенный самим автором как роман-идиллия, не относится к жанру идиллии. Предполагается, что духовная идиллия, проявляющаяся в особом чувстве ностальгии по ушедшему времени и людям, которые жили в нем, возрождении ПАМЯТИ о них. При этом роман А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» соотносится с жанром автобиографического романа.
4. Автобиографический роман как вторичный речевой жанр художественно-автобиографического дискурса характеризуется следующими чертами:
 - память как основной инструмент создания реальности;
 - историзм повествования;
 - фактуальное повествование, где выбираемые события реальны, но подвергаются художественной обработке;
 - объективированное повествование от третьего лица, для которого характерны отдельные случаи перехода к субъективированному повествованию от первого лица;
 - тождественность позиций автор — нарратор, нарратор — герой;
 - наличие особого вымышленного нарратора;

- тематическая многослойность;
 - многоплановый хронотоп;
 - построение текста по принципу дисконтинуума, проявляющегося категориями ретроспекции и проспекции;
 - художественное осмысление реальных событий, пережитых автором и эксплицируемых посредством вымышленного героя-нарратора.
5. Характерной чертой художественно-автобиографического дискурса является дисконтинуум. Дисконтинуум реализуется в ретроспективном и проспективном сдвиге времени от точки базисного времени, под которой понимается точка, в которой время повествования и события, о котором сообщается, совпадают. Базисное время — точка отсчета времени, сближаемая с актуальным временем повествования, ведущим основную сюжетную линию.
 6. В дискурсе А.П. Чудакова выделяются две точки отсчета времени: актуальное настоящее, связанное с образом героя-нарратора, а также актуальное настоящее, связанное с образом автора-нарратора. При этом авторский дискурс также характеризуется наличием двух линий повествования. Основная сюжетная линия представлена хронологически поступательным движением времени. Вместе с данной линией развивается линия ретроспекции, в которой передаваемая информация предшествует информации, сообщаемой в основной линии. Основная сюжетная линия представляет собой базисное время, настоящее для героя –нарратора.
 7. Ретроспекция — это форма дисконтинуума, которая проявляется в прерывании линейного повествования скачком влево от базисного времени к содержательно-фактуальной информации, которая сообщалась ранее или предшествовала информации, сообщаемой в данный момент. В дискурсе А. Чудакова данная содержательно-фактуальная информация приобретает содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую направленность.
 8. В дискурсе А. Чудакова категория памяти проявляется в форме ретроспекции. Эпизодическая, личная, память позволяет обратиться к тому или иному эпизоду в прошлом, в то время как семантическая память способствует его переоценке с точки зрения контекста настоящего. При этом герой-нарратор может обращаться к личной, а также историко-культурной памяти. Эпизодическая,

- автобиографическая, личная, память, семантизируются, а также актуализируют историко-культурную память
9. В авторском дискурсе ретроспекция реализует прошлый опыт личности автора — память автора.
 10. Текст художественно-автобиографического дискурса с характерным для него дисконтинуумом нуждается в членении. Членение текста опирается на разбиение текста на части, главы, абзацы (авторское разделение) и на СФЕ, ССЦ (читательское членение), в терминологии И.Р. Гальперина «объемно-прагматическое членение», а также на разделение текста на «речетворческие акты», такие как ФСТР — «контекстно-вариативное членение» в терминологии И.Р. Гальперина. При этом данный процесс отражает специфику сегментирования текста, связанную с мировоззрением и интенцией автора, а также стилистику от читателя — его восприятие текста.
 11. Объемно-прагматическое членение текста предполагает его разбиение на микротекстовые фрагменты — сверхфразовые единства как единицы композиционно-речевой организации текста. Под сверхфразовыми единствами в данной работе понимаются цепочки предложений, связанные единой микротемой и средствами локальной связи, а также отличающиеся единым модальным планом и структурно-семантическим единством. Структура СФЕ состоит из трех компонентов: зачина, основного плана и концовки.
 12. Категория ретроспекции реализуется в СФЕ ретроспективного характера — ретроспективными сверхфразовыми единствами (РСФЕ). Под РСФЕ понимаются сверхфразовые единства, объединенные микротемой ретроспекции и маркирующие скачок влево от точки базисного времени. Граница ретроспективных сверхфразовых единств обозначается сменой вышеупомянутой темы. В тексте романа А. Чудакова по структурно-речевому признаку в дальнейшем могут быть выделены несколько типов РСФЕ.
 13. В дискурсе А. Чудакова РСФЕ могут складываться в ретроспективные эпизоды — цепочки РСФЕ, объединенные мотивом памяти.
 14. В композиционно-речевом построении и языковом наполнении типов РСФЕ выражается миропонимание автора, т.е. дискурсивные параметры текста. Соответственно, в дискурсе А. Чудакова в реализации общей интенции текста

РСФЕ выполняют смыслообразующие функции, реализуют основные типы памяти (в классификации Ю.М. Лотмана — личной и культурной), а также основные типы текстовой информации (по И.Р. Гальперину).

15. Репрезентируя ретроспекцию, РСФЕ реализуются в рамках определенных ФСТР, что позволяет рассматривать РСФЕ как первичные речевые жанры (к которым относят и ФСТР). Типология РСФЕ по признаку их принадлежности к ФСТР предполагает реализацию второго типа членения текста по И.Р. Гальперину — «контекстно-вариативное». Таким образом, в ходе дальнейшего исследования будут учтены оба типа членения текста — «объемно-прагматическое» (вычленение РСФЕ и их типологизация по структурно-речевому признаку) и «контекстно-вариативное», предполагающее анализ РСФЕ в их соотношении с ФСТР и их рассмотрение как первичных речевых жанров.
16. РСФЕ могут быть рассмотрены как микротексты, обладающие текстовыми категориями — цельности, связности, информативности, интертекстуальности, интенциональности, вбирающие в себя черты целого текста, развивающие его интенцию и проявляющие характерные признаки дискурса А. Чудакова.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ РЕТРОСПЕКТИВНЫХ СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА А. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»

2.1. Структурно-речевые типы ретроспективных сверхфразовых единств: принципы выделения и анализ в дискурсе А. Чудакова

При обращении к анализу материала исследования нами была обнаружена одна из специфических черт РСФЕ-в, характерных для дискурса А. Чудакова. Структура РСФЕ в его романе оказалась неоднородной, но подверженной, вместе с тем, определенной типологизации. В связи с этим на первом этапе работы мы сочли необходимым обратиться к вычленению и анализу структурно-речевых типов РСФЕ в тексте романа. Возможно, усложненность структуры РСФЕ в данном случае обусловлена как спецификой художественно-автобиографического дискурса, так и многоаспектностью ретроспективного плана текста романа.

Ретроспекция, повторим еще раз, способствует преодолению линейности развертывания текста, она характеризуется прерыванием поступательного движения развития сюжета скачком влево от точки отсчета текущего базисного времени. В исследуемом тексте ретроспекция проявляется посредством прерывания основной линии повествования информацией, предшествующей ее временному плану, обеспечивает сдвиг в пространственно-временных отношениях текста, соотносится с категориями информативности, а также цельности, связности, интенциональности. Погружение в ретроспекцию в дискурсе А.П. Чудакова продиктовано целью сообщения новой содержательно-фактуальной информации, которая, вместе с тем, имплицитно и более глубокие ее типы — содержательно-концептуальный и содержательно-подтекстовый, актуализируя не только личную, но и историко-культурную память, раскрывая интенцию текста. Ретроспективный план текста обеспечивается стилистикой от автора, продуцирующего текст, членение же ретроспективного плана текста на РСФЕ связано с аспектом

восприятия — стилистикой от читателя. Особенности структурно-речевого построения РСФЕ, употребления языковых средств в них, в свою очередь, проявляют характерные черты дискурса А. Чудакова в исследуемом романе.

Проблема вычленения типов РСФЕ в дискурсе А. Чудакова осложняется спецификой автобиографического дискурса, отличающегося, как правило, многотемностью, историзмом в сочетании с вымышленностью, образной обработкой реальных событий и фактов; многомерностью повествования о судьбах персонажей, принадлежащих одновременно и плану реальной действительности; многократным, спонтанным переключением видо-временного плана повествования, который развивается вслед за ассоциативной работой памяти, обеспечивая сложность хронотопа с доминирующим ретроспективным планом; наличием целого ряда сюжетных линий и др.

РСФЕ, как тематически связанные структурно-речевые компоненты текста — микротексты, раскрывающие одну из его микротем, вмещают в себя и общие свойства текста, осложненного, в данном случае, спецификой художественно-автобиографического дискурса. В дискурсе А. Чудакова обнаруживается наличие целого ряда различных типов РСФЕ, отличающихся по своим структурным признакам. Структурно-речевые характеристики РСФЕ, как и СФЕ в целом, прежде всего, «варьируются в пределах оппозиции «дистантные-контактные сверхфразовые единства» (Ефремова 2011: 106; см. также Марченко 2003: 26), т.е. специфика их построения зависит от такого важного структурно-синтаксического признака СФЕ, как явление связности между его составляющими. Немаловажным параметром, принимаемым нами во внимание при типологизации РСФЕ, является и специфика их пространственно-временной организации, способной охватывать границы базисного и ретроспективного времени в силу особых свойств построения художественно-автобиографического дискурса.

Таким образом, признаки связности и пространственно-временной организации (хронотопа) легли в основу выделения типов РСФЕ по структурному признаку в дискурсе А. Чудакова.

Переходя к выделению структурных типов РСФЕ по способу связи, прежде всего обратимся к характеристике основных типов связи внутри СФЕ. Г.Я. Солганик, номинируя СФЕ как «прозаическую строфу», говорит о существовании «цепной» и «параллельной» связи между образующими ее предложениями (Солганик 1997: 27). О наличии данных типов связи в СФЕ говорят также И.Р. Гальперин, Н.Д. Зарубина, М.П. Котюрова, Н.А. Турмачева, В.Е. Шевякова и др.

В случае цепной, контактной, связи, предложения внутри СФЕ выстраиваются в темо-рематическую цепочку, каждый член которой взаимосвязан с предыдущим «лексическими и синтаксическими показателями смысловой и формальной зависимости от него», т.е. синсемантичен (Котюрова 2003: 618). В случае параллельной связи, связь между предложениями не непосредственная, цепная, а неконтактная, параллельная, дистантная, предложения в такого типа единствах с дистантной связью автосемантичны, могут дистанцироваться друг от друга, но вести одну тему, допуская ее варьирование в микротемах (Котюрова 2003: 618).

Ряд ученых, принимая во внимание разнородность СФЕ по характеру связности между его компонентами, по особенностям развития «тематической прогрессии» СФЕ, выделяют еще несколько их структурно-речевых разновидностей, актуальных для дискурса А. Чудакова. Так, например, Чень Цзэ, китайский исследователь, занимающийся изучением СФЕ на базе русских текстов разной стилевой принадлежности в рамках школы МГУ, говорит о существовании сложных сверхфразовых структур, в которых наблюдается тематическая прогрессия, осуществляемая посредством комбинации цепной и параллельной типов связи с включением в СФЕ более мелких, простых, СФЕ с микротемой или «автосемантических предложений», т.е. происходит варьирование нескольких микротем, включенных в сложное СФЕ с единой макротемой (Чень Цзэ 2003: 72-73). На этом основании она выделяет два особых типа СФЕ — 1) сложные сверхфразовые единства (далее — ССФЕ) и многочленные сверхфразовые единства (далее — МСФЕ). Так, «ССФЕ

состоит из двух или более простых сверхфразовых единств (ПСФЕ), каждое из которых составляет, как говорилось выше, единое структурное и семантическое целое, объединяемое общей микротемой, причем каждое ПСФЕ характеризуется представлением смыслового содержания на максимально конкретном уровне макротемы» (Чэнь Цзэ 2003: 73). Другими словами, в состав ССФЕ входит несколько простых СФЕ (далее — ПСФЕ), что говорит об их автосемантической по отношению друг другу, но, вместе с тем, подчиненности единой общей макротеме в рамках сложного сверхфразового фрагментарного образования. МСФЕ могут включать в свой состав как ПСФЕ с микротемой, так и автосемантические предложения, также объединенные одной макротемой, развиваемой в МСФЕ (Чэнь Цзэ 2003: 73). Выделение сложных РСФЕ актуально для нашего материала исследования.

При анализе материала исследования нами был обнаружен еще один структурный тип СФЕ, отличающийся особой спецификой выстраивания его видо-временного плана, или хронотопа, и содержащего компоненты базисного и ретроспективного времени, реализованного, вместе с тем, в пределах одной темы. Такой тип РСФЕ мы называем интегрированным, поскольку он встраивается в СФЕ с базисным временем. В ходе исследования нами также был выделен довольно стандартный, характерный для всех текстов, тип РСФЕ, который мы решили назвать неинтегрированным (в оппозиции к интегрированному) в силу его «отделенности», противопоставленности по структурно-речевой организации другим вышеназванным типам.

Материал исследования, таким образом, позволил выявить в дискурсе А. Чудакова несколько структурно-речевых типов РСФЕ с учетом специфики проявления категории связности, речевой композиции, видо-временного плана повествования:

- интегрированные РСФЕ, входящие в состав СФЕ с усложненным хронотопом (содержащим элементы базисного и ретроспективного времени);
- неинтегрированные РСФЕ;

- сложные РСФЕ интегрированного или неинтегрированного типа, в состав которых входят два или более ПРСФЕ, варьирующие в микротемах общую для единства макротему.

Особенности каждого из этих типов будут описаны ниже, в параграфах, посвященных их анализу в дискурсе А. Чудакова. Типологизация РСФЕ по другому признаку — характеру их соотнесенности с функционально-смысловыми типами речи — будет описана во втором разделе данной главы.

Типологизация по первому, структурно-речевому, признаку, и само обращение к РСФЕ в романе А. Чудакова, опираются на принцип «объемно-прагматического членения текста» (термин И.Р. Гальперина). К объемно-прагматическому членению текста относится и композиционно-тематическая его разбивка автором, отражающая специфику авторского дискурса, — членение текста на части, главы, главки и др. (Гальперин 2007: 51-52). Авторская разбивка текста романа А. Чудакова на главы во многом объясняет наличие усложненных, неспецифических сверхфразовых образований, направленных на реализацию основной текстовой интенции. Автор романа «Ложится мгла на старые ступени» членит его на отрезки, которые выстраивают композиционную семантику всего текста, вписывая судьбы людей в историю страны. Не случайно в структуре романа выделены главы, посвященные (1) судьбам и характерам членов семьи героя-рассказчика (vs автора-нарратора), окружающих их людей и (2) главы, связанные с историей и традицией. Например, (1) главы, посвященные членам семьи и их окружению: *Армреслинг в Чебачинске (глава, посвященная деду нарратора), Претенденты на наследство (рассказ о судьбе тети Тани — родной тетки нарратора, ее семьи), Клава и Валя (рассказ о первой и второй любви героя-нарратора), Кавалер Большой золотой медали Великого Князя (глава, посвященная рассказу об уроках, которые давал нарратору его дедушка), Человек, Который не ест (рассказ о музыканте Сергее Ивановиче Серове), Гений орфографии Васька Восемьдесят Пять (глава об однокласснике Ваське Гагином), Прекрасное есть революция (глава, посвященная философу Григорию Васютину), Кондитер*

Федерау и профессор Резенкамф, печник (глава о кондитере и печнике Чебачинска), Стекольщик Кажека (рассказ о третьем известном частнике Чебачинска), Мама (глава, посвященная маме героя-нарратора), Отец (глава об отце героя-нарратора), И все они умерли (и др.); (2) главы, связанные с историей и традицией: Четвертая сибирская волна (рассказ о ссыльнопоселенцах в Чебачинске), Ты можешь ли Левиафана удою вытащить на берег? (рассказ о Чебачинске, укладе жизни в городе детства нарратора), В бане и около (глава, посвященная рассказу об образе жизни в Чебачинске и общей традиции мытья в бане), Натуральное хозяйство XX века (рассказ о хозяйстве Саввиных-Стремоуховых), Пельмени Ильича (глава, посвященная рассказу о школе, пионерлагерях и уличной жизни Чебачинска) и др. В то же время, история судьбы каждого из героев тесно переплетается с историей России, оценивается и переосмысливается автором сквозь призму времени, что в целом способствует усложнению и такой единицы объемно-прагматического членения текста, как РСФЕ. РСФЕ могут автономизироваться в окружении базисного или ретроспективного времени, где они складываются в целые цепочки — ретроспективные эпизоды, а также усложняются за счет включения простых ретроспективных единств внутрь одного сложного, развивающего, вместе с тем, одну тему. Такое композиционно-речевое построение дискурса А. Чудакова, обусловленное его жанровой и интенциональной спецификой, создает структурно-речевое многообразие в построении ретроспективного плана текста, которому отводится смыслопорождающая роль.

2.1.1. Аспекты анализа структурно-речевых типов РСФЕ в дискурсе А. Чудакова

Прежде чем обратиться к непосредственному анализу типов РСФЕ, относящихся к композиционно-речевым единицам членения текста, необходимо

перечислить те аспекты их анализа, которые будут в большей или меньшей степени затронуты в ходе исследования. К ним относятся:

- структурная специфика РСФЕ (интегрированность, неинтегрированность, усложненность);
- типы связи между компонентами СФЕ (синсемантическая или автосемантическая);
- некоторые аспекты коммуникативного синтаксиса (в частности, особенности развития «тематической прогрессии», ее «линейности», «нелинейности» (Danes 1974));
- лексические средства связи (тематическая лексика, ее заместители);
- синсемантические средства связи (союзы, временные детерминанты и др.);
- грамматические средства связи и организации содержательно-смыслового уровня РСФЕ — видо-временные формы глагола с их «категориальными значениями» (термин А.В. Бондарко — см. Бондарко: 1996: 99), доминирующие в том или ином структурно-речевом типе РСФЕ, содержащего также и признаки определенного ФСТР (описания, повествования, рассуждения);
- лингвокультурные единицы, участвующие в развитии тематической прогрессии, смыслового уровня единств (в частности, прецедентные феномены);
- типы текстовой информации и типы памяти, связанные с функциональным аспектом РСФЕ, т.е. анализ их содержательно-смыслового уровня.

2.1.1.1. Интерпретационные возможности видо-временных форм глагола в дискурсе А. Чудакова. Общие и частные значения глагольного вида

При обращении к материалу исследования было обнаружено специфическое явление дискурса А. Чудакова, охватывающее ретроспективный план текста, — особый характер взаимодействия видо-временных форм глагола и специфики структурно-речевой и композиционно-речевой (по типам

речи — ФСТР) организации РСФЕ. В связи с этим, при анализе основных типов РСФЕ, особое внимание будет уделено «категориальным значениям форм вида» глагола, способным в условиях «речевой среды», «речевой ситуации», в данном случае — в РСФЕ, проявлять не только свои системные значения, но и участвовать в их организации и смыслопорождении (Бондарко 1996: 99, 110-111). Понятие «речевой ситуации», в представлении А. В. Бондарко, «включает все то в обстановке речевого акта, отражаемой в сознании говорящего и слушающего, что взаимодействует со значениями языковых средств, участвуя в формировании содержания высказывания» (Бондарко 1996: 111).

А.М. Пешковский определил глагольный вид как «грамматическую категорию глагола, обобщенно указывающую, как протекает во времени или как распределяется во времени обозначенное глаголом действие» (ЛЭС 1990: 83). Согласно мнению Ю.С. Маслова, глагольный вид связан с внутренней «темпоральной структурой» и ее интерпретацией говорящим (см. ЛЭС 1990: 83). «Инвариантное», «общевидовое», значение СВ отличается «неделимой целостностью действия» (Маслов 1959: 307-311), «базирующемся на признаке ограниченности действия пределом» (Бондарко 1996: 101), оно способно обозначать *единичное, конкретное событие, демонстрировать последовательность событий в их результативном развитии* (см. Маслов 1984: 72-73; Падучева 1996: 87). НСВ отличается «эксплицитной процессностью», «непредельностью», «нецелостностью» действия — «немаркированностью пределом», в НСВ «протекание времени как бы включено в обозначаемое протекание действия, т.е. течение действия выражается в единстве с течением времени» (Бондарко 1996: 101). Употребление глаголов СВ, в силу передачи законченности и «целостности действия», соотносится «со взглядом на действие со стороны», в то время как при употреблении глаголов НСВ «говорящий как бы находится внутри процесса» (Бондарко 1996: 102). В этом смысле глагол НСВ может означать «вообще действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения

целостности действия» (Размусен 1891: 379), позволяя передавать «моменты (исторической или логической) последовательности» (Маслов 1984: 16), *вневременной характер описываемых событий и ситуаций, а также признаков характеристики лица, персонажа*. Следовательно, ситуации употребления НСВ более неоднозначны, чем ситуации употребления СВ; НСВ в большей мере зависит от прагматических установок и контекстных условий употребления, чем СВ; частные значения НСВ более размыты, «диффузны», «взаимопереходны», чем СВ (см., например, Падучева 1996).

К частновидовым значениям СВ А.В. Бондарко относит «конкретно-фактическое», «наглядно-примерное», «потенциальное», «суммарное» (Бондарко 1996: 114). Список частновидовых значений НСВ более обширен и все еще не окончателен. А.В. Бондарко в исследованиях по проблемам актуальности относит к ним, в частности, «конкретно-процессное» (передает актуальное действие в его процессе, протекании), «неограниченно-кратное» (повторяемость этого действия, процесса), «обобщенно-фактическое» (обобщённый динамический факт), «ограниченно-кратное» (процесс имеет определенную повторяемость), «реляционное» (взаимосвязь процессов), «потенциально-качественное» (качественная характеристика процесса), «нейтральное» (Бондарко 1996: 116). При этом многими учеными отмечается не только диффузность значений НСВ, но и их взаимосвязанность и взаимопереходность, в силу чего часто не удается точно дифференцировать разновидность значения НСВ в конкретном употреблении. В рамках исследуемого материала, на наш взгляд, правомерно обращение и к термину «постоянно-непрерывное» значение НСВ, предложенного в классификации Ю.С. Маслова (Маслов 2004: 99), т.к. данный термин вбирает в себя значения и неоднократно-процессное, и общефактическое, расширяя и уточняя их, что актуально для художественно-исторических обобщений художественно-автобиографического дискурса. Таким образом, в ходе дальнейшего анализа мы будем опираться как на классификацию частновидовых значений А.В. Бондарко, так и на классификацию Ю.С. Маслова.

Обращение к некоторым вопросам «аспектуальности» (А.В. Бондарко, Ю.С. Маслов и др.), наблюдение над употреблением видовых форм глагола в их соотношении с категорией времени в условиях речевого употребления (отметим сразу, что в дискурсе А. Чудакова доминирует форма прошедшего времени глагола) в РСФЕ с различной речевой структурой, позволит выявить функции видо-временных форм глагола как в реализации различных типов информации и типов памяти в тексте, так и их роли в организации ФСТР, организующих РСФЕ. Глагол, по утверждению Г.А. Золотовой, «та часть речи, которая имеет возможность выражать предикативные значения в рамках слова, т.е. синтаксически», он относится к категориям модальности, «предикативным категориям» (Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 59), позволяя, таким образом, интерпретировать текст и его фрагменты с позиций выражения авторской модальности и с т.з. читательского восприятия.

2.2. Анализ структурно-речевых типов РСФЕ в дискурсе А. Чудакова

2.2.1. Интегрированные РСФЕ и их анализ

А н а л и з Р С Ф Е по структурно-речевому признаку начнем с интегрированных РСФЕ (далее — ИРСФЕ), поскольку первое интегрированное РСФЕ, к которому мы обращаемся (*дед Антона — его сила и выносливость*), открывает все повествование, являясь зачином всего текста, не только первой его главы. В зачине обычно водятся хронологические признаки текста, эксплицируется тип повествования (от 1-го или 3-го лица), характер повествования (например, воспоминание); происходит знакомство с его главными героями или с кем-то из них, задается пропозиция всего текста. Тогда становится понятным, откуда берет начало точка отсчета базисного времени.

Интегрированные РСФЕ являются компонентом особых СФЕ с усложненным хронотопом, но посвященных при этом единой теме. Тема

задается во временных границах базисного времени, которое, как правило, обрамляет РСФЕ по принципу рамки, и реализуется во временных границах ретроспективного времени — прошлого, ассоциативно всплывающего в памяти, отмеченного временным скачком влево, что указывает на ретроспективную природу центрального компонента таких СФЕ. Данный компонент мы полагаем возможным отграничить внутри СФЕ и обозначить как интегрированное РСФЕ. Оно, при этом, оказывается тесно связано с хронологически усложненным СФЕ тематически, поэтому, с одной стороны, вычленимо, с другой — неотрывно от него. Верхняя граница интегрированного РСФЕ отмечена точкой разрыва временного континуума темпоральным скачком влево от текущего базисного времени, нижняя совпадает с моментом возвращения к линейному повествованию в базисном времени, что обычно маркируется темпоральными детерминантами. При этом переключаются как время описываемых событий (с базисного на ретроспективное), так и место их действия, а также описываемая ситуация, которая ассоциативно связывается с базисным временем повествования. Стимул к ретроспекции находится в пределах СФЕ, в его базисных речевых компонентах. В языковом плане РСФЕ маркированы переключением видо-временных форм глагола, отличающихся от глагольных форм базисного времени внутри СФЕ, введением в ретроспективное повествование на фоне базисных темпоральных детерминантов, указывающих на их отнесенность к прошлому по отношению к точке отсчета времени в описываемой ситуации, и др. Мы считаем правомерным выделение типа интегрированных РСФЕ внутри одного СФЕ с усложненным хронотопом в связи с тем, что такое СФЕ посвящено одной теме, но в его речевой композиции, в обрамлении речевых компонентов с базисным, актуальным, временем, выделяется еще один компонент — ретроспективное прошлое, которое продолжает вести заданную СФЕ-вом тему, но в прошедшем времени. СФЕ с усложненным хронотопом имеют следующую (рамочную) модель построения: базисное время — скачок влево, ретроспекция, или собственно

интегрированное РСФЕ, — отскок вправо, к базисному времени, и все в пределах развития одной темы.

Ретроспективные скачки в дискурсе романа в основном обусловлены целью сообщения новых данных для концептуализации уже имеющихся. Таким образом, читатель постепенно достраивает полную картину портретов героев, их судеб, вплетенных в историю страны. При этом в базисном времени могут появляться **стимулы**, мотивирующие погружение в ретроспекцию судьбы одного и того же героя несколько раз. Однако каждый раз читатель получает новую информацию, которая дополняет жизненную линию данного героя или концептуализирует уже имеющуюся содержательно-фактуальную информацию о нем. Особенно ярко мы можем наблюдать это в текстовом портрете дедушки героя-нарратора, судьба которого выстраивается перед нашими глазами благодаря ретроспективным «скачкам» в его прошлое, что делает его линию одной из центральных, объединяющих все произведение. Вокруг заболевшего деда (линия базисного, актуального, настоящего для повествования времени — точки отсчета) выстраиваются судьбы близких и других окружающих его и героя-нарратора людей.

Зачин текста, представляющий собой ИРСФЕ, посвящен теме *дед, его сила и выносливость*. Обратимся к его анализу, а затем и к анализу других ИРСФЕ в дискурсе романа.

1). *Дед был очень силен. / Когда он, в своей выгоревшей, с высоко подвёрнутыми рукавами рубахе, работал на огороде или строгал черенок для лопаты (отдыхая он всегда строгал черенки, в углу сарая был их запас на десятилетия), Антон говорил про себя что-нибудь вроде: «Шары мышц катались у него под кожей» (Антон любил выразиться книжно). / Но и теперь, когда деду перевалило за девяносто, когда он с трудом потянулся с постели взять стакан с тумбочки, под закатанный рукав нижней рубашки знакомо покотился круглый шар, и Антон усмехнулся (Чудаков 2014: 7).*

В основе данной цепочки предложений, образующих СФЕ с усложненным хронотопом и объединенных автором в один абзац, лежит

единая тема — *дед* Антона, *его сила и выносливость*, обеспечивающая семантическое единство цепочки. Связь темы на лексико-грамматическом уровне обеспечивается повтором лексики *дед*, ее заместителями — местоимениями *он*, *у него*. Однако тема реализуется и в пределах базисного, и в пределах ретроспективного времени, базисные речевые компоненты образуют рамку вокруг ИРСФЕ. Его верхняя граница отмечена точкой разрыва временного континуума темпоральным скачком влево от базисного времени (*когда он...работал на огороде* — погружение в прошлое, актуализация воспоминания), нижняя совпадает с моментом возвращения к линейному повествованию, что маркируется темпоральным адвербиалом *теперь*. Синсемантичность ИРСФЕ с компонентами базисного времени подчеркнута наличием союзов: ретроспективный фрагмент (отскок влево) начинается с подчинительного союза *когда*, возврат к базисному времени — с союза *но*, подчеркивающего сопоставительную связь между компонентами базисного и ретроспективного времени. При этом речевой компонент ретроспективного времени, собственно ИРСФЕ, маркирован преимущественно «акциональными глаголами» (семантическая классификация глагольного предиката Г.А. Золотовой) в одной грамматической форме — НСВ прошедшего времени, передающими конкретно-процессные, постоянные действия в их последовательной прогрессии с участием наблюдателя-нарратора (*работал, строгал, говорил, отдыхая*), глаголом прошедшего времени НСВ (*катались шары мышцы*) с постоянно-непрерывным значением и с модусным значением оценки наблюдаемого факта, позволяя рассматривать РСФЕ как интегрированное. Речевые компоненты в режиме базисного времени маркированы единичным связочным неполнозначным глаголом *быть* в форме прошедшего времени НСВ (*был*) в позиции ремы (первый речевой компонент единства) в сочетании с кратким характеризующим прилагательным *силен* (*дед был силен*) — предикат-сказуемое, придающее высказыванию вневременной характер, но отражающее, тем не менее, впечатление от увиденного в режиме актуального времени «здесь и сейчас», а в последнем, также базисном, речевом

компоненте СФЕ — рематическими модусными глаголами прошедшего времени *СВ* с конкретно-фактическим значением (*перевалило, усмехнулся, покатился, потянулся*), подчеркивающими, с одной стороны, целостность восприятия, завершенность и осмысленность увиденного сквозь призму прошлого и настоящего, с другой — реализующими возврат к базисному времени повествования, к точке отсчета.

В данном СФЕ с усложненным хронотопом обнаруживаются, таким образом, два временных пласта — прошлое и настоящее, о чем свидетельствуют и грамматические формы рематических глаголов наряду с временным детерминантом. Такое единство воспроизводит речевую ситуацию, связанную с одной темой, но раскрываемую в сопоставлении двух временных планов — *з д е с ь* и *с ейчас* и *в п р о ш л о м*, в памяти, воспоминании — ретроспекции, характеризующую тематический объект описания в режиме онлайн — оценивая его в сравнении сквозь призму времени, объединяя нарратора-персонажа с нарратором-автором, юного повествователя с взрослым рассказчиком, осмысливающим настоящее сквозь призму всплывающих в памяти фрагментами из прошлого. Тогда первая описательно-констатирующая фраза *Дед был очень силен* (с ключевой оценочной лексемой *силен* в форме краткого прилагательного), носящая вневременной характер, но в контексте повествования имеющая связь с базисным временем (уже взрослый герой видит больного, умирающего деда и констатирует факт, что он сильный физически человек даже на смертном одре), соответствует базовой описательной модели «предмет/объект и его признак» и задает не только описательный характер всему СФЕ, но и является объединяюще-оценочным **стимулом** для введения ретроспекции, а затем и возврата к базисному времени. Ретроспективный компонент занимает центральную позицию и выполняет функцию актуализации такого значимого фактора художественно-автобиографического дискурса, как память, здесь — память о деде как прообразование темы памяти о таких людях, которые были лучшими представителями уходящей в прошлое эпохи. Использование формы глаголов

НСВ прошедшего времени, включенность в его категориальное значение позиции наблюдателя, его вневременной характер говорят о важной смыслообразующей роли видовых форм глагола в организации дискурса А. Чудакова, тем более — на фоне базисного времени с доминирующими глаголами СВ прошедшего времени, передающими цельность, завершенность происходящего, ставшего результатом прошлого. В анализируемом ИРСФЕ, являющимся зачином всего текста, задаются истоки характеристики образа деда, деталей его портрета и натуры, посредством описания его постоянных действий в прошлом и, за счет этого, сама его характеристика в базисном «настоящем» — *высокая работоспособность, трудолюбие*.

Таким образом, ИРСФЕ, интегрированное в СФЕ с усложненным хронотопом, придает последнему не только содержательно-фактуальный, но и содержательно-концептуальный характер, играя важную роль в смыслопорождении текста романа. В ходе дальнейшего повествования через текстовый интервал ретроспективная информация анализируемого единства начинает расширяться посредством введения других РСФЕ (образующих прямую или «интервальную» цепочку повествования, посвященного одной макротеме — *дед*), раскрывающих тему «физическая сила, выносливость деда» посредством подключения другого типа памяти — историко-культурной (вернемся к этому примеру ниже при анализе 1-го НИРСФЕ).

2). *Венцом сегодняшнего маршрута была баня. Утром, уходя, Антон сказал деду, желая его развеселить:*

— Таз брать?

В Антоново время в баню ходили не только со своими вениками. Отец Антона, человек в городе уважаемый, учитель, известный лектор общества «Знание», шествовал через город с огромным белым эмалированным тазом: шаек в мочной не хватало, и кто со своим тазом — шёл без очереди.

Баня была на месте — краснокирпичное одноэтажное здание со странно, у самой крыши расположенными окнами — чтоб не подглядывали (Чудаков 2014: 85).

Перед нами СФЕ с усложненным хронотопом, РСФЕ интегрировано в него, первый, абзацно выделенный, речевой компонент: *Венцом сегодняшнего маршрута была баня. Утром, уходя, Антон сказал деду, желая его развеселить: — Таз брать?,* а также последний, абзацно выделенный речевой компонент: *Баня была на месте* — краснокирпичное одноэтажное здание со странно, у самой крыши расположенными окнами — чтоб не подглядывали — относятся к базисному времени повествования и образуют рамку, в которую встроено ИРСФЕ. ИРСФЕ, разрывающее временной континуум повествования в базисном времени, маркированное детерминантом *в Антоново время*, глаголами НСВ прошедшего времени (*ходили, шествовал, не хватало, шел*) и отмеченное скачком влево с последующим возвратом к базисному времени — тому, что увидел герой *здесь и сейчас*, в режиме актуального повествования (*Баня была на месте*), занимает центральную позицию во всем СФЕ.

Тема всего СФЕ — *баня* (поддерживается связочными лексемами одной лексико-тематической группы в позициях ремы или темы: *баня, таз, шайки, моечная, веники*), которая ведет содержательно-фактуальную информацию всего СФЕ. Но на его фоне, в рамках ИРСФЕ, актуализируется содержательно-концептуальная информация посредством введения ситуации *отец и его поход в баню*, всплывающей в памяти героя на слово-стимул *баня*, а также социокультурная ситуация, связанная с мытьем в бане в довоенной России, носящей обобщающе-констатирующий характер. Тема *баня* ведется в данном единстве (с доминирующим типом *описание*) глаголом НСВ с постоянно-непрерывным значением (в баню всегда *ходили...*), подчеркивающим древнюю традицию; социокультурная ситуация времени 30-х гг. — глаголом НСВ с постоянно-непрерывным значением и отрицанием *не* (*не хватало тазов, как обычно для того времени*); тема отца — неограниченно-кратным глаголом НСВ

(шествовал гордо, несгибаемо, как обычно и как свойственно ему — отцу).

Таким образом, описанная в ИРСФЕ посредством ключевых лексем и глаголов НСВ информация концептуализируется, вводится характеристика и идентификация отца с оценкой наблюдателя-нарратора сквозь призму прошлого (*шествовал через город с огромным белым эмалированным тазом, человек в городе уважаемый, учитель, известный лектор общества «Знание»*), а также значимая для дискурса А. Чудакова характеристика социокультурной ситуации времени с ее оценкой (здесь — 30-х гг. XX века, когда в бане не хватало тазов и туда ходили не только со своим веником, но и со своим тазом, и тот, кто его приносил, шел *без очереди*), а также традиции (париться с веником, мыться из таза, использовать шайки и др.), тогда судьба семьи, характеристика ее членов вписывается в историко-культурный контекст, вводя в повествование, на уровне ИРСФЕ, разные виды памяти и текстовой информации, в том числе — содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой, что отвечает общей интенции текста.

3). Пили редкостный напиток — индийский чай со слонем, Нине Ивановне его дарили бывшие пациенты. Вспомнили ее бедную дочь. После войны Нина Ивановна уехала ненадолго в Москву — что-то решать с бывшим мужем. Десятилетняя Инна занозила ногу, начался сепсис, без Нины Ивановны не достали редкий тогда пенициллин. Нина Ивановна всегда носила с собою ее фотографию — в гробу. Посмотрели фотографию (Чудаков 2014: 35).

Данное СФЕ посвящено ситуации встречи героя-нарратора с давней подругой матери, домашним врачом Ниной Ивановной, его тема — память о дочери Нины Ивановны Инне, умершей в десятилетнем возрасте. В состав СФЕ введено ИРСФЕ, в основе которого — воспоминание о болезни и смерти девочки. Словосочетание *бедная дочь* становится стимулом к воспоминанию, которое маркируется глаголом прошедшего времени СВ с семантикой памяти, воспоминания, возвращения к прошлому — *вспомнили* (о ситуации смерти дочери Нины Ивановны — конкретизация темы в ИРСФЕ), подчеркивающим

единичный факт возвращения к личной памяти персонажей. Стимул, связывающий план настоящего и план прошлого в пределах одного СФЕ, включен в компонент с базисным временем. Нижней границей возврата к базисному времени становится вневременная фраза «*Нина Ивановна всегда носила с собой ее фотографию — в гробу*» с последующей фразой, соотносимой со временем «здесь и сейчас»: *Посмотрели фотографию*. ИРСФЕ, таким образом, обрамлено рамкой с базисным временем.

Скачок влево в ИРСФЕ маркирован детерминирующим обстоятельством времени *после войны*, т.е. на лексико-семантическом и грамматическом уровнях. Единство темы ИРСФЕ обеспечивается лексико-грамматическими средствами — тематической лексикой (слова, связанные с темой семьи: *дочь, муж, Нина Ивановна* — имя собственное, связывающее базисное и ретроспективное время в единое СФЕ); тематическая группа лексики, связанная с медициной: *пациенты, сепсис, пенициллин*, в ретроспективном повествовании, актуализирующая историко-культурную память, вызывающая к жизни социокультурную ситуацию послевоенного времени; местоимения замены (*ее, его*). Речевой компонент ретроспективного времени, носящий повествовательный характер, рассказывающий последовательно о единичном событии-факте с его причинно-следственными связями, содержит глаголы прошедшего времени СВ с конкретно-фактическим значением, подчеркивающим единичные факты в прошлом в их завершенной, неизбежной временной последовательности, приведшие к трагическому результату — случайность и неслучайность, обусловленные социокультурной ситуацией времени (*уехала, занозила, начался, не достали*). Глагол прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным значением (*носила*) в сочетании с временным детерминантом *всегда* в предложении, маркирующем границу между базисным и ретроспективным временем, подчеркивает вневременное, непреходящее значение ситуации и ведет гипертему всего текста, его основной мотив — мотив ПАМЯТИ, невозможности забвения, которым уже начинает покрываться прошлое, и связывает фрагмент с содержательно-подтекстовым

уровнем, маркированным в названии — сильной позиции текста: «Ложится мгла на старые ступени», на ступени памяти, вместе с тем, как показывает анализ ретроспективного плана текста, — незабвенной, вечной. Ключевым словом единства становится лексема *фотография*, повторенная дважды в пределах одной синтагмы и подчеркивающая на уровне смысловых приращений мотив памяти, невозможности забвения, неизбежности возврата к прошлому, его фактам, их осмыслению.

Речевой компонент базисного времени маркирован глаголами прошедшего времени НСВ с повторяющимся неограниченно-кратным значением (*пили, дарили* как обычно, часто, всегда), изображающими происходящее в режиме актуального времени, а также глаголами прошедшего времени СВ со значением единичного факта, конкретно-фактическим (*вспомнили* — до РСФЕ, *посмотрели* — после РСФЕ), реализующими грамматическую связь речевого компонента базисного времени. Два предложения, образующие РСФЕ, связаны имплицированной причинно-следственной связью, носящей и элементы временной последовательности, их можно на основе смысловой связи трансформировать и объединить таким образом: *Когда (потому что) Нина Ивановна уехала в Москву, ее дочь Инна заболела...* Примечательно отсутствие лексемы *умерла*, она заменяется высказыванием *Нина Ивановна всегда носила с собой ее фотографию — в гробу*, что также подчеркивает и имплицитно мотив памяти–вечности.

Повествование о встрече с Ниной Ивановной останавливается для обращения к эпизоду из прошлого персонажа. При этом ИРСФЕ передает информацию, помогающую составить представление о жизни домашнего врача семьи героя-нарратора, о судьбе ее семьи. Однако данная информация также помещается в контекст социокультурной ситуации послевоенной России. С одной стороны, вводится информация, характеризующая Нину Ивановну как хорошего врача и мать (*Нине Ивановне его дарили бывшие пациенты, что-то решать с бывшим мужем, всегда носила с собой ее фотографию*), с другой

стороны, вводится также и характеристика социокультурной ситуации в послевоенном Советском союзе (дефицит пенициллина, что приводило к смерти в экстренных ситуациях). Судьба Нины Ивановны, ее семьи, как и судьбы всех персонажей текста, вписываются, таким образом, в историко-культурный контекст, тем самым в ИРСФЕ вводятся разные типы памяти — личная и историко-культурная; особенности языкового оформления СФЕ на уровне грамматики глагольных форм, лексики с ее смысловыми приращениями, а также специфика речевой композиции приводят к концептуализации ретроспективной ситуации на содержательно-концептуальном и подтекстовом уровнях, актуализации мотива памяти, невозможности забвения прошлого.

2.2.2. Неинтегрированные РСФЕ и их анализ в дискурсе А. Чудакова

Неинтегрированные РСФЕ (далее — НИРСФЕ) абзацно вычленены, их существование в тексте автономизируется от базисного времени либо прерыванием временного континуума скачком влево — погружением в воспоминание, либо сменой темы в ретроспективном времени в случае их включенности в объемные ретроспективные фрагменты текста — ретроспективные эпизоды. Признаки базисного времени в них отсутствуют, оно не образует рамки вокруг НИРСФЕ, стимул к их реализации выведен в линейный речевой континуум, находится за пределами РСФЕ, на языковом уровне они отличаются наличием детерминантов ретроспекции, погружения в прошлое, особыми формами употребления глаголов, наличием прецедентных феноменов из историко-культурного прошлого и др. лексико-семантических маркеров.

Обратимся к анализу первого фрагмента, который продолжает тему *дед, его сила и выносливость*, начало ее развития положено зачином в СФЕ с интегрированным в него РСФЕ (см. пример (1) в предыдущем параграфе).

В НИРСФЕ, к анализу которого мы обратимся ниже, рассказчик обосновывает силу деда его происхождением. Дед был из семьи священнослужителей в нескольких поколениях. В круг священнослужителей исторически отбирались люди высокого роста и недюжинной силы. Поскольку стимул к введению НИРСФЕ находится за его пределами, считаем необходимым сначала ввести текстовый фрагмент, содержащий стимул к ретроспекции, реализуемой НИРСФЕ, а затем — непосредственно НИРСФЕ. В приведенных ниже примерах стимул находится в речевых компонентах с базисным временем.

1) . Речевой фрагмент с базисным временем, содержащий стимул к последующей ретроспекции (стимул выделен подчеркиванием):

Дед, ну Переплеткин — кузнец. А в тебе откуда было столько силы?

— *Видишь ли. Я — из семьи священников, потомственных, до Петра Первого, а то и дальше.*

— *Ну и что?*

— *А то, что — как сказал бы твой Дарвин — искусственный отбор.*
НИРСФЕ:

При приеме в духовную семинарию существовало негласное правило: слабых, малорослых не принимать. / Мальчиков привозили отцы — смотрели и на отцов. / Те, кому предстояло нести людям слово Божие, должны быть красивые, высокие, сильные люди. / К тому ж у них чаще бывает бас или баритон — тоже момент немаловажный. / Отбирали таких. / И — тысячу лет, со времен святого Владимира (Чудаков 2014: 10).

Данное НИРСФЕ состоит из шести предложений, объединённых вышеуказанной темой. Связь темы обеспечивается лексико-грамматическими средствами, среди которых можно выделить слова, обозначающие физический портрет человека (*слабые, малорослые*, которых не принимать; *высокие, сильные, красивые* — которые принимались в священнослужители; понятия, связанные с духовной сферой (*духовная семинария, слово Божие, святой Владимир*), а также местоимения замены (*у них, таких*). В НИРСФЕ также используются синтаксико-грамматические средства связи, включающие союзы

(и, к тому же), и следующие формы глаголов: прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным значением (*привозили, смотрели, предстояло, отбирали*), императивного глагола с отрицанием, подчеркивающим наличие вечного негласного правила (*не принимать*), связочного глагола *быть* в настоящем времени (*бывает*) в составе именного предиката-сказуемого, подчеркивающего физиологический факт в составе посессивной конструкции и обеспечивающего важность постоянного признака лица (*у них чаще бывает бас или баритон — у рослых людей, что важно для сана священнослужителя*). Употребление форм глаголов подчеркивает описательно-обобщающий, констатирующий характер НИРСФЕ описательно-характеризующего типа. При этом предложения НИРСФЕ связываются двумя видами связи: они автосемантически и синсемантически. Первые два предложения НИРСФЕ представляют собой равноправные предложения, связанные параллельной связью. Остальные предложения РСФЕ связаны друг с другом, отражая логическое, последовательное развитие мысли, вневременного факта (но не событий во времени).

Границы приведенного НИРСФЕ совпадают с границами абзаца. При этом в единстве отсутствуют признаки базисного времени, что говорит о том, что его тема развивается в рамках ретроспективного плана. Верхняя граница рассматриваемого РСФЕ совпадает с точкой разрыва временного континуума скачком влево от базисного времени. Стимул к введению ретроспекции — *сила деда и искусственный отбор* — лежит за пределами единства, в диалогическом компоненте, относимом к базисному времени: *Дед, ну Переплеткин — кузнец. А в тебе откуда было столько силы? — Видишь ли. Я — из семьи священников, потомственных, до Петра Первого, а то и дальше. — Ну и что? А то, что — как сказал бы твой Дарвин — искусственный отбор.*

НИРСФЕ актуализирует историко-культурный тип памяти — память о традициях, связанных с правилами отбора священнослужителей, сложившихся со времен святого Владимира. Характеристика деда вписывается в историко-культурный контекст: дед нарратора был силен, потому что

происходил из семьи священников, в ряды которых издревле отбирали только самых выносливых и сильных. Через факты, связанные с определенной социокультурной ситуацией, раскрывается тема «силы и выносливости деда», заданная в начале романа (см. пример (1) НИРСФЕ). Таким образом, ретроспективная информация имеет не только содержательно-фактуальный характер, но и содержательно-концептуальный, отражая понимание автором отношений между личностью и жизнью народа, актуализируя историко-культурную память, подчеркивая связь с традицией и ее вечными смыслами.

Отметим, что в анализируемом НИРСФЕ прослеживаются и интертекстуальные связи текста А. Чудакова: у И.А. Бунина в рассказе «Чистый понедельник» введен образ дьяконов, поющих на клиросе, и все они — как Пересвет и Ослябя.

2) Речевой фрагмент в пределах базисного времени, содержащий стимул к последующей ретроспекции (стимул выделен подчеркиванием):

...Вечер встречи не удался. Приглашенная актриса Ладынина, выглядевшая так же, как в фильме «Трактористы», рассказывала о своих ролях, иллюстрируя их фрагментами из фильмов. Хлопали ей в основном первые ряды, где сидели довоенные и первые послевоенные выпускники.

Зажгли свет. В фойе уже спорили.

— И Ладынина, и Орлова — одного поля ягода!

— Не скажите. Орлова — да, чистый Голливуд, а Ладынина — совсем другое, я бы в первые имперские актрисы выбрал именно её, потому что она ярко русская. Помните пырьевские «В шесть часов вечера после войны»?

НИРСФЕ:

Антон помнил этот фильм, на который его взял с собою отец, не сам фильм, а два- три кадра из него: солдаты в маскхалатах на лыжах и салют над Москвой — потом говорили, что Сталин ввёл салюты, посмотрев эту картину. И ещё помнил он, как отец, когда на мосту появились два друга и девушка, та самая Ладынина, зашептал: «Большой Каменный мост... Дом

Пашкова. А там, дальше был храм Христа Спасителя...» И, сняв очки, стал протирать их платком (Чудаков 2014: 409).

В точке базисного времени уже взрослые выпускники, однокурсники героя-рассказчика Антона, на вечере встречи в Москве совместно просматривают фрагменты фильмов с участием актрисы Ладыной, которая была приглашена на вечер. Временной континуум разрывается скачком влево от базисного времени благодаря введению стимула. В основе НИРСФЕ лежит ассоциативно возникшее воспоминание о просмотре Антоном в детстве вместе с отцом фильма Ивана Пырьева «В шесть часов вечера после войны». Название фильма в повествовании, введенное в пределах базисного времени, становится стимулом к воспоминанию и введению НИРСФЕ. При этом границы НИРСФЕ совпадают с границами абзаца.

Скачок влево от точки базисного времени маркирован глаголом с семантикой воспоминания — *помнил* в прошедшем времени НСВ в неограниченно-кратном значении (*Антон помнил этот фильм — всегда, вечно*), т.е. на лексико-семантическом и грамматическом уровнях. Стимул к воспоминанию включен в линейный речевой континуум (содержит апелляцию к прецедентному имени — *Помните пырьевские «В шесть часов вечера после войны»?*), что подчеркнуто глаголом *помните* в настоящем времени НСВ (редкая форма НВ для дискурса А. Чудакова). Единство темы ведет лексико-тематическая группа «просмотр фильма» (*фильм, кадр, картина*), синсемантические элементы (*и еще, и*). Предложения анализируемого НИРСФЕ синсемантически, т.е. они связываются в единство посредством цепной связи.

Повествование о вечере встречи выпускников останавливается для обращения к эпизоду из памяти героя-нарратора. НИРСФЕ помогает читателю выстроить более полное представление об отце Антона, его судьбе и взглядах, вписывая его судьбу и судьбу его семьи в социокультурную ситуацию прошлого России. В нем актуализируются два типа памяти — личной и историко-культурной, что, как мы видим, характерно для дискурса А. Чудакова. Личная память (или эпизодическая — в другой терминологии, которая здесь

семантизируется и теряет границы времени) ассоциативно связана с судьбой отца Антона, вынужденного вместе с семьей в 30-х годах покинуть Москву и укрываться в Чебачинске от возможного ареста в период сталинских репрессий. Антон наблюдает за тем, что вспоминает отец, глядя на то, что видит на экране (удвоенная ретроспекция): «*Большой Каменный мост... Дом Пашкова. А там, дальше был храм Христа Спасителя...*» — обрывочные фразы отца, связанные с его прежней жизнью в Москве, и эти фразы Антон запомнил на всю жизнь. Личная память, таким образом, совмещается с историко-культурной, актуализируя ситуацию времени 30-х годов — периода сталинских репрессий, а также более ранние и поздние пласты времени — уничтожение храмов после революции, события Великой Отечественной войны, дни Победы, что происходит посредством введения прецедентных имен: *фильм И. Пырьева, поставленный в 1944 году, в главной роли — М. Ладынина; Сталин; солдаты в маскхалатах, салют в Москве — время войны, победы; дом Пашкова, Храм Христа Спасителя, который был — а теперь уничтожен, в 1931 г.* Эти события подвергаются оценке уже зрелого нарратора, всплывают в его личной памяти, актуализируя в тексте содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию. Ключевую позицию в НИРСФЕ занимают прецедентные феномены и их атрибуты, глагол памяти в прошедшем времени НСВ с обобщающим, непреходящим постоянно-непрерывным значением (*помнил*), глагол *был* в прошедшем времени, который, в силу его семантики, в сочетании с прецедентным именем *Храм Христа Спасителя* придает информации ретроспективного фрагмента не только содержательно-фактуальный, но и содержательно-концептуальный характер, личная память связывается с социокультурной ситуацией и ее оценкой (уничтожение храмов после революции), содержательно-подтекстовой информацией. На содержательно-подтекстовом уровне имплицирован мотив памяти, который ведется повтором глагола *помнить* с его вечными смыслами и прецедентными именами. Выделенность РСФЕ, в котором доминирует описание ситуации из прошлого, имплицитующей судьбу отца, его обращенность к прошлому,

которое незабываемо для рассказчика и не имеет временных границ, вписывается в рамки вечного, что подчеркнуто использованием глаголов прошедшего времени НСВ с неограниченно-кратным значением (*помнил, говорили, появились*, исключение составляет глагол прошедшего времени СВ с единичным конкретно-фактическим значением — *защептал*, подчеркивающий сам факт поведения отца в момент его личных, ассоциативно всплывающих воспоминаний и вводящим элемент повествования в описательный фрагмент).

3) Речевой фрагмент в пределах базисного времени, содержащий стимул к последующей ретроспекции (стимул выделен подчеркиванием):

У Банной Горки понуро стояла серая лошадь, без уздечки, непривязанная. Рядом курил мужик.

— *Твоя, что ли?*

— *Ну.*

— *А неподкованная почему?*

— *Банная. Больная. Забивать надо, а на бойне не берут.*

— *Что ж будешь делать?*

— *А пускай стоит. Можя, сама околеет. Два раза уже выгонял с конного двора — приходит обратно. Двадцать девять лет коню.*

Куда уж.

НИРСФЕ:

Двадцать девять! Именно столько лет было Мальчику, главной и единственной тяговой силе кооператива «Буденновец», организованного семью преподавателями Чебачинского, горно-металлургического техникума в сорок втором году, когда им полгода не выдавали жалованья и они только расписывались, что добровольно перечисляют его в фонд обороны.

Название придумал парторг Исаканов:

— *Так будет политически грамотно. Никого не удивит. И намек на коня (Чудаков 2014: 95).*

В точке базисного времени герой-нарратор встречает своего земляка, между ними завязывается короткий разговор о коне Чебачинска. Возраст коня (*двадцать девять лет коню*), который упоминает земляк Антона, становится стимулом к введению ретроспекции, реализующейся в НИРСФЕ. В нем отсутствуют признаки базисного времени. Верхней границей введения НИРСФЕ становится числительное — *двадцать девять*, соответствующее возрасту *серой, непривязанной лошади мужика и Мальчику, главной и единственной тяговой силе кооператива «Буденновец» (из прошлого)*. Стимул к ассоциативно возникшему воспоминанию о коне Мальчике и кооперативе «Буденновец» лежит за пределами РСФЕ, в линейном речевом континууме.

В основе анализируемой цепочки предложений, образующих НИРСФЕ описательного характера, лежит единая тема — *кооператив «Буденновец»*, которая обеспечивает семантическое единство цепочки. Связь темы обеспечивается следующими лексико-грамматическими средствами: тематической лексикой — советизмами, обозначающими понятия, связанные со сферой государственного сектора советского времени (*кооператив, техникум, фонд обороны, парторг*) и синсемантическими элементами (*именно, и*). НИРСФЕ маркировано глаголами прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным значением, подчеркивающим длительность факта в условиях социокультурной ситуации (*жалованья не выдавали, расписывались*), связочным глаголом *быть* в форме прошедшего времени НСВ *было* в possessивной конструкции, глаголом прошедшего времени СВ с конкретно-фактическим, однократным значением (*придумал*), передающим сам факт интеллектуальной деятельности. Для анализируемого НИРСФЕ свойственна цепная связь предложений.

В данном НИРСФЕ актуализируется два типа памяти — личная и историко-культурная. Личная память связана с Чебачинском и его жителями (*столько лет было Мальчику <...> силе кооператива «Буденновец», организованного семью преподавателями Чебачинского горно-металлургического техникума*). Герой-нарратор вспоминает социумную

прецедентную ситуацию, что организовали этот кооператив в 1942 году — во время войны, так как денег преподавателям техникума тогда не платили. В НИРСФЕ характеризуется, вместе с тем, историко-культурная ситуация времени Великой Отечественной войны, когда за работу преподавателям не платили, так как все средства уходили на оборону страны. Таким образом, личная память вновь сочетается с историко-культурной, судьба жителей Чебачинска вписывается в историко-культурный контекст, вводя в НИРСФЕ как содержательно-фактуальную информацию, так и другие виды информации — содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую за счет смысловых приращений прецедентных феноменов.

2.2.3. Анализ сложных ретроспективных сверхфразовых единств в дискурсе А. Чудакова

Сложные ретроспективные СФЕ (далее — СРСФЕ) в дискурсе А. Чудакова, как показывает материал исследования, имеют свою специфику. Они могут как интегрироваться в базисный контекст (входить в состав СФЕ с усложненным хронотопом и образовывать сложные интегрированные ретроспективные СФЕ, далее — СИРСФЕ), так и автономизироваться (выступить в роли сложных неинтегрированных ретроспективных сверхфразовых единств, далее — СНИРСФЕ). В том и другом случаях ретроспективный фрагмент представлен не одним, а либо несколькими простыми РСФЕ (далее — ПРСФЕ), либо ПРСФЕ и автосемантическими предложениями, образующими СРСФЕ интегрированного или неинтегрированного типа. Речевые компоненты таких единств объединены общей темой/макротемой и реализуют ее в разных аспектах (микротемах). В основе объединения в одно ретроспективное единство, так же как и в целое СФЕ с усложненным хронотопом, лежит «семантическая спаянность» (Чэнь Цзэ 2003: 73). При этом «тематическая прогрессия» может развиваться линейно (контактный тип связи), может прерываться и дополняться параллельно

периферийными макротемами (дистантный тип связи), связанными с макротемой всего единства в целом.

Далее обратимся к анализу СРСФЕ-в интегрированного типа (СИРСФЕ), встроенного в базисное время; анализ СИРСФЕ будет представлен в следующем подразделе данной главы, посвященном исследованию РСФЕ в аспекте ФСТР.

Первое анализируемое СИРСФЕ объединено автором в один абзац, в его основе лежит единая макротема — *«предсмертное письмо Иосифа Львовича»*, самого младшего брата дедушки рассказчика, раскрываемая в макротемах *«просьба о письме бабушки рассказчика»*, *«стремление рассказчика выполнить эту просьбу»*, *«трагическая судьба Иосифа Львовича»*, *«судьба арестованного студента Мирона»*, *«судьба брата отца Василия, пребывающего на Колыме»*. Анализируемый фрагмент отмечен также усложненностью хронотопа, наличием элементов базисного и ретроспективного времени, т.е. имеет черты СРСФЕ интегрированного типа.

1)

(1) В числе прочего Антон собирался выполнить просьбу бабки, связанную с предсмертным письмом Иосифа Львовича, самого младшего из братьев Саввиных. / (2) Он, как и все они, кроме Антонова деда, был священник, посадили его в тридцать первом или втором году, «когда арестовывали всех священников». (3) Вскоре он умер в харьковской тюрьме от дизентерии. / (4) Выдавая тело бабке, следовательно передал ей и его письмо — «чего я делать бы не должен, но поражён силой духа вашего попа». (5) Письмо баба иногда перечитывала и всегда плакала. (6) Когда арестовали знакомого семьи студента Мирона за связи с бендеровцами, в доме в ожидании обыска вместе с фотографиями отца с Мироном у памятника Яну Собескому и отца с братом Василием, пребывающим на Колыме уже десятый год, сожгли и это письмо. / (7) Несмотря на перечитыванья, баба его содержание помнила

плохо, о чём горевала. (8) И просила Антона спросить у о. Павла — он должен помнить (Чудаков 2014: 446).

Макротема развивается в пределах базисного и ретроспективного времени, базисные речевые компоненты обрамляют СИРСФЕ (1), (7, 8). Вкрапливаются в него (6). Верхняя граница СИРСФЕ отмечена скачком влево от точки базисного времени (*он, как и все они, кроме Антонова деда, был священник, посадили его в тридцать первом... — погружение в прошлое*). При этом стимул к темпоральному скачку — предсмертное письмо Иосифа Львовича, самого младшего из братьев Саввиных — помещается в речевой компонент с базисным временем (*В числе прочего Антон собирался выполнить просьбу бабушки, связанную с предсмертным письмом Иосифа Львовича...*).

Темпоральный скачок помещает цепочку предложений в рамки прошлого по отношению к базисному времени, однако в ретроспективном фрагменте могут быть выделены несколько микротем. Первая микротема — это судьба Иосифа Львовича. Ей посвящен повествовательный фрагмент текста (с элементами описания — *был священник*) — предложения (2) и (3), в то время как (4), (5), (6), (7), (8) предложения связываются с предложением (1) макротемой «письмо самого младшего из братьев Саввиных». Рассказ о письме охватывает как базисное, так и ретроспективное время, в ретроспективном фрагменте выделяются, помимо первой микротемы, еще несколько микротем, представленных выше (судьба Мирона, судьба Василия, история утраты письма). Перед нами сложное СИРСФЕ, состоящее из двух ПСФЕ — «история письма брата деда, переплетенная с судьбами других людей» и «судьба брата деда», образующих семантическое целое благодаря наличию лексических и грамматических средств связи и развивающих единую макротему, соотносящуюся со стимулом — *письмо самого младшего из братьев Саввиных*.

Прогрессирующее развитие макротемы обеспечивается лексическим повтором: лексемы *письмо*, имени собственного *Иосиф Львович*, его родового заместителя *брат*, а также такими лексическими средствами связи в СИРСФЕ как тематическая лексика (слова, обозначающие предметы и понятия, связанные

с темой ареста и сталинских репрессий, объединяющие судьбы ряда персонажей фрагмента — Иосифа Львовича, другого брата деда Василия, студента Мирона): *тюрьма, следователь, обыск, посадили, арестовывали*, прецедентное имя *Колыма*; введением лексико-тематической группы «смерть» (*умер, тело — выдавали тело*), местоимениями замены (Иосиф Львович — *он*, письмо — *оно*) и синсемантическими элементами (союзами: *и*; наречиями: *вскоре*). Отметим, что ПРСФЕ повествовательного типа, объединенное микротемой судьбы Иосифа Львовича, маркировано глаголами прошедшего времени СВ в конкретно-фактическом значении (*посадили, умер, передал*), передающими последовательность и завершенность, необратимость событий; глаголом прошедшего времени НСВ с конкретно-процессным значением (*арестовывал*), подчеркивающим длительность и трагическую переживаемость этого события, а также глаголом *быть* в форме прошедшего времени НСВ (*был*) в составе именного сказуемого (*был священник*), подчеркивающим постоянный признак субъекта — его принадлежность к сану. ПРСФЕ описательного типа, объединенное микротемой «письмо Иосифа Львовича», маркировано в основном глаголами прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным значением (*собирался, перечитывала, плакала, арестовывали, помнила, горевала, просила*), соотносимыми с разными субъектами действия, что подчеркивает, во-первых, длительность поиска письма, во-вторых, участие в восстановлении его содержания целой группы персонажей, в-третьих — его непреходящее значение: ПАМЯТЬ о брате, которая уже стала уходить в прошлое (*баба его содержание помнила плохо*), но, по мнению автора, не должна подлежать забвению (*И просила Антона спросить у о. Павла — он должен помнить*), что придает всему высказыванию, ключевым словом которого является глагол *помнить*, повторенный несколько раз, вневременной характер и вводит мотив памяти на содержательно-концептуальном уровне. В таком случае, что характерно для дискурса А. Чудакова, личная, эпизодическая, память трансформируется в семантическую, связывается с историко-культурной памятью. Благодаря

последней уточняется ситуация, сложившееся в 30-40-х годах XX века — антицерковная правительственная программа, арест священников, обыски и допросы, привлечение к уголовной ответственности, приговоры к тюремному заключению, ужасающие условия тюремного заключения, высокая смертность, лагеря. Прецедентная ситуация актуализируется посредством включения прецедентных имен: бендеровцы — бандеровцы, украинские националисты; памятник Яну Собескому — памятник королю-воину в Варшаве; Колыма — исправительно-трудовые лагеря для репрессированных.

Отметим также, что введенная в СИРСФЕ характеристика персонажа — младшего брата деда, священника Иосифа Львовича (*был священник, «поражен силой духа вашего попа»*) — перекликается с темой силы и выносливости деда, тоже, как мы помним, из рода священнослужителей, таким образом, подчеркивается отрицательная оценка событий 30-х годов — времени сталинских репрессий, уничтожающих лучшую часть населения страны перед началом войны (аналогична история со вторым братом отца — священником Василием, отбывающим срок на Колыме, описанная в этом же СИРСФЕ). Причем, данная информация перекликается с фрагментом зачина всего текста, ведущим тему *сила и выносливость деда Антона* (см. ИРСФЕ (1), а также НИРСФЕ (1), подчеркивающим, что все священнослужители были люди недюжинной силы и что это был искусственный отбор, искони осуществляемый государством.

Постоянное ретроспективное возвращение к одной из ведущих тем текста, проводящих лейтмотивную линию памяти, обыгрывание ее в различных жизненных ситуациях, связанных с судьбой целого ряда персонажей, позволяет сделать еще один важный вывод, характеризующий специфику дискурса А. Чудакова: посредством продвижения одной темы в ретроспекции через определенные интервалы текста проявляется и его связность, а также законченность, цельность, несмотря на наличие множества персонажей (реальных), их судеб (часто данных, как мы видим, в переплетении).

2)

(1) Все оказалось на месте. (2) В банщиках состоял тот же Петрович, брат банщицы Петровны, которая иногда его в мужском отделении заменяла, и мужики неизменно острили: «А Петрович теперь у баб?» (3) Был он человек добрый. (4) Инвалидам всегда помогал дойти до места, приносил полный таз; иногда на лавке получалось четыре ноги на троих. (5) Деликатность его доходила до забвенья профессионального долга, это было странно, а может, и нет, потому что в банщиках он ходил давно — ещё в Потье семь лет мыл эков. / (6) Однажды в моечной появился пожилой казах с какою-то кожной болезнью, Антон в ужасе отсел на дальнюю скамейку. (7) По инструкции банщик должен был его не пустить. (8) Но Петрович, только когда казах уже одевался, подошёл и, смущаясь, сказал: «Вы бы, дедушка, сходили в кожный диспансер, что у озера». / (9) Казахов в бане Антон видел редко, говорили, что они вообще не моются, только меняют бельё. (10) Мама считала, что это наветы: возле лошадей, овец они все давно поголовно были бы в чесотке или ещё в чём похуже. (11) Но дед говорил, что бедуины в Сахаре тоже не моются, мытьё им заменяют струйки песка, попадающие под просторный бурнус и свободно высыпаящиеся обратно./

(12) Голова и борода Петровича по-прежнему вороно чернели; был это огромный мужик, Антон страшно завидовал тому, что он держал в пальцах одной руки таз с водою как какую-нибудь миску (Чудаков 2014: 91).

Перед нами СФЕ с усложненным хронотопом, макротема которого — банщик Петрович, в него интегрировано СРСФЕ, состоящее из двух ПСФЕ, объединенных темой деликатность Петровича. Временной континуум разрывается скачком влево, стимул к которому — фраза «Деликатность его доходила до забвенья профессионального долга...» — содержится в компоненте с базисным временем. Временной скачок маркируется детерминатом однажды, погружающим в прошлое. Границей возврата к базисному времени становится фраза «Голова и борода Петровича

по-прежнему вороно чернели», включающая наречие *по-прежнему*. Таким образом, СИРСФЕ обрамляется рамкой с базисным временем.

В основе возникшего в результате темпорального скачка СИРСФЕ — ассоциативно возникшее воспоминание о случае, произошедшем *однажды* в моечной с больным казахом, и, одновременно, служащим доказательством деликатности банщика Петровича, а также обсуждение данной ситуации разными персонажами. СИРСФЕ состоит из двух простых речевых компонентов, первый из них, носящий повествовательный характер, имеет микротему *случай в моечной с больным казахом*, которая объединяет предложения (6), (7), (8). Предложения (9), (10), (11) образуют отдельный речевой сверхфразовый блок описательного типа (9), (11) или типа *рассуждение* (10), тема которого — обсуждение чистоплотности казахов разными персонажами, свидетелями событий времени, этот блок образует ПРСФЕ и маркирован акциональными глаголами речевого и ментального действия (*говорили, говорил, считала*) прошедшего времени НСВ с конкретно-процессным (*говорил*) и постоянно-непрерывным (*говорили, считала*) значениями, вводящими точку зрения субъектов восприятия, что и позволяет выделить данное единство в составе сложного.

Единство макротемы, раскрывающей внутренние и внешние достоинства банщика Петровича, обеспечивается лексико-грамматическими связями — тематической лексикой (лексемы, обозначающие слова и понятия, связанные с темой «баня»: *банщик, банщица, таз, лавка, моются, моечная, мытье, баня*), повтором имени собственного с номинацией профессии персонажа — банщик Петрович, лексемами его характеристики как деликатного человека (*добрый, деликатность, смущаясь*), портретной лексикой (*голова и борода вороно чернели, огромный*); местоимениями замены (*он, это, они*); синтаксико-грамматическими средствами — союз *но*, детерминант *однажды*. Речевые компоненты базисного времени в СФЕ с усложненной структурой и хронотопом — предложения (1), (2), (3), (4), (5), а также (12), образующие рамку и раскрывающие неизменные уникальные черты характера и внешности

Петровича, образ которого ассоциативно связан с образами русских былинных богатырей по их силе, выносливости, самопожертвованию, широте души, — маркированы в основном ключевыми глаголами прошедшего времени НСВ, имплицитными вечными смыслами и вневременной характер выказывания-описания (*состоял, был добрый, всегда помогал, приносил, получалось, доходила до забвения, ходил, мыл*). Речевые компоненты ПРСФЕ связаны с характером раскрытия информации, в первом из них повествуется о единичном случае с казаком в бане и проявлении деликатности Петровича по отношению к нему, во втором — обсуждение вопроса о чистоплотности казахов, что и определяет доминирование в них тех или иных глагольных форм. В первом ПРСФЕ повествовательного типа (предложения 6, 7, 8) доминируют глаголы прошедшего времени СВ, передающие единичные действия в их последовательности (*появился, отсел, подошел, сказал*). Во втором ПРСФЕ с элементами описания или рассуждения (предложения 9, 10, 11) в составе СИРСФЕ — глаголы прошедшего времени НСВ (*видел, говорили, считала, говорил*), вводящие различные мнения, которые не связаны с временными рамками.

Как и во фрагментах, проанализированных ранее, в целостном СФЕ, с включенным в него СИРСФЕ, актуализируются разные типы памяти — личная и историко-культурная, а также разные типы информации — содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая. В единстве введена характеристика персонажа и его идентификация, его портрет (*в банщиках состоял тот же Петрович, брат банщицы Петровны, был он добрый человек, деликатность доходила до забвенья профессионального долга, голова и борода Петровича по-прежнему вороно чернели, огромный человек; смущаясь, сказал*). Банщик Петрович был человеком сильным (*Антон страшно завидовал тому, что он держал в пальцах таз с водою как какую-нибудь миску*), но вместе с тем мягким и деликатным (*банщик должен был не пустить, только когда казах уже одевался, подошел и, смущаясь, сказал...*). В данном единстве имплицитована текстовая гипертема памяти, связанная

с идеей восхищения личностью необыкновенного, но совершенно простого человека, невозможности утраты памяти о таких людях, не случайно образ банщика Петровича ассоциируется с образами русских былинных богатырей, связывается с русской традицией, фольклорными образами, хромотопически расширяя рамки повествования. Жизнь банщика помещается и в историко-культурный контекст (еще в *Потьме* семь лет мыл зэков), что происходит с помощью включения прецедентного имени *Потьма* — в 30-х годах XX века пересыльный пункт ГУЛАГа. Вместе с тем, в СИРСФЕ расширяется и сама тема «баня», поднятая в других РСФЕ (см. выше), за счет раскрытия особенностей характера и силы людей, связанных с профессией банщика, что подчеркивает интертекстуальные связи данного фрагмента текста, ассоциативно связываемого читательским восприятием с произведениями В. Гиляровского «Москва и москвичи», И. Шмелева «Лето Господне» как пратекстами.

3)

(1) Утром гуляли у Сопки, потом Валя вдруг решила пойти к Тихой Глаше. (2) Глаша была гадалка, но не любительница, как бабка, а профессионалка. /(3) У нее когда-то был муж. (4) Карты показали, что у него большая неприятность от трефового короля, в связи с чем предстоит дальняя дорога, а дальше вообще — выпадал туз пик. (5) Глаша умоляла его уехать к брату в Минск, он не захотел, через месяц его выслали на Север как подкулачника, без семьи (кулаков высылали подчистую — включая грудных детей), по дороге он помер. /(6) Через два месяца от дифтерита умерли обе дочери Глаши; это тоже предсказали карты. /(7) С тех пор она нигде не работала, никуда не ходила, сидела дома и гадала — не только на картах; на свечке, капая с нее стеарином в холодную воду («ярый воск топили») и застывшие узорные пластинки потом держа перед лампой — на что похожа тень (силуэт собаки — вас ждет новый друг, птички — жизнь без хлопот, змеи — опутает сплетня, наговор); на бобах, раскладывая их неровными кучками или рассыпая и рассматривая их расположение;

на кофейной — из желудевого кофе — гуще. (8) Иногда, раскинув карты, вдруг их смешивала и говорила: не показывают ничего. (9) Но все уже знали, что это значит; Глаша не ошиблась ни разу. (10) Таксы не существовало — кто что принесет, а если не приносили, по дням не ела, сидела, гладила сибирского кота Турксиба; на речистых шумных гадалок Глаша не походила, была тихоня и бледнавка (Чудакова 2014: 182).

Перед нами СФЕ с усложненным хронотопом, в которое интегрировано СРСФЕ, образуемое предложениями (3), (4), (5), (6). СИРСФЕ обрамляется речевыми фрагментами с базисным временем (предложения 1,2 — верхняя граница; 7 — начало нижней границы). СФЕ построено по принципу цепной связи, его предложения преимущественно выстраиваются в единую тематическую цепочку. Тема СИРСФЕ развивается в пределах ретроспективного времени и объединяет ПРСФЕ и автосемантическое предложение. ПРСФЕ содержит предложения (3), (4), (5), связанные микротемой *судьба мужа Глаши, его смерть в ссылке*. Второй компонент РСФЕ представлен предложением (7), тема которого — *смерть дочерей Даши от дифтерии*. Оба речевых компонента СИРСФЕ, а также все СФЕ с его ретроспективным и базисным планом, объединены макротемой *тихая гадалка Глаша*.

Единство макротемы обеспечивается следующими средствами: лексическими — тематическая лексика (*лексемы, связанные с темой семьи — муж, брат, семья, дочери*); лексемы, связанные с темой гадания (*гадалка, предсказали карты, трефовый король, туз пик, гадала на свечке, на бобах, на кофейной гуще*); местоимения замены (*у нее, у него, его, он, она, их, это*); синтаксико-грамматические средства (союз *но*, детерминанты — *через два месяца, с тех пор, иногда*). ПРСФЕ, объединенное микротемой *муж Глаши*, маркировано в основном глаголами прошедшего времени СВ с конкретно-фактическим значением, выражающими единичность, завершенность и осмысленность событий, их последовательность (*показали, не захотел, выслали, помер, умерли, предсказали*) и включены в речевой фрагмент

с доминированием повествования. Однако отметим, что в данное ПРСФЕ также входят глаголы прошедшего времени НСВ с конкретно-процессным (*умоляла*) и постоянно-непрерывным значением (*высылали*), которые передают постоянные признаки сложившейся ситуации, ее предвидение гадалкой Глашей и трагический процесс ссылки. Данное ПРСФЕ также содержит глагол *выпадать* (*выпадал туз*) в форме прошедшего времени НСВ с неограниченно-кратным значением, который подчеркивает неизбежность трагической судьбы мужа, ее предвидение гадалкой Дашей. Акциональные глаголы в обрамляющих фрагментах с базисным временем, их семантика, обусловленная семантикой детерминантов, и грамматические признаки (НСВ прошедшего времени — *нигде не работала, никуда не ходила, сидела дома и гадала, по дням не ела, сидела, гладила сибирского кота Турксиба*) характеризуют потерю смысла жизни (она стала механической) *тихой гадалкой Глашей, бледнавкой*, в результате утраты всех своих близких — мужа и двух дочерей. Данные глаголы НСВ прошедшего времени имеют «потенциально-качественное значение», являющееся разновидностью «неограниченно-кратного» (Бондарко 1996: 119). Они обладают модальным «элементом качественной характеристики субъекта», передают «повторяемость и обычность обозначаемых действий» (Бондарко 1996: 119).

Таким образом, в анализируемое СФЕ, интегрирующее в себя СРСФЕ, вводится идентификация и характеристика тихой Глаши (*Глаша была гадалкой, профессионалкой, была тихоня и бледнавка*), а также включаются две ситуации, связанные с трагической судьбой ее близких (*по дороге он (муж) помер; от дифтерита умерли обе дочери*). При этом судьба Глаши и ее семьи вписывается в контекст ситуации времени массовых политических репрессий крестьян, когда подкулачников высылали на Север без семьи, а кулаков семьями, включая маленьких детей. В результате исторических событий в России 30-х годов, *тихая Глаша* потеряла вою семью, она живет одна, никуда не ходить, сидит дома и гадает, жизнь ее превратилась в гадание на картах, утратила смысл. Следовательно, в анализируемом микротексте, равном абзацу,

актуализируется личная память, которая связывается с социокультурной ситуацией, историко-культурной памятью, вписывая судьбу персонажа в судьбу страны, *подчеркивая трагедию личности на фоне истории*, тем самым трансформируя содержательно-фактуальную информацию в содержательно-концептуальную.

Таким образом, в результате наблюдения за особенностями построения ретроспективного плана дискурса А. Чудакова нами были выделены три типа РСФЕ: интегрированные РСФЕ (ИРСФЕ), неинтегрированные РСФЕ (НИРСФЕ), а также сложные РСФЕ интегрированного и неинтегрированного типа (СИРСФЕ, СНИРСФЕ). ИРСФЕ представляют собой СФЕ с усложненным хроном, где тема (и стимул) задается в рамках базисного времени, обрамляющего РСФЕ по принципу рамки, и развивается в пределах ретроспективного времени. НИРСФЕ являются РСФЕ, в которых отсутствуют признаки базисного времени, их тема развивается в границах ретроспективного времени, стимул находится вне его рамок. СРСФЕ образуют две разновидности — СРСФЕ интегрированного (в базисное время) и неинтегрированного типа, содержат два или более ПРСФЕ или ПСФЕ и автосемантические предложения.

Проанализированные РСФЕ трех структурно-речевых типов актуализируют не только содержательно-фактуальный, но и содержательно-концептуальный и содержательно-подтекстовый типы информации, опирающиеся на воспоминания нарратора, связанные с глобальными типами памяти — личной, социокультурной, историко-культурной. Введение прецедентных имен способствует совмещению типов памяти и актуализации ситуации времени.

Темпоральные скачки влево в РСФЕ любого типа, как правило, маркируются темпоральными детерминантами.

Для ИРСФЕ характерна рамочная модель построения в пределах развития одной темы, смена грамматических форм глагола в базисном

и ретроспективном времени (в базисном доминируют формы СВ прошедшего времени).

В дискурсе А. Чудакова смыслопорождающая роль, наряду с другими речевыми (в частности, ПФ) и языковыми компонентами текста (в частности, лексикой, ведущей тему, синсемантическими средствами связи, временными детерминантами), принадлежит глагольному виду. Наблюдение над грамматическими формами вида глаголов в различных структурно-речевых типах РСФЕ дает возможность увидеть, что типовыми «речевыми ситуациями» (термин А.В. Бондарко) для них является не характер их структуры, а «характер развития речевой ситуации в ее соотношении с внетекстовой ситуацией» (Рогова [электронный ресурс]) — их принадлежность к тому или иному ФСТР. Так, в РСФЕ (или их фрагментах) описательного типа доминируют глаголы прошедшего времени НСВ с конкретно-процессным, неограниченно-кратным или постоянно-непрерывным значением, поскольку темой данных единств является характеристика персонажа, традиции или социокультурной ситуации, и употребление частновидовых значений глагола НСВ связано с конкретизацией одной из развиваемых тем. Вместе с тем, глаголы НСВ прошедшего времени подчеркивают оценку данных событий наблюдателем-нарратором сквозь призму прошлого, придающего высказыванию непреходящее значение, вечные смыслы, способствуя реализации интенции текста. Глаголы СВ доминируют в РСФЕ повествовательного типа, рассказывающих о единичном событии-факте из жизни персонажей, их судьбах, вплетенных в историко-культурный контекст. В этом случае событиям, передаваемым глаголами СВ преимущественно в конкретно-фактическом значении, также придаются вечные смыслы, имплицитно оцениваются события повествователем. Глаголы прошедшего времени — как НСВ, так и СВ, наряду с другими лексико-грамматическими средствами в их речевом проявлении, как показывает анализ, способны вести и поддерживать основную гипертему текста, приобретающую в нем лейтмотивную направленность, — гипертему памяти, личной и историко-культурной, в связи с этим — концептуализировать содержательно-

фактуальную информацию.

Формы глагольного вида, таким образом, являются важным интерпретационным компонентом дискурса А. Чудакова, организуют его специфику, активизируют читательское восприятие. Причем, общевидовые значения глагола в дискурсе А. Чудакова, независимо от их принадлежности к Н С В или С В, в РСФЕ способствуют реализации интенции текста — возродить идеальное, которое было в прошлом и не должно подвергаться забвению. Доминирование глаголов прошедшего времени СВ в базисном времени может объясняться спецификой художественно-автобиографического дискурса подобного рода, где все повествование строится через определенный временной интервал после происходящих в реальности событий, подвергается, таким образом, авторской переоценке, художественно осваивается и излагается при участии вымышленного героя-нарратора. В подобного рода дискурсах сама точка отсчета базисного времени повествования, поддерживающего развитие событий в линейной перспективе, также соотнесена с прошлым. В таком случае можно говорить о выделении в художественно-автобиографическом дискурсе *«ближайшего прошлого»* и *«отдаленного прошлого»*. Ретроспективный план текста направлен на продуцирование *«отдаленного прошлого»*, непосредственно на воспоминания, осмысливаемые нарратором сквозь призму времени в сопоставлении (посредством введения стимула) с *«речевой ситуацией»* в точке отсчета в пределах базисного времени (с *«ближайшим прошлым»*).

Ниже мы обратимся к анализу РСФЕ в связи с их принадлежностью к тому или иному ФСТР, что позволит составить более полное представление о специфике художественно-автобиографического дискурса на материале исследуемого текста и его особенностей. ФСТР, как элементы контекстно-вариативного членения текста, присущи всем текстам, образуют их композиционно-речевое построение, но в разных их типах (стилевых, жанровых) проявляют свои характерные черты.

2.3. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств как функционально-смысловых типов речи в дискурсе А. Чудакова

В аспекте контекстно-вариативного членения, предложенного И.Р. Гальпериным, задача автора состоит в переключении форм речетворческих актов, среди которых выделяются: 1) речь автора: а) повествование, б) описание, в) рассуждение автора; 2) чужая речь: а) диалог, б) цитация; 3) несобственно-прямая речь (Гальперин 2007: 52). Ученый отмечает, что переключение одной формы выражения на другую определено намерением автора, в нем замечается стилистическая обработка материала (Гальперин 2007: 64). В тексте романа «Ложится мгла на старые ступени» категория ретроспекция репрезентируется РСФЕ, которые, в свою очередь, реализуются в определенном ФСТР — повествование, описание, рассуждение. Оформление РСФЕ тем или иным ФСТР отражает намерение автора, которое может заключаться в описании предметного или событийного мира, рассказе об определенном событии или ряде событий, передаче хода мыслей человека. При этом языковое наполнение и форма РСФЕ также детерминирована намерением говорящего.

По мнению К.А. Роговой, отбор языковых средств в рамках функционального стиля, речевого жанра и его разновидностей функционально мотивирован (Рогова: [электронный ресурс]). Однако автор подчеркивает, что «описание отобранных для того или иного типа текста языковых средств требует дополнения в виде сообщения о принципах их организации в той или иной речевой форме, где они одновременно создают и обретают речевые значения. В идеальном случае требуются модели построения речи» (Рогова: [электронный ресурс]). При этом типы речи обуславливаются различными экстралингвистическими факторами, среди которых цели и задачи говорящих в их речевой деятельности, которые определяются не только индивидуальными интенциями, а также назначением видов деятельности и сфер общения в социуме (Кожина 2002: 49).

Согласно подходу к ФСТР, предложенному К.А. Роговой, описание, повествование и рассуждение представляют собой модели, которые соотносят речевые построения с ситуациями объективной и ментальной действительности: «описание и повествование, связанные с такими параметрами действительности, как место и время, и рассуждение как логически мотивированный поиск ответа в связи с возникшей проблемной ситуацией» (Рогова: [электронный ресурс]). Данный подход предусматривает рассмотрение ФСТР как «форм превращения мысли в речь», содержащих *вступление или экспозицию* (термин К.А. Роговой), которая отражает коммуникативное намерение, замысел, выражая «первичную вербальную запись», далее разработанную и в некоторых случаях законченную выводом (Рогова: [электронный ресурс]). По мнению автора, данная *экспозиция* — первое предложение сообщения, оформленного по принципам того или иного ФСТР, определяет дальнейшее развитие сообщения — *разработку* (термин К.А. Роговой), включая отбор семантических типов предложений и их связь (Рогова: [электронный ресурс]).

При выделении семантических типов предложений К.А. Рогова опирается на классификацию, предложенную Г.А. Золотовой. В основу классификации Г.А. Золотова включает следующие характеристики предложения:

- соотнесенность предложения с планом мышления и с планом действительности;
- семантико-грамматические свойства главных компонентов;
- признаки, которые определяют место модели в отношении к центру и периферии системы (Золотова 1982: 178-179).

Ученый выделяет следующие типовые значения предложений: 1) действие субъекта; 2) состояние субъекта; 3) свойство субъекта; 4) квалификация субъекта; 5) квантификация субъекта (Золотова 1982: 179). Субъект может быть личным (например, *брат*) и предметным (*станок, волк*), а предикат — глагольным (например, *брат работает*), наречным (*брату весело*), адъективным (*брат весел*), именным (*брат за работой*)

и квантитативным (*братьев четверо*) (Золотова 1982: 179). По мнению Г.А. Золотовой, центральными являются следующие модели предложений в русском языке:

- *действие субъекта*, содержащая глагольный предикат;
 - *состояние субъекта*, содержащая наречный предикат;
 - *свойство субъекта*, содержащая адъективный предикат;
 - *квалификация субъекта*, содержащая именной предикат;
 - *квантификация субъекта*, содержащая квантитативный предикат
- (Золотова 1982: 178;179).

Г.А. Золотова также отмечает наличие у основных моделей предложения семантико-грамматических модификаций и осложнений, к которым относятся:

- грамматические модификации (по частным значениям категорий времени, модальности и лица);
- семантико-грамматические модификации (модальные, фазисные);
- экспрессивно-коммуникативные модификации;
- монопредикативные синонимические вариации;
- полупредикативные осложнения модели (Золотова 1982: 182-183).

Репрезентируя категорию ретроспекции в дискурсе А. Чудакова, РСФЕ оформляются по законам определенных ФСТР, которые представляют собой первичные речевые жанры. РСФЕ, в свою очередь, также могут быть рассмотрены как первичные речевые жанры: описание, повествование и рассуждение. Такая типологизация РСФЕ предполагает реализацию «контекстно-вариативного членения текста» (по И.Р. Гальперину).

2.3.1. Аспекты анализа ретроспективных сверхфразовых единств как функционально-смысловых типов речи

Опираясь на предложенный К. Роговой подход к рассмотрению типов речевых форм, на данном этапе работы мы обратимся к вычленению и анализу РСФЕ в связи с их реализацией в пределах определенного ФСТР. Перечислим аспекты анализа, которые будут учитываться в ходе исследования:

- тема-рематическая организация *экспозиции* — первого предложения РСФЕ;

- тема-рематическая организация предложений *разработки*, в которую входят остальные предложения цепочки;
- семантические типы предложений РСФЕ и их соответствие целеустановке ФСТР, организующего РСФЕ.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу, приведем высказывание В.И. Конькова, которое представляется значимым для настоящей работы: «В любом тексте в том или ином виде содержатся сведения о мире, в котором живет автор. Окружающий его мир отражается в тексте в языковых значениях разного типа, потому что этот мир разнообразен в своих сущностных составляющих» (Коньков 2011: 31). Мир А. Чудакова — это Россия в ее тяжелейшие годы, люди, окружающие автора, стоящего за образом героя-рассказчика. В авторском дискурсе, в силу его жанровой принадлежности, данный мир часто передается автором ретроспективно: описание портретов, пейзажей, судеб, быта, историко-культурной ситуации в стране, ее традиции, — все это подвергается осмыслению сквозь призму времени. Употребление определенного типа композиционно-речевых форм (ФСТР) способствует реализации интенции текста возродить мир автора и его окружения. Анализ РСФЕ в связи их реализацией в пределах определенного ФСТР позволит выявить и описать их типичные модели и языковые средства, раскрыть характерные признаки авторского дискурса. Наряду с семантическими моделями предложений, детерминантами РСФЕ, особенностями коммуникативного членения предложения и другими языковыми и речевыми средствами, особое внимание при анализе будет уделено употреблению видо-временных форм глагола, значимость которых в организации РСФЕ в соотношении с ФСТР уже была частично выявлена в предыдущей части главы.

2.3.2. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в соотношении с функционально-смысловым типом речи *описание*

В.И. Коньков утверждает, что описание представляет собой способ изложения содержания, подразумевающий «перечисление однородных компонентов, в своей совокупности дающих представление об описываемом объекте» (Коньков 2011: 17). Ученый приводит следующее определение О.А. Нечаевой: «описание — это функционально-смысловой тип речи, являющийся ее типизированной разновидностью как образец, модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в широком понимании и имеющий для этого определенную языковую структуру» (см. Коньков 2011: 18). Согласно мнению В.И. Конькова, в основе описания лежит «идея бытийности» — объект существует в совокупности элементов и признаков (Коньков 2011: 21). При этом эти элементы связываются перечислительными отношениями: «техника его [мыслительного процесса осмысления в описании] фиксации на письме предполагает название элементов, а их представление в виде совокупности происходит на основе перечислительных отношений» (Коньков 2011: 21).

Так же как и в случае ФСТР *повествование*, речевая форма *описание* может отражать два мира — событийный и предметный.

2.3.2.1. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в связи с их принадлежностью к разновидности *предметное описание*

Данная часть работы будет посвящена анализу РСФЕ, реализующихся в рамках композиционно-речевой формы *предметное описание*. В.И. Коньков определяет предметное описание как «речевое действие, цель которого изобразить фрагмент чувственно воспринимаемого мира путем перечисления составных частей этого фрагмента» (Коньков 2011: 34). При этом компоненты описания упорядочены на основе отношений соположения (Коньков 2011: 34).

Обратимся к анализу РСФЕ, реализующегося в рамках ФСТР *предметное описание*:

1)

Вставшие из Озера и поросшие лесом горы поражали цветовой палитрой: ближние, с зубчатым верхом, были зеленые, дальние — синие, совсем далекие — серо-голубые. В дождь тучи, как серая вата, почему-то висели над сопками длинными вертикальными клочьями. В тихие начало-июльские предвечерние часы воздух становился так прозрачен, что были видны дремлющие на воде в версте от берега чайки (Чудаков 2014: 244).

Рассматриваемое единство относится к структурному типу НИРСФЕ. Ряд предложений объединяются в единство макротемой *природа вокруг озера*. Данное НИРСФЕ является частью цепочки единств, составляющих крупный ретроспективный эпизод, объединяющийся общей темой *Озеро*. Стимулом к введению ретроспекции становится *город Миасс* и находящееся рядом с ним *Озеро Тургояк*. Данный стимул введен в базисное время за пределами ретроспективного эпизода.

Речевая форма, организующая НИРСФЕ, отражает фрагмент предметного мира с помощью перечисления его составных частей. Объектом описания становятся природа вокруг Озера. Компоненты содержания упорядочиваются на основе отношений перечисления. Основным средством описания является тематическая лексика, обозначающая элементы местности (*поросшие лесом горы, вставшие из озера сопки, берег*), природные субстанции (*дождь, тучи, вода*) цвета (*зеленые, синие, серо-голубые*), физические характеристики (*прозрачен*), птицы (*чайки*). Данные элементы создают картину природы, пейзаж *Озера*. При этом описание ведется глаголами несовершенного вида НСВ (*поражали, висели, становился*), а также глаголом *быть* в прошедшем времени НСВ (*были видны*) в составе сказуемого, передающими постоянно-непрерывное значение, подчеркивающими постоянный признак описываемого объекта. В памяти героя-нарратора место бесконечных купаний, неудачной рыбалки и самого первого сильного разочарования остается неизменным.

Актуальное членение первого предложения рассматриваемого НИРСФЕ задает дальнейшее развитие ретроспективного единства: в позиции ремы находятся детали характеристики (глагол со значением качественного состояния в сочетании с называемым объектом). Тематический компонент предложения (*вставшие из Озера и поросшие лесом горы*) позиции определяет тему всего НИРСФЕ.

Составляющие РСФЕ предложения имеют схожее типовое значение. Первое предложение представляет собой предложение, содержащее предметный субъект (*горы*) и глагольный предикат (*поражали*), субъекты (*ближние, дальние, совсем далекие*) и адъективные предикаты (*были зеленые, синие, серо-голубые*). Первое предложение *разработки* включает предметный субъект (*тучи*) и глагольный предикат (*висели*), а второе предложение *разработки* — предметный субъект (*воздух*), глагольный предикат (*становился*). Таким образом, семантические типы предложений рассматриваемого НИРСФЕ — это состояние субъекта, а также свойство субъекта. Данные семантические типы предложений отбираются для изображения пейзажа Озера, которое в сознании героя-нарратора вечно. Связь между компонентами единства параллельная, дистантная, поддерживаемая лишь общей темой, описанной фрагментарно, во всем ее многообразии.

2)

(1) В десять часов в Николаевскую залу вошли под руку Их Величество Государь Император и Государыня Императрица Александра Федоровна. (2) Государь был в мундире лейб-гвардии уланского Ее Величества Государыни Императрицы полка и в Андреевской ленте через плечо. (3) Государыня — в дивном бальном золотом туалете, отделанном панделоками из топазов. (4) У плеч Ее Величества и посреди корсажа платье украшали аграфы из крупнейших бриллиантов и жемчужин, а голову Государыни венчала диадема из того же драгоценного жемчуга и бриллиантов. (5) Еще Ее Величество тоже имела Андреевскую ленту через плечо. (6) Их Величества сопровождала гостившая тогда в столице испанская инфанта Евлалия. (7)

Она была в атласном дюшес платье, отделанном соболями, тоже в жемчуге и бриллиантах. (8) Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Мария Павловна была в бледно-розовом платье, обрамленном как бы золотым шитьем, в бриллиантовых с сапфирами диадеме и ожерелье» (Чудаков 2014: 25-26).

Рассматриваемое единство относится к структурному типу НИРСФЕ. В данном НИРСФЕ отсутствуют признаки базисного времени, так как стимул к введению ретроспекции включен в базисное время за пределами НИРСФЕ. Данным стимулом становится *Большой зимний бал во дворце*. В основе НИРСФЕ лежит рассказ бабушки про бал во дворце, который Антон помнил дословно. В единстве актуализируется личная память, связанная с судьбой бабушки, которая была воспитанницей института благородных девиц, одной из лучших учениц, что дало ей возможность посетить Большой зимний бал во дворце. При этом личная память совмещается с историко-культурной, актуализируя ситуацию времени дореволюционной царской России, когда царская семья проводила во дворцах великолепные балы, на которые надевались роскошные, расшитые золотом, бриллиантами и жемчугом туалеты, и царскую семью называли *Их Величество* (уровень речевого этикета как фоновые знания).

НИРСФЕ отражает фрагмент чувственно-воспринимаемого мира, реализуясь в пределах ФСТР *предметное описание*. Объектом описания становятся присутствующие на балу члены царской семьи и их приближенные. Компоненты описания упорядочиваются на основе отношений перечисления. Основным средством описания является тематическая лексика, обозначающая элементы одежды (*мундир лейб-гвардии уланского полка, бальный туалет, корсаж, платье*), украшения и драгоценные камни (*панделюки из топазов, аграфы из крупнейших бриллиантов и жемчужин, диадема из драгоценного жемчуга и бриллиантов, бриллиантовая диадема и ожерелье*), меха (*соболя*) и ордена (*Андреевская лента*). Описание вводится глаголами прошедшего времени НСВ (*украшали, венчала, имела, сопровождала*) и глаголом *быть*

в прошедшем времени НСВ (*был, была*) в составе сказуемого со значением постоянно-непрерывным, которое подчеркивают вневременной, вечный характер описываемого для рассказчиков, первым из которых являлась бабушка, вторым — сам герой-нарратор, знавший рассказ бабушки наизусть. Исключение составляет глагол *озиции* НИРСФЕ в форме прошедшего времени СВ с конкретно-фактическим значением (*вошли*), который передает законченное единичное действие, способствуя погружению в описываемую ситуацию.

Актуальное членение первого предложения не задает дальнейшего развития ретроспективного единства: в позиции ремы находится личный субъект (*Их Величество Государь Император и Государыня Императрица Александра*). В дальнейшем ядро высказывания составляет качественная характеристика субъекта.

Экспозиция РСФЕ содержит личный субъект (*Их Величество Государь Император и Государыня Императрица Александра*) и глагольный предикат (*вошли*). Данное предложение можно отнести к семантическому типу *действие субъекта*. К этому типу также относится предложение (6), содержащее личный субъект (*инфанта Евлалия*) и глагольный предикат (*сопровождала*). Однако остальные предложения *разработки* в основном передают типовые значения свойства и состояния субъекта, которые способствуют изображению фрагмента чувственно-воспринимаемого мира. Еще раз подчеркнем, что данное описание в сознании нарратора носит вечный характер, что подчеркивается употреблением для создания предикативных отношений глаголов прошедшего времени НСВ.

3)

Все остальное было не дома — избы. Полвека для них не возраст, а если изба ставлена на фундаменте — вообще детство. Рубили их из звонкой сибирской корабельной сосны (ее так здесь не называли, а: лес-бревенчак, избыной) (Чудаков 2014: 54).

Перед нами НИРСФЕ, микротемой которого являются *избы*. Стимул к введению данного единство лежит за его пределами в базисном времени. Данным стимулом являются *запоздалые хрущевские пятиэтажки*.

Анализируемое НИРСФЕ отражает фрагмент предметного мира и организуется ФСТР *предметное описание*. Объектом описания становятся чебачинские избы. Основным средством описания изб является тематическая лексика, обозначающая элементы избы (*фундамент*), указание возраста (*полвека для них не возраст, детство*), материал (*звонкая корабельная сосна, лес-бревенчак, избяной*). Элементы описания организуются на основе отношений перечисления. При этом описание вводится глаголами прошедшего времени НСВ (*рубил, не называли*), глаголом *быть* прошедшего времени (*было*) в составе именного сказуемого, передающие постоянный характер описываемых признаков субъекта.

Рематический компонент первого предложения представлен существительным, передающим значение объекта, который будет описан. Предложение *разработки* имеет в позиции ремы детали характеристики изб Чебачинска. *Экспозиция* РСФЕ содержит субъект (*все остальное*) и именной предикат (*избы*). Данное предложение можно отнести к семантическому типу *квалификация субъекта*. Второе предложение также передает типовое значение квалификации субъекта, которым в данном случае является возраст субъекта. Последнее предложение (неопределенно-личное) имеет глагольный предикат (*рубил; не называли*), но не называет субъекта, что позволяет сделать предположение, что семантический тип предложения можно охарактеризовать как *действия неопределенного субъекта*.

Семантические типы предложений, использованные в рассматриваемом РСФЕ, — квалификация и действия субъекта. Типовые значения предложений соответствуют цели ФСТР, который облакает НИРСФЕ. Данная цель состоит в том, чтобы сообщить знания, делающие возможным формирование представления об определенной местности, которая с помощью употребления глаголов прошедшего времени НСВ изображается неизменной. При этом

отдельные элементы характеристики ее деталей находятся в позиции ремы предложений цепочки РСФЕ.

В целом смысл ФСТР предметного описания, организующее РСФЕ в рамках дискурса А. Чудакова, в основном формируется семантическими типами *свойство и состояние субъекта*, что характерно для прототипа-инварианта *описания*. Данные типовые значения предложений позволяют создать представление об описываемом мире, частью которого может быть человек и окружающий его мир. В описании в авторском дискурсе имплицитруется содержательно-концептуальная информация, порождающая тему незыблемости, памяти о традиции, и содержательно-подтекстовая информация, имплицитующая авторскую оценку старинного, вечного, достойного восхищения (в частности, императорская семья, бал, природа), в данном случае — старинными русскими избами, мастерски и с любовью срубленными из отборнейшего леса (в оппозиции к новоделу — хрущевским пятиэтажкам — тема-стимул, заявленная в базисном времени). Специфика дискурса А. Чудакова создается и за счет специфики построения синтаксических конструкций с особым предикатом в форме составного именного неполного сказуемого.

В данной части работы нами были проанализированы РСФЕ в соотношении с функционально-смысловым типом речи *предметное описание*. ФСТР *предметное описание* отражает фрагмента предметного и чувственно-воспринимаемого мира, частью которого может быть портрет, пейзаж или его отдельный объект. В дискурсе А. Чудакова эти описания могут реализовываться в пределах ретроспективного времени. При этом описание вводится преимущественно глаголами прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным значением, подчеркивающими постоянный, вневременной характер признаков описываемого фрагмента мира. Несмотря на изменения, которое приносит время в пейзажи Чебачинска и его местности, в портреты людей прошлого, в авторском дискурсе они остаются и изображаются вечными, достойными восхищения.

2.3.2.2. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в связи с их принадлежностью к разновидности *событийное описание*

По мнению, В.И. Конькова, целью описания мира событий является «отражение представления о том положении дел, которое сложилось в чьей-либо жизни <...> путем перечисления тех компонентов, которые в совокупности и рисуют картину того, как обстоят дела» (Коньков 2014: 92). При этом ученый отмечает, что компоненты «описания положения дел» не связываются отношениями временной последовательности, а передаются как происходящие одновременно или как находящиеся вне временных отношений (Коньков 2014: 92).

Обратимся к анализу следующего РСФЕ, реализующегося в рамках *описания мира событий*:

1)

Казахские дома стояли только на нечетном порядке крайней улицы, глядящей в Степь. Постоянного названия она не имела: таблички «Улица Амангельды» то вешали, то снимали — в зависимости от того, кем считался Амангельды Иманов. Если по радио передавали песню: «Запевайте, горы Ала-Тау, и снега, и льды. Добывать идем в бою мы славу, как Амангельды», — это означало, что он герой освободительной борьбы, и таблички висели, но когда ее передавать переставали, значит, он опять становился буржуазным националистом, и таблички снимали (Чудаков 2014: 53).

Перед нами НИРСФЕ с фактографическими признаками и элементами публицистического стиля, которое является частью цепочки ретроспективных сверхфразовых единств, объединяющихся в ретроспективный эпизод темой *Чебачинск*. Стимул к разрыву временного континуума и введению ретроспекции помещен в базисном времени за пределами ретроспективного эпизода. Предложения, включенные в рассматриваемое НИРСФЕ, объединяются микротемой *крайняя улица*. В единстве актуализируется личная память, связанная с жизнью героя-нарратора и его соотечественников в Чебачинске, а также историко-культурная память, благодаря которой

уточняется ситуация, сложившаяся в 30-40-х годах в России — идеологические реалии тоталитарной власти, когда идеология определяла каждый аспект жизни советского народа, а мнение политических лидеров страны об определенном человеке влияло на название улиц, организаций и городов. Жизнь Чебачинцев вписывается в историко-культурный контекст. Прецедентная ситуация актуализируется посредством введения прецедентного имени *Амангельды Иманов* — участник Среднеазиатского восстания 1916 года, гражданской войны и установления Советской власти в Казахстане, а также прецедентного высказывания: *«Запевайте, горы Ала-Тау, и снега, и льды. Добывать идем в бою мы славу, как Амангельды»* — цитата из песни, которая передавалась по радио (см. Иванцов 2014: 69).

ФСТР, организующий НИРСФЕ, воспроизводит мир событий, которые составляют жизненный мир чебачинцев. В данном случае описанию подвергается положение дел, сложившееся в Чебачинске вокруг названия *крайней улицы, глядящей на Степь*. Компоненты описания организовываются на основе отношений перечисления: место в Чебачинске (*улица, глядящая на Степь*), понятия и объекты, связанные с улицей (*название, таблица «Улица Амангельды»*), действия, связанные с названием (*то вешали, то снимали*), а также убеждения Чебачинцев (*означало, что он герой освободительной борьбы; он опять становился буржуазным националистом*). Описание положения дел вводится глаголами прошедшего времени НСВ (*стояли, не имела*), передающими постоянный признак объекта, а также глаголами прошедшего времени НСВ (*вешали, снимали, считался, передавали, означало, висели, передавать переставали, становился, снимали*), передающими неограниченно-краткое значение, подчеркивающее повторяющийся характер действий. Сложившееся положение дел было обыденным и неизменным для жителей Чебачинска.

Первое предложение РСФЕ имеет локативный характер и передает знания о том, где находятся казахские дома в Чебачинске. Рематический компонент содержит обозначение пространства (*только на нечетном порядке крайней*

улицы, глядящей в Степь). Отметим, что в данном случае рема экспозиции определяет микротему всего рассматриваемого НИРСФЕ. Крайняя улица становится темой компонента следующего предложения, где рематический компонент представлен глаголом со значением обладания в сочетании с указанием на объект (*названия...не имела*). Рематическим компонентом второй части второго предложения являются глаголы со значением действия (*вешали, снимали*). В следующем предложении ядром высказывания становятся детали, связанные с ремой предыдущего предложения (*если по радио передавали песню; когда ее переставали передавать*). Таким образом, в данном случае коммуникативная организация экспозиции не определяет его дальнейшего развития.

Что касается семантических типов предложений рассматриваемого РСФЕ, то типовое значение данной цепочки предложений включает действие и состояние субъекта. Первое предложение содержит предметный субъект (*дома*) и глагольный предикат (*стояли*). Предложения *разработки* содержат предметные субъекты (*таблички, он, она*), субъекты, которые не называются (неопределенные, безликие, обобщённые как отражение специфики советского времени, идеи снятия с себя ответственности за происходящее, или т.н. «коллективной ответственности»), а также глагольные предикаты (*вешали, снимали, передавали, висели, становился, снимали*). В целом можно отметить, что данные семантические типы соответствуют целеустановке ФСТР *описание положения дел* — передаче знаний о сложившемся в Чебачинске положении дел, которое являлось для города обычным, стандартным, что подчеркивается употреблением глаголов прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным значением.

2)

Отец в баню ходил гораздо чаще, чем раз в неделю, изыскивая предлоги всяческие: уголь разгружал — надо отмыться, в лес за дровами ездил — надо прогреться, бывший ученик можжевельниковый веник подарил — надо опробовать, никогда не паривался. Бабка поглядывала неодобрительно: стирки

на одиннадцать человек и так было выше головы, отец же кроме чистого белья всякий раз требовал свежее полотенце, а то и два, чтоб как в Сандунах (Чудаков 2014: 88-89).

Перед нами единство, которое относится к структурному типу НИРСФЕ, являющегося частью крупного ретроспективного эпизода, объединенного темой *бани*. В НИРСФЕ отсутствуют признаки базисного времени, его границы совпадают с границами абзаца, в то время как стимул к введению ретроспекции, реализующейся ретроспективным эпизодом, выведен за пределы ретроспективного эпизода. В основе рассматриваемого НИРСФЕ лежит воспоминание Антона о походах его отца в баню. На фоне содержательно-фактуальной информации, ведущейся темой НИРСФЕ, актуализируется содержательно-концептуальная информация (*отец в баню ходил гораздо чаще <...> изыскивая предлоги, бабка поглядывала неодобрительно*), а также социокультурная ситуация — мытье в банях города ссыльных было совсем не таким, как в публичных банях в Москве, которые отец Антона помнил хорошо, полотенца приносили сами, также как и тазы (см. ИРСФЕ (2)). Ситуация актуализируется с помощью введения прецедентного имени: Сандуны — Сандуновские бани, публичные бани в центре Москвы.

НИРСФЕ организуется ФСТР *событийное описание*, которое сосредоточено на описании элементов положения дел в семье Саввиных-Стремоуховых, носящих постоянный характер. Компоненты описания упорядочены на основе отношений соположения (разносубъектного): *отец в баню ходил гораздо чаще, бабка поглядывала, стирки было выше головы, отец требовал свежее полотенце*. При этом описание ведется глаголами прошедшего времени НСВ (*ходил, требовал, поглядывала*), которые передают неограниченно-краткое значение, подчеркивающее, что данные действия повторялись *чаще, чем раз в неделю* и вообще — постоянно, а также глагол в прошедшем времени НСВ (*было*) в составе сказуемого, подчеркивающий постоянный характер состояний и действий. Таким образом, признаки семейного существования передаются как неизменные и характерные для дома

Саввиных-Стремоуховых, одновременно имплицитно быт семьи, заслуживающие уважения занятость и трудолюбие отца, который, кроме преподавательской деятельности, занимался тяжелой работой на благо семьи, отношение к нему его учеников (*уголь разгружал, в лес за дровами ездил; бывший ученик веник подарил*).

Коммуникативная организация первого предложения задает дальнейшее развитие всего РСФЕ: в позиции ремы находятся детали ситуации, типичной для жизни семьи Саввиных-Стремоуховых — [отец] *ходил гораздо чаще, чем раз в неделю, изыскивая предлоги всяческие; [бабка] поглядывала неодобрительно*.

Первое предложение РСФЕ содержит личный субъект (*отец*) и глагольный предикат (*ходил*). Данное предложение можно отнести к семантическому типу субъект и его действие. Предложение *разработки* представляет собой сложное предложение, которое содержит несколько личных субъектов (*бабка, отец*), предметный субъект (*стирки*), а также несколько глагольных предикатов (*поглядывала, требовал*). Отдельные компоненты данного предложения несут типовое значение состояния субъекта (*стирки было выше головы*). Таким образом, семантические типы предложений, использованных в данном ретроспективном единстве, — это действие и состояние субъекта. Данные типы соответствуют целеустановке ФСТР *описание положения дел*, так как данная речевая форма передает знания о сложившемся положении дел в семье Саввиных-Стремоуховых. Сложившаяся ситуация является постоянной для этой семьи героя-нарратора.

3)

Самым тяжелым месяцем выходил январь, когда зерно, заработанное в колхозе, кончалось, корова — на издое, давала, как плохая коза, и переставали — от холода — нестись куры. Хлебная жидкий картофельно-луковый суп, отец приговаривал: «Казна-то вся истрачена, напитокки прироспиты, ества сахарные все приедены». «Ничего, — говорил

дед, — мы просто Великий Пост передвигаем на январь». Несмотря на непрерывную, с утра до вечера, работу по пропитанию, жили все же голодно; я потом спрашивал, как жили те, кто так не работал, но на этот вопрос не мог ответить никто (Чудаков 2014: 23).

Рассматриваемое единство относится к структурному типу НИРСФЕ. Данное НИРСФЕ, в котором отсутствуют признаки базисного времени, представляет собой часть цепочки ретроспективных единств, составляющих крупный ретроспективный эпизод, объединенный темой *хозяйство Саввиных-Стремоуховых* (см. глава 12 «Натуральное хозяйство XX века»).

В основе НИРСФЕ лежит воспоминание героя-нарратора о *январе, самом тяжелом месяце*. Личная память Антона о трудных днях в январе, когда ели жидкий картофельно-луковый суп, совмещается с историко-культурной, актуализируя ситуацию времени военной России — тяжелое голодное время, когда из магазинов исчезли почти все продовольственные товары, в домах не было ничего. Данная ситуация несет обобщающе-констатирующий характер. В каждом советском доме в годы войны «жили голодно».

ФСТР, в рамках которого реализуется НИРСФЕ, отражает жизненный мир семьи героя-нарратора — сложившееся положение дел в доме Саввиных-Стремоуховых. Детали описания, которые способствуют созданию представления о жизни не только в доме Антона, но и всей страны в целом, организуются вне временных отношений: *самым тяжелым месяцем выходил январь, зерно кончалось, корова давала, как плохая коза, куры переставали нестись, жили голодно*. Предикативные значения предложений НИРСФЕ формируются на основе глаголов прошедшего времени НСВ (*выходил, кончалось, давала, переставали, приговаривал, говорил, жили*), передающие постоянно-непрерывное значение, подчеркивающее неизменный характер сложившегося положения дел, а также глаголом прошедшего времени НСВ *спрашивал* со значением конативно-процессным, подчёркивающим процессное действие, а также глаголом модальной семантики в прошедшем времени НСВ

и инфинитивом в составе глагольного сказуемого (*не мог ответить*), передающим неизменность состояния.

Коммуникативная организация *экспозиции* определяет дальнейшее развитие рассматриваемого НИРСФЕ, описывающего неизменную в жизни семьи Антона ситуацию. Первое предложение НИРСФЕ содержит предметные субъекты (*январь, зерно, корова, куры*), глагольные предикаты (*выходил, кончалось, давала, переставали*) и передает значение субъект и его состояние. Второе предложение содержит личный субъект (*отец*) и глагольный предикат (*приговаривал*). Третье предложение включает личный субъект (*дед*) и глагольный предикат (*говорил*). Данные предложения имеют типовое значение *субъект и его действие*. Последнее предложение *разработки* представляет собой сложное предложение, которое содержит субъект, который не называется, глагольный предикат (*жили*), личный субъект (*я, никто*) и глагольные предикаты (*спрашивал, не мог ответить*). Соответственно, сематические типы предложенья *разработки* — *действие и состояние субъекта*. Коммуникативное членение предложений НИРСФЕ отличается тем, что в позиции ремы находятся действия и состояния субъектов. Семантические типы предложений способствуют цели передачи информации о действиях и состояниях, являющихся частью положения дел в жизни героя-нарратора и его семьи, которое имеет постоянный характер.

Рассмотрев РСФЕ, реализующихся в рамках ФСТР *описание мира событий*, можно заключить, что данные РСФЕ имеют характерные типичные модели коммуникативной организации, а также несут типовые значения, способствующие целеустановкам речевой формы. Описание событийной семантики — описание положения дел — отличается тем, что в позиции ремы, как правило, находятся детали описываемого положения дел в жизни определенного человека или группы людей.

Семантические типы предложений, которые используются в цепочке РСФЕ, в основном относятся к типовому значению действия и состояния субъекта. Целью событийного типа описания является формирование

изображения определенной ситуации, имеющей постоянный характер в жизни персонажа, города или страны. Справедливо сделать вывод о том, что семантические типы предложений соответствуют ситуациям, частью которых часто являются повторяющиеся поступки, состояния и действия.

Другим важным выводом, который мы считаем необходимым сделать, является роль глагола в изображении мира событий в дискурсе А. Чудакова. Данный мир строится посредством употребления глаголов прошедшего времени НСВ, которые в основном передают постоянно-непрерывное значение, подчеркивающее постоянный характер описываемых процессов или состояний. Так же как и в описании предметного мира, жизненный мир в авторском дискурсе изображается вечным, миром, который не может быть подвержен забвению.

2.3.3. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в соотношении с функционально-смысловым типом речи *повествование*

Одним из ФСТР, оформляющих РСФЕ в дискурсе романа А. Чудакова, является повествование. В.И. Коньков отмечает, что речевая форма повествования подразумевает организацию компонентов содержания на основе отношений временной последовательности: «необходимо передать содержание таким образом, чтобы <...> значения временной последовательности были актуализированы, стали бы главным в организации составных компонентов содержания» (Коньков 2011: 18). Ученый приводит следующее определение Ф С Т Р *повествование*, предложенное О.В. Нечаевой: «функционально-смысловой тип речи, выражающий сообщение о развивающихся действиях или состояниях и располагающий для реализации этой функции специфическими языковыми средствами. В любом повествовании должно быть сообщение о развивающихся, изменяющихся или уточняющихся действиях или состояниях» (см. Коньков 2011: 18).

Повествование подразумевает порядок расположения элементов опыта, их связь в одном линейном пространстве и осмысленность на основе отношений временной последовательности: «в повествовании они (элементы опыта) выстраиваются в соответствии с жесткой однолинейной схемой; в техническом плане эта последовательность <...> выстраивается с помощью глаголов-сказуемых прошедшего времени совершенного вида» (Коньков 2011: 21). При этом, по мнению ученого, повествование может иметь различную функциональную предназначенность — изображение предметного, чувственно-воспринимаемого мира или изображения мира событий (Коньков 2011: 31). Таким образом, В.И. Коньков, классификация которого берется за основу вычленения речевых форм в настоящем исследовании, предлагает выделять *изобразительное повествование*, передающее предметный и чувственно-воспринимаемый мир, и *событийное повествование*, изображающее мир событий (Коньков 2011: 31).

2.3.3.1. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в связи с их принадлежностью к разновидности *изобразительное повествование*

Рассмотрим пример РСФЕ, реализующегося в рамках ФСТР *изобразительное повествование*:

1)

Петр Андреич вышел перед строем и долго молчал. Потом сказал, что должен сообщить нам о смерти — он выдержал скорбную паузу, возвысил голос — выдающегося деятеля партии большевиков и советского государства Андрея Александровича Жданова, злодейски. Тут директор замолчал (Чудаков 2014: 169).

В структурном плане анализируемое единство представляет собой НИРСФЕ. Данное единство входит в состав ретроспективного эпизода, состоящего из цепочки единств, объединенных макротемой *случай на школьной линейке*. *Ворота школы* становятся стимулом к воспоминанию о школьной

линейке тридцать лет назад и введению цепочки ретроспективных сверхфразовых единств, каждое из которых автономизируется. Данный стимул находится в пределах базисного времени. В основе НИРСФЕ лежит воспоминание о случае, произошедшем во время школьной линейки. При этом личная память совмещается с историко-культурной, актуализируя ситуацию времени 40-х годов, что происходит посредством введения прецедентного имени *Андрей Александрович Жданов* — советский партийный деятель, ближайший соратник Сталина, аллюзии на прецедентную ситуацию, связанную с его загадочной смертью/убийством (?), по поводу чего властями было сфабриковано т.н. «дело врачей». Смерть Жданова была воспринята директором как трагедия, о чем свидетельствует незаконченность фразы и выделенность оценочного прилагательного — *злодейски* (полное, законченное, предложение должно быть нацелено на передачу состояния субъекта с наречным предикатом по классификации Г.А. Золотовой). В оригинальном тексте во втором предложении единства присутствует неполная предикация, слово *злодейски* выделено автором курсивом и жирным шрифтом. Таким образом, демонстрируется позитивное отношение Петра Андреевича к главному идеологу СССР Жданову. Сам вопрос о смерти Жданова остается без ответа, можно предположить, что Петр Андреевич не верил в естественную причину смерти человека, которого многие считали преемником Сталина. В повествование, следовательно, вводятся личная и историко-культурная память, элементы концептуализации информации, импликация оценки события автором текста сквозь призму восприятия персонажа.

В рассматриваемом НИРСФЕ изображается последовательность действий, совершаемых одним субъектом — Петром Андреевичем. Действия субъекта упорядочены согласно отношениям временной последовательности. Цепочка глаголов СВ прошедшего времени (*вышел, сказал, выдержал, замолчал*) актуализирует значение временной последовательности, где каждый глагол передает конкретно-фактическое значение, выражающее единичное завершённое действие, за которым следует смена ситуации — развитие

повествования. При этом повествование сосредоточено на действиях одного субъекта, отражая чувственно-воспринимаемый мир. Таким образом, рассмотренный НИРСФЕ организуется ФСТР *изобразительное повествование*, временная последовательность компонентов которого актуализируется с помощью глаголов прошедшего времени СВ, передающими конкретно-фактическое значение.

В первом предложении НИРСФЕ рематический компонент, представляющий собой глагол СВ прошедшего времени (далее – ПВ) со значением действия (*вышел*) и речевого действия (*молчал*), предопределяет дальнейшее повествование о действиях субъекта Петра Андреевича — темы предложения. Первое предложение — это простое предложение, которое содержит личный субъект (*Петр Андреевич*) и глагольный предикат (*вышел, молчал*). Типовое значение данного предложения — это действие субъекта. Второе и третье предложения *разработки* содержат информацию о последующих действиях персонажа. При этом рематические компоненты предложений представляют собой глаголы СВ ПВ со значением действия (*сказал, выдержал паузу, возвысил голос*) и законченной начальной фазой (*замолчал*). РСФЕ состоит из цепочки предложений, семантический тип которых — субъект и его действие и состояние. Данные типы предложений соответствует изобразительному повествованию, целью которого является сообщение о последовательности состояний и действий субъекта.

Обратимся к анализу следующего РСФЕ, которое также является частью ретроспективного эпизода, объединенного темой *случай на школьной линейке*:

2)

Мы тоже затихли. Директор еще раз сказал: "злодейски" и сжал кулак. Приглядевшись, мы успокоились: Петр Андреевич находился в некоем знакомом нам состоянии. Теперь мы ждали, когда он расскажет про Пашку Таранткова (Чудаков 2014: 169).

Данное единство подчинено той же теме, что и предыдущее РСФЕ, проанализированное нами выше. Однако внутри ретроспективного эпизода,

частью которого являются рассматриваемые РСФЕ, они разрываются единством, объединенным темой *стихов в книге Жданова*.

ФСТР рассматриваемого НИРСФЕ передает действия, совершаемые несколькими субъектами в жестко фиксированной последовательности. Временная последовательность актуализируется посредством главных членов предложения (*мы затихли; директор сказал и сжал кулак; мы успокоились, мы ждали*). При этом в построении повествовательной структуры используются глаголы прошедшего времени СВ (*затихли, сказал, сжал кулак, успокоились*), имеющие значение конкретно-фактическое, т.е. выражающие единичные законченные действия разных субъектов, которые участвуют в развитии ситуации. Отметим, что два предложения единства также маркированы глаголами прошедшего времени НСВ (*находился в состоянии, ждали*) с конкретно-процессным значением, что подчеркивает важность процесса действия, его незавершенность. Данные действия являются частью чувственно-воспринимаемого мира. Однако развитие повествования во временной последовательности в основном ведется глаголами прошедшего времени СВ с конкретно-фактическим значением. Изображая последовательность действий нескольких субъектов — часть чувственно-воспринимаемого мира, РСФЕ организуется ФСТР *изобразительное повествование*.

Первое предложение содержит рематический компонент, выражаемый глаголом со значением прекращения действия (*затихли*). Данный компонент определяет развитие повествования о состояниях и действиях двух субъектов — Петра Андреевича и его учеников (*мы*). Первое предложение включает личный субъект (*мы*), глагольный предикат (*затихли*) и передает типовое значение состояния субъекта. Второе и третье предложения *разработки* передают знания о действиях субъектов. В позиции ремы оказываются сведения об их действиях и состояниях (*сказал, сжал, успокоились, ждали*). Последующая часть РСФЕ включает семантические типы предложений: субъект и его действие, а также субъект и его состояние.

Используемые в цепочке семантические типы предложений соответствуют цели изобразительного повествования, которое направлено на передачу действий субъекта и смену его состояний.

Проанализируем следующий пример.

3)

На следующем уроке, когда он, отметив в журнале отсутствующих, уже взял мел и подошел к доске, мы закричали: «Гимн, гимн!» Роберт Васильевич смотрел, не понимая. Илья Муромец, главный организатор всех несанкционированных мероприятий, с трудом выпростал из недр парты Гимн. Немец кивнул, мы встали и дружно запели. За десять минут до конца урока Рита Зюзина, владелица наручных часов, сделала знак Илье, который снова встал и сказал, что закончить урок мы тоже желаем Гимном, что мы и сделали (Чудаков 2014: 179).

Анализируемое РСФЕ относится к структурному типу НИРСФЕ, который является частью цепочки единств ретроспективного эпизода, объединенного темой *учитель немецкого языка Роберт Васильевич*. Стимул к нему помещен в пределах ретроспективного времени, им становятся стихотворения Генриха Гейне. В основе анализируемого НИРСФЕ лежит воспоминание героя-нарратора об одном из уроков Роберта Васильевича, на котором ученики пели Государственный Гимн на немецком языке. Так же, как и в предыдущих случаях, тема рассматриваемого единства получает дальнейшее развитие в пределах ретроспективного эпизода.

ФСТР анализируемого НИРСФЕ сосредоточено на действиях, совершаемых несколькими субъектами. Временная последовательность данных действий актуализируется с помощью главных членов предложения (*он взял мел и подошел; мы закричали; Илья Муромец поднялся и заявил; немец кивнул; мы встали и запели; Рита Зюзина сделала знак; [Илья] встал и сказал; мы сделали*). В построении последовательности повествовательной структуры используются глаголы прошедшего времени СВ (*взял, подошел, закричали, поднялся, заявил, кивнул, встали, запели*). Данные глаголы передают значение

конкретно-фактическое, выражающее единичные законченные действия разных субъектов, которые приводят к смене ситуации. Рассматриваемое НИРСФЕ также маркируется глаголами прошедшего времени НСВ (*смотрел*) с конкретно-процессным значением, что подчеркивает продолжительность действия в определенный, значимый для повествования, момент времени. Отметим, что единство содержит и глаголы настоящего времени НСВ относительного употребления (*хотим, желаем*), передающие одновременность действий, обозначаемых данными глаголами.

Рассматриваемое НИРСФЕ изображает действия, выполняющиеся разными субъектами и являющиеся частью чувственно-воспринимаемого мира. Данные действия и состояния упорядочены на основе отношений временной последовательности, что позволяет сделать вывод о том, что данное НИРСФЕ организуется ФСТР *изобразительное повествование*. При этом временная последовательность повествования в основном ведется глаголами прошедшего времени СВ с конкретно-фактическим значением (с единичными случаями включения глаголов НСВ ПВ).

Первое предложение содержит рематический компонент, выражаемый глаголом со значением действия (*взял, подошел*) и речевого действия (*закричали*). Данный компонент определяет развитие повествования о состояниях и действиях нескольких субъектов — *Роберт Васильевич/немец, мы, Илья Муромец, Рита Зюзина*. Первое предложение содержит личные субъекты (*он, мы*), глагольные предикаты (*взял мел, подошел, кричали*), передавая типовое значение действия субъекта. Предложения *разработки* передают сообщение о действиях субъектов. В позиции ремы находятся глаголы СВ ПВ, обозначающие их действия (*смотрел, поднялся, заявил, кивнул, встали, запели, сделала знак, сделали*). *Разработка* РСФЕ включает семантический тип предложения *субъект и его действие*. Используемые в цепочке семантический тип предложений соответствуют цели изобразительного повествования — изображение последовательности действий нескольких субъектов.

Итак, нами были рассмотрены РСФЕ, организующиеся ФСТР *изобразительное повествование*. Проведенный анализ позволяет утверждать, что построение РСФЕ, реализующегося в пределах изобразительного повествования, имеет определенную закономерность. *Экспозиция* РСФЕ определяет его дальнейшее построение, в котором рематический компоненты содержат глаголы действия или состояния. Данные глаголы, в основном имеющие форму прошедшего времени СВ с конкретно-фактическим значением (с единичными случаями включения глаголов НСВ ПВ, передающими важность процесса действия для данной ситуации), актуализируют временную последовательность повествования. Глаголы СВ ПВ ведут повествование, которое сосредоточено на изображении динамичной смены состояний и действий.

Семантические типы предложений РСФЕ, реализующихся в пределах ФСТР *изобразительное повествование*, соответствуют целеустановке данной разновидности ФСТР, которая заключается в изображении фрагмента чувственно-воспринимаемого мира, частью которого являются действия и состояния определенного лица. При этом данные типы предложений — это типы *действие субъекта и состояние субъекта*.

Прежде чем перейти к анализу РСФЕ, которые организуются ФСТР *событийное повествование*, отметим, что все рассмотренные нами в данной части работы РСФЕ представляют собой преимущественно РСФЕ, которые являлись частью ретроспективных эпизодов.

2.3.3.2. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в связи с их принадлежностью к разновидности *событийное повествование*

Обратимся к примерам РСФЕ, реализующимся в рамках ФСТР *событийное повествование*:

1)

Перед самыми выпускными экзаменами умер учитель географии Василий Иванович Предплужников — охотник, рыболов, веселый выпивоха. На весенней охоте основательно, по обыкновению, с другом выпил; вечером, на обратном пути, в газике, который вел его сын, учителю стало плохо, его начало сильно рвать, сын отчаянно гнал, но в больницу не успел — отец задохнулся. Ехавший с ними собутыльник протрезвел только наутро (Чудаков 2014: 170).

Анализируемое единство представляет собой НИРСФЕ, являющееся частью ретроспективного эпизода, темой которого является *случай на школьной линейке*. Стимул к ретроспекции — *ворота школы* — введен в базисное время. В НИРСФЕ отсутствуют признаки базисного времени.

В основе данного НИРСФЕ лежит воспоминание о трагическом случае, произошедшем с учителем географии Василием Предплужниковым. Для передачи данного сообщения выбирается ФСТР *событийное повествование*. По нашему мнению, ФСТР, оформляющий данное единство, отражает мир событий, передавая сообщение об отдельном случае. Данное сообщение ограничивается пределами рассматриваемого НИРСФЕ, но содержит также элементы описания – характеристики персонажа.

Элементы события организуются в определенной хронологической последовательности. Данная последовательность вводится с помощью глаголов прошедшего времени СВ (*выпил, стало плохо, начало рвать, не успел, задохнулся, протрезвел*), передающих конкретно-фактическое значение, выражающее завершённые, единичные действия, которые приводят к изменению ситуации. При этом НИРСФЕ также маркируется глаголами прошедшего времени НСВ (*вел, гнал*), имеющими конкретно-процессное значение, подчеркивающее продолжительность совершаемых актуальных для ситуации сообщений действий в определенный момент в прошлом.

Первое предложение НИРСФЕ содержит сообщение о том, что произошло с учителем географии Василием Предплужниковым перед выпускными экзаменами, в него включены элементы описательного характера, идентифицирующие личность умершего персонажа посредством

существительных, выступающих в роли уточняющих однородных приложений, эксплицирующих жизненные интересы персонажа, а также оценочного-прилагательного: *охотник, рыболов, веселый выпивоха*, что может рассматриваться как проявление одной из черт авторского дискурса наряду с включением глаголов НСВ ПВ в РСФЕ повествовательного типа. В последнем предложении единства имплицитруется скрытая характеристика образа второго персонажа, его реакция на событие. В первом предложении называется личный субъект (*учитель географии Василий Иванович Предплужников* с вышеуказанными характеризующими расширениями) и глагольный предикат в форме глагола СВ ПВ (*умер*). Развитие РСФЕ сосредоточено на передаче знаний о случившемся с субъектом. В позиции ремы в *разработке* находятся глаголы действия и состояния (*выпил, стало плохо, начало рвать, задохнулся*).

НИРСФЕ содержит цепочку предложений определенных семантических типов. Типовым значением первого предложения является значение состояния субъекта. Дальнейшая *разработка* РСФЕ включает сложное предложение, сочетающее типовые значения действия и состояния субъекта, а также третье предложение, которое имеет в основе личный субъект и глагольный предикат, передающие типовое значение состояния субъекта. Данные семантические типы способствуют реализации цели оформляющего РСФЕ ФСТР, которое передает сообщение об отдельном случае из жизни школы героя-нарратора.

2)

Когда местная газета “Социалистический труд”, выходящая раз в неделю в формате развернутой школьной тетради, в передовице упомянула о переписи населения 1939 года, по которой в городе оказалось 8% казахов, то редактора Улыбченко за политическую близорукость в понимании задач национальной политики перевели в корректоры (на этой должности, сильно потеряв в зарплате, он и продолжал почти единолично до самой войны делать газету). Местные жители восприняли это как наказание за очковтирательство: и такого процента в городе никто не наблюдал, казахов с их верблюдами и низкорослыми лошадками видели только на базаре

да — в кителях-сталинках — в кабинетах исполкома (в райкоме партии были уже русские) (Чудаков 2014: 53).

Данное единство представляет собой НИРСФЕ ретроспективного эпизода, темой которого является *Чебачинск*. Стимул к разрыву временного континуума и введению ретроспекции — *русская провинция* — включен в рассуждения героя-нарратора в точке базисного времени. Рассматриваемое НИРСФЕ передает сообщение о событии, произошедшем после публикации данных о переписи населения 1939 года, ситуации, представляющей собой отдельный случай из истории города Чебачинска. В НИРСФЕ вводится значимая для дискурса А. Чудакова характеристика социокультурной ситуации времени, когда строгая цензура печатных изданий подразумевала исключение любой информации, считавшейся идеологически нежелательной, публикация определенных сведений переписи населения могла быть рассмотрена как *политическая близорукость*, а в райкоме партии были только русские. Заметим, что эти события подвергаются оценке взрослого нарратора, актуализируя содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию. При этом жизнь редактора Улыбченко, который за политическую близорукость лишился своей должности, и остальных Чебачинцев вплетается в историю России 30-х и 40-х годов. Обращает на себя внимание и тот факт, что описываемое событие отличается наличием речевых (специфика усложненного синтаксиса) и языковых (наличие советизмов, клише публицистики) признаков публицистического стиля, воспринимается как фактографическое, что также отличает специфику дискурса А. Чудакова.

В повествовании событийного типа, доминирующем в данном НИРСФЕ (носящем и элементы описания), отношения временной последовательности передаются с помощью глаголов прошедшего времени СВ (*упомянула, оказалось, перевели, восприняли*) с о значением конкретно-фактическим, выражающим единичное, завершенное событие, которое привело к смене ситуации. Анализируемое НИРСФЕ содержит также и глаголы прошедшего времени НСВ в составе сложного глагольного сказуемого (*продолжал делать*),

передающие длительно-процессное значение, подчеркивающие длительность работы редактора Улыбченко на должности корректора, глаголы прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным значением (*не наблюдал, видели*), передающие постоянные признаки сложившейся ситуации, что также отражает особенность дискурса А. Чудакова — склонность включать единичные глаголы НСВ ПВ в повествовательный тип речи, для которого наиболее характерны, как уже упоминалось со ссылкой на высказывания В.И. Конькова, глаголы СВ ПВ.

В позиции ремы *экспозиции* находятся детали произошедшего (*упомянула о переписи населения 1939, перевели в корректоры, продолжал единолично делать газету*). Данная организация определяет дальнейшее развитие рассматриваемого РСФЕ, в котором ядро высказывания — это глаголы со значением состояния и интеллектуальной и физиологической деятельности.

Предложение *экспозиции* включает предметный субъект (*газета*), субъект, который не называется, а также глагольные предикаты (*упомянула, перевели, продолжал делать*) и передает типовое значение действия субъекта. Данное типовое значение передается и вторым предложением рассматриваемого РСФЕ, содержащим личный субъект (*жители, никто*) и глагольными предикатами (*восприняли, не наблюдал, видели*). Семантический тип предложений цепочки РСФЕ способствуют реализации целеустановки повествования об отдельном случае из жизни Чебачинска, который включает сообщение о последовательных правительственных решениях, публичных поступках и реакциях населения на них, вписывая всю ситуацию в историко-культурный контекст.

3)

Раз Антону пришлось париться в русской печи. (Отец тоже пробовал, но нашел, что свод низок, нет размаха для веника — не то что в печи родового дома под Бежецком.) Катаясь с Васькой на Речке, Антон провалился сквозь тонкий лед и, обледенелый, еле прибрел домой. Бабка, срывая с него одежду, причитала, что нет спирта и даже водки для растирки. Но отец сказал, что Антоша выбрал время очень удачно — из печи только что вынули хлебы, и он будет греться, как древние славяне. Бабка ворчала, не одобряя эти

простонародные штучки. Но отец быстро выгреб горячую золу, набросал мокрой ржаной соломы, запустил внутрь Антона, строго наказал не шевелиться, не дай Бог тронуть раскаленный свод — и закрыл устье заслонкою. Стало темно, выколи глаз, душно и страшно; Антон вспомнил, как, пытаясь выбраться, только обламывал кромку льда, — если б не Васька, подползший к полынью на брюхе и протянувший палку, лежал бы сейчас на дне. Он стал сначала тихо всхлипывать, а потом зарыдал в полную силу.

— Дыши глубже, — глухо, как в подземелье, донесся откуда-то голос отца. А то заболеешь воспалением легких.

Глубоко дышать и одновременно рыдать не получилось, Антон затих; воспалением он не заболел (Чудаков 2014: 90).

В структурном плане настоящее единство относится к типу СНИРСФЕ. Усложнение в данном единстве происходит за счет наличия как синсемантического, так и автосемантического типов связи. Стимул к введению ретроспекции находится в базисном времени за пределами СНИРСФЕ. В основе анализируемого СНИРСФЕ лежит воспоминание о случае, который произошел с героем-нарратором в детстве, когда ему пришлось париться в русской речи. Данный случай объединяет цепочку предложений в СНИРСФЕ. При этом тема СНИРСФЕ не получает дальнейшего развития в ретроспективном эпизоде, ограничиваясь рамками СНИРСФЕ, которое, к тому же, автономизируется.

Заметим, что на фоне содержательно-фактуальной информации, которую ведет тема СНИРСФЕ, актуализируется содержательно-концептуальная информация, в том числе и посредством ведения графически выделенного скобками самостоятельного предложения-высказывания, содержащего дополнительную информацию (*Отец тоже пробовал, но нашел, что свод низок, нет размаха для веника — не то что в печи родового дома под Бежецком*). Рассматриваемое единство включено в ретроспективный эпизод, выделенный в отдельную главку о натуральном хозяйстве в семье Саввиных-Стремоуховых (см. глава 12 «Натуральное хозяйство XX века»).

Отражая фрагмент событийного мира, СНИРСФЕ реализуется в пределах Ф С Т Р *событийное повествование*, развивающегося во временной последовательности, которая организуется глаголами прошедшего времени СВ (*пришлось, провалился, прибрел, сказал, выгреб, набросал, запустил, наказал, стало темно, вспомнил, стал всхлипывать, зарыдал, затих, не заболел*), передающим конкретно-фактическое значение, выражающее законченные единичные действия, приводящие изменению ситуации. При этом СНИРСФЕ также маркируется глаголами прошедшего времени НСВ, относимым к разным субъектам (*причитала, ворчала, не получалось*), со значением конкретно-процессным, которые выражают продолжающееся в определенный момент времени действия, сопровождающие действия, обозначаемые глаголами СВ. Глагол прошедшего времени НСВ (*пробовал*) со значением общефактическим, передает факт совершения действия без указания на кратность его осуществления, а также глагол прошедшего времени СВ (*нашел*) с о значением конкретно-фактическим включены в часть добавочного сообщения, выделенного графически. Усложнение РСФЕ обусловлено прерыванием последовательности развития тематической прогрессии, включением параллельной связи между компонентами единства: конкретизация события о том, как Антон провалился под лед (сначала сообщается только факт), дистанцируется от сообщения о самом факте и вводится как мгновенное ассоциативное воспоминание о страшном, что случилось с Антоном (страшно в печи — страшно подо льдом), когда он уже парится в печи. Таким образом, РСФЕ содержит двойную ретроспекцию, что усложняет его структуру и характеризует специфику идиостиля автора, его дискурс. СНИРСФЕ усложняется и за счет включения графически выделенного скобками автосемантического предложения (прерывание цепной связи) с уточнением-воспоминанием, связанным с отцом и микротемой эпизода — его мытьем в печи когда-то в прошлом.

В позиции *ремы экспозиции* находится глагол *прийтись* в форме прошедшего времени СВ (*пришлось*). Данная организация определяет

дальнейшее развитие рассматриваемого РСФЕ, в котором ядро высказывания — это глаголы со значением состояния и действия.

Предложение *экспозиции* включает личный субъект (*Антону*), субъект, и глагольный предикат (*пришлось*) и передает типовое значение состояния субъекта. Предложения *разработки* относятся к семантическим типам *состояние субъекта* и *действие субъекта*. Семантический тип предложений СНИРСФЕ способствуют реализации целеустановки повествования, рассказе об отдельном случае из детства героя-нарратора, описанном в данной речевой ситуации.

Рассмотрев представленные выше РСФЕ, можно выделить закономерность в построении ретроспективных текстоструктур, оформляемых речевой формой повествования. Коммуникативная организация цепочки предложений данных РСФЕ отличается тем, что ядро высказывания, как правило, содержит детали определенной ситуации, которые включают действия и состояния субъектов. Данная закономерность определяет специфику событийного повествования, облекающее РСФЕ, и выбор семантических типов предложений, объединенных микротемой такого РСФЕ. Семантические типы предложений соответствуют предложениям с типовым значением действия и состояния субъекта.

Временная последовательность, в которой развивается повествование, ведется в основном глаголами прошедшего времени СВ с конкретно-фактическим значением. При этом данные глаголы передают смену событий, а также действий и состояний, которые являются частью того или иного события, тем самым отражая событийный мир.

2.3.4. Анализ ретроспективных сверхфразовых единств в соотношении с функционально-смысловым типом речи *рассуждение*

Прежде всего обратимся к определению *рассуждения* как одного из функциональных разновидностей речи: «*рассуждением* называется такой

тип речи, который характеризуется особыми логическими отношениями между входящими в его состав суждениями, образующими умозаключение, и специфической языковой структурой, зависящей не только от логической основы рассуждения, но и от смыслового значения выводного суждения» (см. Коньков 2011: 18). О.В. Нечаева отмечает, что *рассуждение* «ведется с целью достижения вывода» (см. Коньков 2011: 18). При этом, по мнению В.И. Конькова, в данной речевой форме компоненты содержания связываются отношениями логической связи: «совместимости, несовместимости по истинности, ложности, логического следования, эквивалентности, противоречия, противоположности, логического подчинения и логической независимости» (Коньков 2011: 21).

В.И. Коньков выделяет *практическое рассуждение*, отражающее мир событий, а также *отвлеченное рассуждение*, которое отражает мир информации. Цель *практического рассуждения* как речевого действия — «представление содержания на основе выявления разного рода логических отношений между его компонентами как итог размышлений о жизни», в то время как *отвлеченное размышление* предполагает изложение информации для выполнения анализа информации с помощью выявления логических отношений между компонентами содержания (Коньков 2011: 121, 157). В *отвлеченном рассуждении* личностное начало проявляется слабо.

Отметим, что в дискурсе А. Чудакова рассуждения отвлеченного типа в ретроспективном плане повествования отсутствуют. Композиционно-речевая форма *рассуждение* представлена преимущественно практическим рассуждением в связи с жанровой спецификой романа — повествованием об увиденном и пережитом, о судьбах конкретных людей в конкретно-историческом контексте.

Обратимся к анализу одного из РСФЕ, представленного разновидностью *практическое рассуждение* и содержащего размышления героя-нарратора:

1)

Одна из самых первых таких песен, которую Антон запомнил, была про

коней. Коней Антон любил, у них в это время жил Мальчик, в песне же содержались интересные лошаадские сведения, но много было и не совсем ясного. «Пролетают кони шляхом каменистым». Шлях — дорога, это Антон знал: «партизанские шляхи». Но почему каменистый? Возле Каменухи, за речкой, были каменистые тропинки, но они были кривые и узкие, пролетать по ним на конях навряд ли получилось бы. «В стремени пристал передовой». В Чебачинске так говорили вместо «устал», было ясно: притомился скакать по каменистым тропам. «Передовой» — тоже понятно: в «Правде», заголовки из которой Антон всякий день читал деду, это слово попадалось в каждом номере и значило — самый лучший: «передовой колхоз», «передовик производства», «передовое учение». Видимо, передовой из песни — передовее других или конь у него всех лучше. «И поэскадронно бойцы-кавалеристы, потянув поводья». Первое слово было самое красивое, а от непонятности — ещё красивее. «Потянув поводья» тоже было непонятно: когда у Мальчика натягивали возжжи, он останавливался. Зато «кони сытые бьют копытами» — тут было всё ясно. Гурка, когда проходил мимо стоящего у ворот Мальчика, всегда пихал его кулаком в бок и говорил: «Ишь, сытый!» Правда, копытами Мальчик не бил, хотя был весьма копытист, а только вяло иногда прискрёбывал, Антон даже спросил у профессора Резенкампа, который всегда очень долго запрягал, и с ним можно было потолковать, — почему не бьёт. Профессора это очень развеселило (Чудаков 2014: 252-253).

В точке базисного времени на пути из Чебачинска обратно в Москву Антон присоединился к пассажирам в соседнем купе. Попутчики героя-нарратора пели песни военного времени, которые Антон, как все его поколение, дети радио, хорошо знал. Временной континуум разрывается скачком влево от базисного времени с помощью введения стимула, которым становятся военные песни. Данный стимул введен в базисное время, за границами рассматриваемого НИРСФЕ. При этом НИРСФЕ представляет собой первое звено цепочки ретроспективных сверхфразовых единств, которые составляют

весь последующий ретроспективный эпизод, объединенный темой *кони*.

В основе НИРСФЕ лежат рассуждения маленького Антона *об интересных и неясных лошадиных сведениях*, содержащихся в одной из военных песен, которые услышал герой-нарратор, когда у них еще жил Мальчик (конь кооператива «Буденновец»). НИРСФЕ помогает читателю выстроить более полное представление о герое-нарраторе, его жизни, жизни его семьи и окружающем его мире. При этом судьба Антона и его семьи вписывается в социокультурную ситуацию прошлого России. Личная память, связанная с жизнью Антона и его семьи, его соседей, совмещается с историко-культурной посредством введения прецедентных имен, а также советизмов: «Правда» — основное печатное издание КПСС, наиболее влиятельная газета СССР, главным редактором «Правды» был Сталин, строго контролирующий ее содержание, каждый заголовок, который *Антон всякий день читал деду*; а также прецедентные высказывания: *«пролетают кони шляхом каменистым»*, *«в стремени пристал передовой»*, *«и поэскадронно бойцы-кавалеристы, потянув поводья»* — строки из военной песни «В бой за Родину!».

Анализируемое ретроспективное единство организуется ФСТР *практическое рассуждение*, так как компоненты его содержания, по нашему мнению, передают размышления героя-нарратора не только о самой песне, но и о мире, окружающем молодого Антона. Содержание НИРСФЕ передает процесс размышления о том, что казалось тогда непонятным, ход мыслей, нацеленный на объяснение неясного для самого себя. Перед нами внутренний монолог героя-нарратора, который отражает особенности мышления маленького Антона. Строчки из песни соотносятся со сложившимся у Антона представлением о мире, который тогда ограничивался его семьей и родным городом (*«В стремени пристал передовой»*. *В Чебачинске так говорили вместо «устал», было ясно: притомился скакать по каменистым тропам*). Компоненты содержания НИРСФЕ объединяются логическими связями сопоставления и пояснения (*Но почему каменистый? Возле Каменухи, за речкой, были каменистые тропинки, но они были кривые и узкие, пролетать*

по ним на конях навряд ли получилось бы; «Передовой» — тоже понятно: в «Правде», заголовки из которой Антон всякий день читал деду, это слово попадалось в каждом номере и значило — самый лучший: «передовой колхоз», «передовик производства», «передовое учение»). НИРСФЕ изображает то, что происходит в мыслях Антона, его размышления, вместе с тем некоторые компоненты НИРСФЕ имеют в основе описательную структуру, отражающую фрагмент событийного мира — сложившееся положение дел (*Гурка, когда проходил мимо стоящего у ворот Мальчика, всегда пихал его кулаком в бок и говорил: «Ишь, сытый!»*), описательную структуру, отражающую предметный мир (*Возле Каменухи, за речкой, были каменистые тропинки, но они были кривые и узкие, пролетать по ним на конях навряд ли получилось бы*), а также повествовательную структуру, отражающую мир событий (... *Антон даже спросил у профессора Резенкампа, который всегда очень долго запрягал, и с ним можно было потолковать, — почему не бьёт. Профессора это очень развеселило*).

Отметим, что рассуждение в основном ведется глаголами прошедшего времени НСВ (*любил, содержались, знал, говорили, читал, попадалось, значило, проходил, пихал, не бил, запрягал*), а также глаголом *быть* в прошедшем времени НСВ (*было, были*), которые передают постоянно-непрерывное значение, подчеркивающее постоянный характер признака объекта (например, *возле Каменухи были каменистые тропинки, и т.д.*), а также неизменный характер сложившегося положения дел (например, *коней Антон любил, в Чебачинске так говорили, и т.д.*), глаголами прошедшего времени НСВ *жил* с конкретно-процессным значением и *прискребывал* с ограниченно-кратким значением. Исключением являются глаголы прошедшего времени СВ (*спросил, развеселило*), имеющим конкретно-фактическое значение — сменяющиеся, предельные действия.

Первое предложение НИРСФЕ содержит сообщение об одной из первых запомнившихся Антону песен. Данная информация находится в позиции ремы. Впоследствии рема становится темой следующего предложения (цепная связь),

а также всего РСФЕ. Дальнейшее развитие НИРСФЕ сосредоточено вокруг рассуждения героя-нарратора об интересных, но непонятных сведениях в песне о лошадях. В большей части НИРСФЕ-ва рематический компонент содержит детали, помогающие Антону разъяснить для самого себя неясные сведения. *«Видимо, передовой из песни — передовее других или конь у него всех лучше»* — пример предложения, в котором в позицию ремы занимают детали рассуждения о понятии «передовой» — *потому что конь передовее и лучше*. Подобная закономерность может также наблюдаться в следующем предложении: *«Потянув поводья» тоже было непонятно: когда у Мальчика натягивали вожжи, он останавливался*. В данном случае в позиции ремы также находятся элементы разъяснения слов из песни: непонятно, потому что Мальчик останавливался, когда натягивались вожжи. Отмеченная закономерность прослеживается в большей части рассматриваемого НИРСФЕ, которое оформляется ФСТР *рассуждение*.

Смысл данной речевой формы формируется несколькими типовыми значениями, отобранными для построения НИРСФЕ. Первое предложение цепочки НИРСФЕ передает типовое значение *качества и действия субъекта*, где выделяется предметный и личный субъекты (*одна из самых первых песен/Антон*) и предикаты (*запомнил, была про коней*). К данным семантическим типам можно отнести и другие предложения цепочки, например, тип *качества субъекта* следующего предложения: *«Первое слово было самое красивое, а от непонятности — еще красивее»*, а также тип *действия субъекта* в предложении: *«Гурка, когда проходил мимо стоящего у ворот Мальчика, всегда пихал его кулаком в бок и говорил: «Ишь, сытый!»»*. Одним из семантических типов предложений, отобранных автором в рассматриваемом НИРСФЕ, является квалификация — в предложении с предметный субъектом и именным предикатом: *«Шлях — дорога, это Антон знал: «партизанские шляхи»*. Последнее предложение РСФЕ включает субъект (*это* — вопрос Антона) и глагольный предикат (*развеселило*), передавая типовое значение субъекта и его состояния.

Таким образом, возможно заключить, что в формировании смысла ФСТР *практическое рассуждение* рассмотренного НИРСФЕ участвуют несколько семантических типов предложений: субъект и его действие, субъект и его состояние, субъект и его качество, также субъект и его свойство. Целью речевой формы *практического рассуждения* является изображение хода мысли человека. Каждый из вышеуказанных семантических типов предложений соответствуют данной целеустановке.

2)

Про коней дома вообще говорили много — и в войну, и после. Дед считал, что коня изничтожили рано. Многотонный трактор, едья по полю, уплотняет землю, разрушая структуру почвы; вот если б плуг ходил один — это была б настоящая революция. Все с ним соглашались, мама читала печальные стихи про то, как на поля «скоро выйдет железный гость» и зерно «соберёт его чёрная горсть» (Чудаков 2014: 253).

Перед нами НИРСФЕ, которое является следующим звеном в цепочке ретроспективных сверхфразовых единств ретроспективного эпизода, макротема которого — *кони*. В основе НИРСФЕ лежат суждения членов семьи героя-нарратора, его дедушки и мамы, о значимости вспахивания земли традиционным способом — при помощи коня, потому что такой способ способствует сохранению покрова почвы. На фоне содержательно-фактуальной информации, которая ведется темой НИРСФЕ, актуализируется содержательно-концептуальная информация, вводится характеристика социокультурной ситуации времени послевоенной России: вместо коней и плуга в хозяйстве использовался многотонный трактор. При этом в НИРСФЕ посредством включения образного прецедентного высказывания («скоро выйдет железный гость», «соберёт его чёрная горсть»), восходящего к прецедентному тексту — стихотворению С.А. Есенина «Я последний поэт деревни», актуализируется содержательно-подтекстовая информация, выражается недоверчивое, ироничное отношение деда и мамы героя-нарратора

к использованию новшеств в хозяйстве, что находит и определенную аргументацию в их высказываниях: скрытую, посредством введения оценочных прилагательных узуального и окказионального характера (*мама читала печальные стихи про то, как на поля «скоро выйдет железный гость» и зерно «соберёт его чёрная горсть»), и явную (*Многотонный трактор, едя по полю, уплотняет землю, разрушая структуру почвы; вот если б плуг ходил один — это была б настоящая революция* — эксплицитная аргументирующая позиция деда, сопряженная с мнением повествователя).*

Начало НИРСФЕ дает описательный компонент, отражая сложившееся положение дел в семье героя-нарратора (*Про коней дома вообще говорили много — и в войну, и после*). Остальная часть НИРСФЕ отражает рассуждения дедушки героя-нарратора и других членов семьи Саввиных-Стремоуховых по вопросу о необходимости лошадей в жизни страны. Компоненты содержания связываются логической связью — отношениями пояснения (*Дед считал, что коня изничтожили рано. Многотонный трактор, едя по полю, уплотняет землю, разрушая структуру почвы; вот если б плуг ходил один – это была б настоящая революция*). НИРСФЕ, передавая ход мыслей персонажей, оформляется ФСТР *практическое рассуждение*. При этом рассуждение в основном вводится глаголами прошедшего времени НСВ (*считал, соглашались*) с постоянно-непрерывным значением, вводящие суждения, которые не связаны с временными рамками; глаголами прошедшего времени НСВ (*говорили, читала*), имеющими неограниченно-кратное значение, подчеркивающее обычность действий. Исключением является глагол прошедшего времени СВ *изничтожили* с конкретно-фактическим значением, выражающим предельное действие, за которым последовало изменение ситуации: коня изничтожили, появился многотонный трактор. Отметим включение в НИРСФЕ глагола настоящего времени НСВ *уплотняет* с постоянно-непрерывным значением, вводящим постоянные явления, что также выражает специфику авторского дискурса.

Экспозиция НИРСФЕ сообщает информацию об обычной для семьи

героя-нарратора теме разговоров. Тематический компонент первого предложения становится темой всего единства, развитие которого сосредоточено на рассуждениях дедушки по поводу ценности коней, а также мнения других членов семьи. К семантическим типам предложений, отобранных автором для построения рассматриваемого ретроспективного единства, относятся *действия субъекта*. Первое предложение представляет собой неопределенно-личное предложение, в котором не называется субъект, но содержится глагольный предикат (*говорили*). Второе предложение РСФЕ включает личный субъект (*дед*), субъект, который не называется, а также два глагольных предиката (*считал, изничтожили*). Следующее предложение имеет предметный субъект (*трактор*), а также глагольный и именной предикаты (*уплотняет*). Последнее предложение РСФЕ включает личные субъекты (*все, мама*), а также глагольные предикаты (*соглашались, читала*). Соответственно, типовые значения цепочки предложений рассматриваемого НИРСФЕ — субъект и его действие, субъект и его состояние.

3)

Василий Илларионович, напротив, полагал, что где коней сохранили — везде зря. Увидев у Антона книгу «Доватор», говорил, что кавалерия в эту войну — одна пропаганда, будённовщина, что Тухачевский предлагал ликвидировать конницу ещё в тридцать пятом году, что конники Доватора всё равно воевали спешенными — не бросишь же их с шашками на пулемёты и миномёты. А что в шахтах у нас до сих пор сохранилась лошадиная тяга и коногоны — так это только из-за нашей дикости: в Руре коней из штреков убрали ещё до первой мировой войны. После таких разговоров он пел жалостную песню: «Прощай навеки, коренная, Прощай, товарищ столовой, И коногона молодого несут с разбитой головой» (Чудаков 2014: 253).

Анализируемое РСФЕ относится к структурному типу НИРСФЕ (элементы базисного времени в нем отсутствуют), однако оно является частью

воевали спешенными — не бросишь же их с шашками на пулеметы и минометы; а что в шахтах у нас до сих пор сохранились лошадиная тяга и коногонь — так это только из-за нашей дикости, и др.). НИРСФЕ маркировано в основном глаголами прошедшего времени НСВ: глаголом с постоянно-непрерывным значением *полагал*, подчеркивающим суждения, несвязанные с временными рамками, глаголами *говорил*, *пел* с неограниченно-кратным значением, выражающими повторяемость и обычность действия, глаголом *воевали* с конкретно-процессным значением, передающим действие, занимающее определенный период, а также глаголом *предлагал* с обобщённо-фактическим значением. Глаголы прошедшего времени СВ вида, которые «вкрапливаются» в НИРСФЕ, — *сохранили*, *убрали*, *сохранилась*, имеют конкретно-фактическое значение, выражающее единичные события, приводящие к смене ситуации.

Экспозиция данного НИРСФЕ передает сообщение о том, что Василий Илларионович думал о вопросе сохранения лошадиной силы. *Разработка* единства нацелена на передачу сообщения о ходе рассуждений персонажа. При этом в позиции ремы первого предложения находятся детали данного рассуждения (*полагал, что где коней сохранили — везде зря*). Коммуникативная организация предложения *экспозиции* отражает дальнейшее формирование единства, которое оформляется в рамках ФСТР *практическое рассуждение*.

В формировании смысла ФСТР *рассуждение*, облакающего рассматриваемое НИРСФЕ, в основном участвуют предложения, относящиеся к семантическому типу *субъект и его действия*, интеллектуальные, речевые и т.д., а также *состояние и квалификация субъекта*. Так, предложение *экспозиции* имеет типовое значение *субъект и его состояние*, включая личный субъект (*Василий Илларионович*) и глагольный предикат (*полагал*). Типовое значение *действие субъекта* передается в последнем предложении цепочки, где называется личный субъект (*он*) и глагольный предикат (*пел*). Стоит отметить, что несколько предложений *разработки* представляют собой прямую речь персонажа, например, следующее предложение: «*А что в штатах у нас до сих*

пор сохранились лошадиная тяга и коногоны — так это только из-за нашей дикости: в Руре коней из штреков убрали еще до первой мировой войны». В данном предложении также наблюдается выделенная ранее закономерность коммуникативной организации фрагмента: рематический компонент — детали рассуждения персонажа (*лошадиная тяга и коногоны сохранились, потому что мы дикие*). Так же как и в других предложениях, рассмотренных ранее, типовое значение может быть определено как *действие и состояние субъекта*. Значение действия субъекта передается и в первом предложении *разработки*, отражающем цепочку размышлений персонажа, а также значение *квалификации субъекта*, которым является субъект *кавалерия*.

Таким образом, в организации ФСТР *рассуждение* в большинстве случаев рематический компонент первого предложения во многом определяет дальнейшее развитие всего РСФЕ — в позиции ремы находятся детали сообщения об определенном вопросе или ситуации, являющейся, в той или иной степени, проблемной, решение которой находит свою аргументацию, эксплицитную или имплицитную. Тематический компонент первого предложения становится микротемой всего РСФЕ.

В формировании смысла речевой формы *рассуждение* принимают участие различные семантические типы предложений, среди которых могут быть действие, состояние, качество и квалификация субъекта. В ФСТР *практическое рассуждение* присутствуют предложения, типовые значения которых представляют более широкий диапазон, чем в случае ФСТР *повествование* и *описание*. Можно предположить, что данный факт определяется целеустановкой ФСТР *практическое рассуждение* — сообщение о ходе рассуждения, который, в свою очередь, может включать в качестве аргументации различные аспекты жизни, жизненные сравнения.

В целом РСФЕ-ва, соответствующие тому или иному ФСТР, как первичные речевые жанры, формируются в рамках прототипа, однако считаем необходимым отметить, что в пределах авторского дискурса РСФЕ, оформленные ФСТР *рассуждение*, часто допускают включение описательных

и повествовательных компонентов. Данные компоненты необходимы для представления хода мысли персонажа наиболее полным образом.

В дискурсе А. Чудакова ФСТР *рассуждение* ведется в основном глаголами прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным и неограниченно-кратным значениями. Употребление данных форм глагола способствует передаче суждений персонажей о людях, их жизни, событиях, происходящих с ним и всей страной, вне временных рамок.

ВЫВОДЫ

При типологизации РСФЕ в дискурсе А. Чудакова мы опирались на варианты членения текста по «объемно-прагматическому» и «контекстно-вариативному» принципам (И.Р. Гальперин).

Объемно-прагматическое членение текста позволило выявить несколько характерных для художественно-автобиографического дискурса структурно-речевых типов РСФЕ, так как материал исследования показал их неоднородность. В результате, с учетом структурной специфики РСФЕ, типов связи (синсемантической, автосемантической), характера развития «тематической прогрессии», специфики лексических средств связи (тематическая лексика, ее заместители), синсемантических средств связи (союзы, временные детерминанты и др.), грамматических средства связи (видо-временные формы глагола и их смыслопорождающая функция), а также в процессе анализа — специфики употребления лингвокультурных единиц, особенностей реализации типов текстовой информации и типов памяти, были выявлены три структурно-речевых типа РСФЕ — интегрированные, неинтегрированные, сложные, рассмотренные нами как микротексты.

1). Интегрированные РСФЕ являются компонентом особых СФЕ с усложненным хронотопом, тема в них задается посредством введения стимула к ретроспекции во временных границах базисного времени, которое, как правило, обрамляет РСФЕ по принципу рамки и реализуется во временных границах ретроспективного времени — прошлого, ассоциативно всплывающего в памяти и отмеченного временным скачком влево, что указывает на ретроспективную природу центрального компонента таких СФЕ. Верхняя граница отмечена точкой разрыва временного континуума темпоральным скачком влево от текущего базисного времени, нижняя совпадает с моментом возвращения к линейному повествованию в базисном времени, что обычно маркируется темпоральными детерминантами. При этом переключаются как

хронотоп, так и описываемая ситуация, которая ассоциативно связывается с базисным временем повествования. Данный структурно-речевой тип РСФЕ имеет следующую модель построения: отскок влево к ретроспекции — интегрированное РСФЕ — отскок вправо к базисному времени.

2). Неинтегрированные РСФЕ. Их существование в тексте автономизируется от базисного времени либо прерыванием временного континуума скачком влево — погружением в воспоминание, либо сменой темы в ретроспективном времени в случае их включенности в объемные ретроспективные фрагменты текста — ретроспективные эпизоды. Признаки базисного времени в них отсутствуют, оно не образует рамки вокруг НИРСФЕ, стимул к их реализации находится за пределами РСФЕ, на языковом уровне они отличаются наличием детерминантов ретроспекции, погружения в прошлое, особыми формами употребления глаголов, наличием прецедентных феноменов и др. лексико-семантических маркеров.

3). Сложные ретроспективные СФЕ (СРСФЕ), которые могут как интегрироваться в базисный контекст (входить в состав СФЕ с усложненным хронотопом и образовывать сложные интегрированные ретроспективные СФЕ), так и автономизироваться (выступать в роли сложных неинтегрированных ретроспективных сверхфразовых единств). В том и другом случаях ретроспективный фрагмент представлен не одним, а либо несколькими простыми РСФЕ (ПРСФЕ), либо ПРСФЕ и автосемантическими предложениями, образующими СРСФЕ интегрированного или неинтегрированного типа. Речевые компоненты таких единств объединены общей темой/макротемой и реализуют ее в разных аспектах (микротемах).

Обращение к *контекстно-вариативному членению текста* дало возможность определить специфические черты художественно-автобиографического дискурса с опорой на рассмотрение РСФЕ как ФСТР, являющихся первичными речевыми жанрами, выстраивающими композиционную семантику текста. При анализе РСФЕ в аспекте ФСТР

(*описание, повествование, рассуждение*) были учтены следующие параметры: тема-рематическая организация экспозиции — первого предложения РСФЕ; тема-рематическая организация предложений *разработки*, в которую входят остальные предложения цепочки; семантические типы предложений РСФЕ и их соответствие целеустановке ФСТР; специфика употребления видо-временных форм глагола, прецедентных феноменов, роль «смысловых приращений» языковых единиц.

Как показало наблюдение над материалом исследования, в большинстве случаев в авторском дискурсе отмечается зависимость развития всего РСФЕ от информации, сообщаемой в первом предложении и задающей ход развития «речевой ситуации», и его функционально-речевой принадлежности, что соответствует характеру общей направленности построения ФСТР и поддерживает мнение К.А. Роговой.

Так, в случае ФСТР *повествование*, в первом предложении РСФЕ в позиции ремы в основном находятся действия или состояния персонажей. Чаще всего данная закономерность наблюдается у РСФЕ, облекающихся речевой формой *изобразительное повествование*, которое сфокусировано на фрагменте предметного мира. Когда речевой формой РСФЕ является ФСТР *событийное повествование*, рематический компонент экспозиции содержит детали жизни человека или отдельной ситуации из его жизни. При этом первое предложение РСФЕ может сообщать о поступках и решениях персонажа, а также о событиях, произошедших с ним. Дальнейшее развитие нацелено на повествование о последовательных действиях персонажа или последовательных событиях в его жизни. В формировании ФСТР *повествование*, как событийного, так и изобразительного, семантическими типами предложений, которые участвуют в построении смысла, в основном являются *действие и состояние субъекта*.

В случае ФСТР *описание* наблюдаются отличия между ФСТР *предметное описание* и *описание положения дел*. Описание, отражающее мир событий, характеризуется тем, что в позиции ремы оказываются детали описываемой

ситуации, которая сложилась в жизни человека или группы людей. При этом данными деталями могут быть повторяющиеся действия, характерные для поведения человека поступки, состояния персонажа, а также другие элементы положения дел в жизни персонажа. Последующее развитие РСФЕ сосредоточено на передаче знаний об определенном времени в прошлом. Семантические типы предложений, которые отбираются для передачи данного сообщения, — *действие и состояние субъекта*.

Однако закономерность зависимости композиционно-речевого типа построения РСФЕ от его начальной фразы в событийном описании может нарушаться: в экспозиции РСФЕ *событийного описания* в позиции ремы могут находиться действия субъекта, в то время как часть разработки может включать такие нехарактерные для прототипа семантические типы предложений, как *действие и состояние субъекта*.

Предметное описание отличается коммуникативной организацией предложений, в которой детали описания находятся в позиции ремы. Данные детали могут быть частью портрета персонажа, описания пейзажа или интерьера. Отмеченное обстоятельство представляет собой отличительную черту РСФЕ, которые оформляются данной речевой формой. Предложения, составляющие *предметное описание*, передают типовое значение *качества, состояния и действия субъекта*.

В художественно-автобиографическом дискурсе композиционно-речевая форма *рассуждение* представлена преимущественно *практическим рассуждением* в связи с особенностями такого дискурса — повествованием об увиденном и пережитом, о судьбах конкретных людей в конкретно-историческом контексте. В *практическом рассуждении* наблюдается широкий диапазон типовых значений, которые передаются предложениями, формирующими основу РСФЕ. Семантические типы предложений РСФЕ включают *действие и состояние субъекта, свойство и квалификация субъекта*. Коммуникативное членение предложений характеризуется тем, что экспозиция РСФЕ в основном передает информацию об определенном явлении или

ситуации, и в позиции ремы оказываются детали рассуждения об этом, аргументации.

Отметим, что описание, повествование и рассуждение, передающиеся ретроспективно, в основном соответствуют их инвариантному прототипу.

При этом наблюдаются и определенные отклонения — включение в ту или иную речевую форму элементов другого ФСТР. Так, во все рассмотренные нами РСФЕ, реализующиеся в пределах ФСТР *рассуждение*, включены описательные или повествовательные компоненты, которые способствуют созданию более полного представления о ходе мыслей персонажей; в РСФЕ, организуемые ФСТР *повествование*, — описательные компоненты, помогающие передать полную картину того или иного события. В художественно-автобиографическом дискурсе подобное построение РСФЕ необходимо для возрождения идиллии прошлого, вечной памяти о нем, попытки оставить его в целостной картине для потомков, чтобы эти события, лица, судьбы не покрылись «мглой», о чем предупреждает прецедентное высказывание из стихотворения А. Блока, вынесенное в ключевую позицию названия автобиографического романа А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени».

Значимым специфическим явлением художественно-автобиографического дискурса является и характер взаимодействия видо-временных форм глагола с композиционно-речевой организацией РСФЕ. Употребление форм глагола определяются принадлежностью РСФЕ к ФСТР.

Для ФСТР *описание* характерно употребление глаголов прошедшего времени НСВ со значением постоянно-непрерывным, конкретно-процессным и неограниченно-кратным. Данные формы передают признаки описываемого объекта или субъекта одновременно, в целостной картине, они подчеркивают непреходящее значение описываемых ситуаций, портретов людей и пейзажей знакомых мест. В РСФЕ повествовательного типа доминируют глаголы прошедшего времени СВ главным образом в конкретно-фактическом значении, они способны передавать развертывание событий во времени, имплицировать

вечные смыслы и оценку событий. РСФЕ, организующиеся ФСТР *рассуждение*, маркируются глаголами прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным и неограниченно-кратным значением, что подчеркивает вневременной характер мировоззрения персонажей.

Видо-временные формы глагола, таким образом, выполняют смыслопорождающую функцию, они способны вести и поддерживать основную гипертему текста, приобретающую в нем лейтмотивную направленность, — гипертему памяти, личной и историко-культурной, в связи с этим — концептуализировать содержательно-фактуальную информацию.

Базисное время в художественно-автобиографическом дискурсе, как показывает материал исследования, ведется глаголами прошедшего времени (с доминированием СВ), что связано с характером повествования. Все повествование строится через определенный временной интервал после происходящих в реальности событий, подвергается, таким образом, авторской переоценке. Точка отсчета базисного времени, поддерживающего развитие событий в линейной перспективе, также соотносена с прошлым. В таком случае можно говорить о выделении в художественно-автобиографическом дискурсе «ближайшего прошлого» и «отдаленного прошлого». Ретроспективный план направлен на продуцирование «отдаленного прошлого», непосредственно на воспоминания, осмысливаемые нарратором сквозь призму времени в сопоставлении с «речевой ситуацией», заданной в базисном времени посредством введения стимула к ретроспекции.

Отличительной чертой художественно-автобиографического дискурса, развиваемого в рамках автобиографического романа, можно считать и явление многосубъектности, проявленное в РСФЕ, — наличие нескольких субъектов, участвующих в продуцировании речевых ситуаций в различных ФСТР — личных субъектов, «неопределенных» субъектов (идеология обезличивания, характерная для советской эпохи), предметных субъектов. Многосубъектность передает специфику действия механизмов памяти, ее семантизации, когда в небольшой фрагмент текста вводится целый набор

воспоминаний, раскрывающих описываемую речевую ситуацию многоаспектно, с акцентированием внимания на значимых деталях — тех, что сохранились в памяти и мгновенно всплывают в воспоминании.

Характерной особенностью является и наличие элементов публицистического стиля (введение советизмов, прецедентных феноменов, отсылки к прессе советского времени, цитирование фрагментов публицистических статей, усложненный синтаксис), формирующих РСФЕ и придающих описываемым ситуациям фактографическую направленность, поддерживающих проявление историзма, характерного для такого типа дискурса.

Постоянное ретроспективное возвращение к одной из ведущих тем текста, проводящих лейтмотивную линию памяти, обыгрывание ее в различных жизненных ситуациях, связанных с судьбой целого ряда персонажей, позволяет сделать еще один важный вывод, характеризующий специфику художественно-автобиографического дискурса: посредством продвижения одной из множества тем в ретроспекции через определенные интервалы текста проявляется и его связность, а также законченность, цельность, несмотря на наличие множества персонажей, описания их судеб в историческом срезе эпохи, часто данных в переплетении.

Таким образом, РСФЕ с присущей им спецификой в художественно-автобиографическом дискурсе способствуют реализации интенции текста — возродить идеальное, которое было в прошлом и не должно подвергаться забвению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ретроспективный план является имманентной составляющей художественно-автобиографического дискурса. Он возникает как реакция на стимул, появляющийся в границах базисного времени и возрождающий в сознании рассказчика поток ассоциативных воспоминаний, образующих новую «речевую ситуацию» в РСФЕ. Их особенности проявляются в дисконтинууме (отскоке влево), смене хронотопа, наличии детерминантов погружения в прошлое, в смене видо-временных форм глагола, введении тематической лексики, маркирующей новую речевую ситуацию, ПФ-в из историко-культурного прошлого, в котором отсылается воспоминание, в смене композиционного типа речи (исключение могут составлять ИРСФЕ), в развитии единой темы/макротемы, раскрываемой многоаспектно, ассоциативно (по памяти) посредством введения эксплицирующих ее микротем. В ряде случаев в качестве реакции на стимул возникает целая цепочка РСФЕ с различными речевыми ситуациями (характеризации невымышленного персонажа, повествовании о его судьбе в контексте истории, описании незабываемого пейзажа или значимых деталей интерьера, сообщении об исторических фактах, размышлении о прошлом, о его событиях и лицах), складывающиеся в целые ретроспективные эпизоды, стимул к возникновению которых выведен в базисное время.

Следовательно, к критериям введения ретроспекции, образующей РСФЕ, можно отнести следующие: прерывание основной линии повествования информацией, предшествующей ее временному плану, временной «скачок влево» от точки отсчета текущего базисного времени, сдвиг в пространственно-временных отношениях текста, наличие стимула к воспоминанию в базисном времени, приводящему к смене речевой ситуации; на уровне употребления языковых средств РСФЕ характеризуются наличием темпоральных детерминантов погружения в прошлое, спецификой употребления видо-временных форм глагола; введением тематической лексики, отражающей

тематический сдвиг в пределах возникшей ретроспективной речевой ситуации; наличием лингвокультурных единиц, маркирующих значимые ситуации историко-культурного контекста; на уровне содержания — актуализацией трех типов текстовой информации (фактуальной, концептуальной, подтекстовой), основных типов памяти — личной, подвергающейся семантизации, и историко-культурной.

РСФЕ являются композиционно-речевыми единицами ретроспективного плана текста и соответствуют всем вышеназванным критериям. Как показал материал исследования, в дискурсе такого типа они отличаются усложненностью структуры, обусловленной его многоаспектностью, многотемностью, сложностью хронотопа, историзмом, образной обработкой реальных событий и фактов, многомерностью повествования о судьбах невымышленных персонажей, задачей «вписать» личную судьбу героев в историко-культурный контекст, переоценить и переосмыслить события сквозь призму времени посредством введения вымышленного рассказчика.

Объемно-прагматическое членение текста позволило выявить три характерных для художественно-автобиографического дискурса структурно-речевых типа РСФЕ: интегрированные РСФЕ, неинтегрированные РСФЕ и сложные РСФЕ.

Контекстно-вариативное членение текста, предполагающее рассмотрение РСФЕ как ФСТР *описание, повествование, рассуждение*, показало, что для дискурса А. Чудакова характерно наличие следующих разновидностей ФСТР: *изобразительное и событийное повествование, предметное и событийное описание, практическое рассуждение*.

Для формирования смысла функционально-смысловых типов речи используются следующие *коммуникативно-семантические модели предложений*: в *повествовании* используются предложения с типовыми значениями *действие и состояние субъекта*; в *описании* — предложения, передающие типовое значение *качество субъекта, действие и состояние субъекта*. Основу РСФЕ, оформляемых ФСТР *рассуждение*, составляют

семантические типы предложений *действие* и *состояние субъекта*, *свойство* и *квалификация субъекта*. В аспекте организации РСФЕ как ФСТР отмечено соответствие их тема-рематической прогрессии инварианту-прототипу, характерному для ФСТР *повествование*, *описание* и *рассуждение* в их разновидностях. Наблюдаются единичные отклонения от прототипа: например, в экспозиции РСФЕ *событийного описания* в позиции ремы могут находиться *действия субъекта*.

Специфичным для художественно-автобиографического дискурса является взаимопроникновение функционально-смысловых типов речи внутри РСФЕ; наличие РСФЕ, оформленных по принципу фактографичности в границах публицистического стиля, а также многосубъектность, передающая механизмы памяти и ее семантизацию.

Важной особенностью художественно-автобиографического дискурса является особое значение вида глагола. В РСФЕ *описательного типа* используются глаголы прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным, конкретно-процессным и неограниченно-кратным значением. Для функционально-смыслового типа речи *повествование* характерно употребление глаголов прошедшего времени СВ с конкретно-фактическим значением, в то время как РСФЕ *рассуждение* маркируются глаголами прошедшего времени НСВ с постоянно-непрерывным и неограниченно-кратным значением. Базисное время, связанное с «ближайшим прошлым», ведется, как правило, глаголами прошедшего времени СВ, ретроспективное время, связанное с «отдаленным прошлым» — глаголами прошедшего времени НСВ (в описании и рассуждении) и глаголами СВ в повествовании (использование глаголов настоящего времени, в том числе — глаголов настоящего исторического, оказалось нетипичным для художественно-автобиографического дискурса).

В художественно-автобиографическом дискурсе виды глагола способны участвовать в смыслопорождении и вести мотив памяти — основную гипертему текста, *раскрываемую в различных речевых ситуациях*.

В ходе исследования РСФЕ рассматривались нами как микротексты, обладающие текстовыми категориями цельности, связности, интенциональности, информативности, интертекстуальности. Нами были выявлены структурно-речевые типы РСФЕ, типы соотношений РСФЕ с функционально-смысловыми типами речи, была также выявлена специфика их языкового наполнения, речевые особенности и функции в художественно-автобиографическом дискурсе, фрагментом которого является дискурс романа А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени».

РСФЕ участвуют в смыслообразовании на микротекстовом и макротекстовом уровне, поскольку их языковое наполнение получает добавочные смысловые приращения как в сфере семантики, так и на уровне грамматики, и способствует трансформации фактуальной информации в содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую, а также семантизации личной и историко-культурной типов памяти. В РСФЕ формируется и развивается мотив памяти, идея невозможности забвения прошлого, воспринимаемого автором как духовная идиллия. В контекст истории выстраиваются трагические судьбы замечательных людей, память о которых не должна уйти в забвение.

Таким образом, ретроспективный план текста развивает основную линию — лейтмотив памяти, имплицитную в названии автобиографического романа «Ложится мгла на старые ступени».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. — М.: Индрик, 1997. — С. 51-61.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений. — М.: Русские словари, 1997. Т.5: Работы 1940-1960 гг. — С. 159-206.
3. Бахтин М.М. Идиллический хронотоп в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: худож. лит. 1975. — С. 373-391.
4. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. — СПб: изд-во СПбГУ, 1996. — 220 с.
5. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 520 с.
6. Брускова Н.В. Категории ретроспекции и проспекции в художественном тексте (на материале немецкого языка): дис. на соиск. ст. канд. филол. наук / Н.В. Брускова. — М., 1983. — 220 с.
7. Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис: Учебник / Н.С. Валгина. — М.: Высш. шк., 2003. — 416 с.
8. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. — М.: Логос, 2002. — 528 с.
9. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. — Саратов, 1997. №1. — С. 99-111.
10. Волошина С.В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. — 2008. № 308. — С. 11-14.
11. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. — М.: КомКнига, 2007. — 144 с.
12. Голубева И.В. Мемуаристика русского зарубежья о серебряном веке как культурный феномен // Святоотеческие традиции в русской литературе: сб. материалов II всерос. науч. конф. с межд. участием. — Омск, 2009. — С. 111-119.
13. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. — М.: Искусство, 1972. — 318 с.

14. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. — М.: Знак, 2010. — 600 с.
15. Дымарский М.Я. Художественный текст. Структура. Язык. Стилль / Под ред. КА.Роговой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. — С. 19-36.
16. Ефремова Л.С. Сверхфразовое единство как семантико-синтаксическая единица текста // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011.№3 (8). — С. 105-107.
17. Женетт, Ж. Фигуры / Ж. Женетт. — М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. — 470/472 с.
18. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. — М.: Издательство «Наука», 1982. — 368 с.
19. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. Г.А. Золотовой. — М.: Издательство «Наука», 2004. — 544 с.
20. Иванцов Е.Г. Песня как музыкальный маркер времени в романе А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» / Е.Г. Иванцов // Литература в контексте культуры. — 2014. № 24 (1). — С. 65-70.
21. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
22. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. — М.: «Канон+», 2008. — 437 с.
23. Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории / Избранные труды под ред. М.Н. Кожинной. — Пермь: ун-т, ПСИ, ПССГК, 2002. — 475 с.
24. Коньков В. И. Функциональные типы речи :учебное пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / В. И. Коньков, О. В. Неупокоева. — М. :Издательский центр «Академия», 2011. — 224 с.
25. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. — М.: Гардарики, 2005. — 287 с.

26. Котюрова М.П. Членимость текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. — М.:Флинта:Наука, 2006. — С. 617-621.
27. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения / Текст. Структура и семантика. Т. 1. — М.: Наука, 2001. — С. 72-81
28. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Т.1. — Таллинн, 1992. — С. 200-202.
29. Максимова Н.В. Курсив в романе Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» // Гуманитарные исследования 2012. №3 (43). — С. 133-135.
30. Марченко Е.П. Полупредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантические, коммуникативные и текстообразующие потенции: монография / Е.П. Марченко. — Краснодар: Издательство КубГУ, 2003. — 250 с.
31. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / Ю.С. Маслов. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 840 с.
32. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. — Л.: ЛГУ. 1984. — 263 с.
33. Морженкова Н.В. Модернистская автобиография: жанровые трансформации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. №1. Том 7. — С. 195-203.
34. Москальская О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. — М.: Высшая школа, 1981. — 183 с.
35. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: учебное пособие / Н.А. Николина. — М.: Издательство «Наука», 2002. — 258 с.
36. Ничипоров И.Б. Автобиографический роман в творчестве И. Бунина и В. Набокова («Жизнь Арсеньева»и «Другие берега») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37234.php> (дата обращения: 18.04.2016).
37. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 1996. — 464 с.
38. Попова Т.И. Повествование как первичный речевой жанр и его функционирование в целом тексте (вторичном речевом жанре) // Филологический класс. 2014. № 3 (37). — С. 7-13.

39. Ракова И.В. Об одном из приемов построения речи в автобиографическом романе А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Мир русского слова. 2012. №4. — С. 87-91.
40. Размусен Л.П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журнал министерства народного просвещения, 1891. № 6. — С. 383-384.
41. Рогова К.А. Введение / Анализ художественного текста (Русская литература XX века: 20-е годы): Учебное пособие для иностранцев / Вознесенская И.М., Гулякова И.Г. и др.; Под. ред. К.А. Роговой. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 1997. — С. 3-10.
42. Рогова К.А., Колесова Д.В., Шкурина Н.В., Реброва И.В., Попова Т.И., Вознесенская И.М., Хорохордина О.В. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пос. / под ред. проф. К.А. Роговой. — СПб.: Златоуст, 2011. — 464 с.
43. Рогова К.А. Речевой жанр и языковые средства его реализации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материал XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года) / ред.кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. — В 15 т. Т.8. — СПб.: МАПРЯЛ, 2015. — С. 264-266.
44. Рогова К.А. Типы текстов в их языковых проявлениях [Электронный ресурс] URL : <http://www.imt-a.org/sites/default/files/u5/rogoва.pdf> (дата обращения: 19.04. 2016).
45. Рогова К.А. Типы текста как явления глубинного литературно-языкового уровня // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. 2013. № 9. — С. 6-12.
46. Романова Г. Автобиографические жанры // Литературная учеба. 2003 № 6. — С. 195-199.
47. Сапожникова, Ю. Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение Филология, история, востоковедение. Чита. 2012. №2 (43). — С 54-56.
48. Седов К.Ф. Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. — С. 107-117.

49. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // НЗЛ. №.17. М. 1986. — С. 170–194.
50. Смулаковская Р.Л. Дисконтинуум как свойство автобиографической прозы // Вестник Волгоградского государственного университета. сер. 2, Языкознание. 2009. №2 (10). — С. 57-63.
51. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика / Г.Я. Солганик. — М.: Высш. школа, 1973. — 214 с.
52. Солганик Г.Я. Сложное синтаксическое целое (прозаическая строфа) и его виды в современном русском языке // Русский язык в школе № 2. 1969. — С. 92-97.
53. Солганик Г.Я. Стилистика текста / Г.Я. Солганик. — М.: Флинта, Наука. 1997. — 256 с.
54. Степанов А.Г. Идиллия // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — С. 77-78.
55. Степанов А.Г. Идиллия или прогресс [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://prochтение.ru/reviews/25621> (дата обращения: 15.11.2015).
56. Тивьяева И.В. Категория памяти как объект исследования в лингвистике [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://www.academia.edu/5711602> (дата обращения: 29.03.2016).
57. Тивьяева И.В. Ретроспективный нарратив как форма репрезентации процессов хранения и восстановления информации из памяти // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. №2. — С. 436-440.
58. Тивьяева И.В. Ретроспективные сверхфразовые единства: формы и функции: на материале английского языка: автореф. дис. на соискание канд. филолог. наук. Тула, 2007. — 20 с.
59. Тодоров Ц. Понятие литературы. // Семиотика. — М. 1983. — С. 355-369.
60. Тураева З.Я. Лингвистика текста Текст: структура и семантика / З.Я. Тураева. — М.: Просвещение, 1986. — 127 с.
61. Тюпа В.И. Жанр и дискурс// Критика и семиотика. — М.: 2011. №. 15. — С. 31-42.

62. Чэнь Цзе К вопросу об объеме понятия «сверхфразовое единство» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. Красных В.В., Изотов А.И. М.: МАКС Пресс, 2003. — С. 69-75.
63. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 144 с.
64. Шмелева Т.В. Речевой жанр // Russistik. Русистика: Науч. журн. актуальных проблем преподавания рус. языка. — Берлин. 1990. №2. — С. 24-41.
65. Шмелева Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект [Текст] / Т.В. Шмелева // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. — М.: Наука, 1992. — С. 2-15.
66. Danes, Frantisek. Functional sentence perspective and the organization of the text. / In Danes, Frantisek (ed.), Papers on Functional Sentence Perspective. — Prague: Academia, — С. 106-128.
67. Searl J.R. Speech Acts: An essay in the Philosophy of Language. — Cambridge Press, 1969. — 203 с.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. — 672 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Е. Ярцева. — М.: «Сов. Энциклопедия», 1990. — 685 с.
3. Литературная энциклопедия / ред. коллегия: И. М. Беспалов, Лебедев-Полянский П. И., Маца И. Л., Нусинов И. М., Скрыпник И. А. Фриче В. М.; Отв. ред. Луначарский А. В.; Отв. секретарь Бескин О. М. — М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. Т.4

ИСТОЧНИКИ

1. Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. — М.: Время, 2014. — 640 с.

Сокращения в списке литературы

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Е. Ярцева. — М.: «Сов. Энциклопедия», 1990. — 685 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Расшифровка аббревиатур терминов, использованных в работе:

- СФЕ — сверхфразовое единство;
- РСФЕ — ретроспективное сверхфразовое единство;
- ИРСФЕ — интегрированное ретроспективное сверхфразовое единство;
- НИРСФЕ — неинтегрированное ретроспективное сверхфразовое единство;
- СИРСФЕ — сложное интегрированное ретроспективное сверхфразовое единство;
- СНИРСФЕ — сложное неинтегрированное ретроспективное сверхфразовое единство;
- ПРСФЕ — простое ретроспективное сверхфразовое единство;
- ФСТР — функционально-смысловой тип речи;
- СВ — совершенный вид;
- НСВ — несовершенный вид;
- ПВ — прошедшее время.
- ПФ – прецедентные феномены.